

Международный научный
и общественно-политический журнал

ОБЩЕСТВО И ЭКОНОМИКА
SOCIETY AND ECONOMY
№8, 2022

Журнал учрежден академиями наук – участниками
Международной ассоциации академий наук

Выходит 12 раз в год.

Временно исполняющий обязанности
главного редактора журнала –
зам. главного редактора **П. Кохно**

Редакционная коллегия: д. э. н. **А. Алирзаев**, академик НАН Беларуси **Е. Бабосов**, академик НАН Украины, иностранный член РАН **В. Геец**, д.э.н. **Р. Джабиев**, академик АН Республики Таджикистан **М. Диноршоев**, академик РАН **В. Журкин**, член-корр. РАН **И. Иванов**, д.э.н. **С. Калашников**, академик АН Республики Таджикистан **Н. Каюмов**, академик НАН Кыргызской Республики **Т. Койчуев**, д.э.н. **П. Кохно** – зам. гл. редактора, д. филос. н., иностранный член РАН **Нгуен Зуй Куи**, академик РАН **А. Некипелов**, академик НАН Беларуси **П. Никитенко**, академик РАН **Б. Порфирьев**, д. э. н. **А. Расулев**, академик АН Молдовы **А. Рошка**, академик НИА Республики Казахстан **О. Сабден**, **В. Соколин**, д. филос. н. **О. Тогусаков**, академик НАН Украины **Ю. Шемшученко**, д. э. н. **Е. Ясин**.

СОДЕРЖАНИЕ

Андрей Коломиец. Общество неопределенности и риска: противоречивость институциональных трансформаций	5
Борис Хейфец. Государственная поддержка экспорта высокотехнологичной продукции малого и среднего бизнеса азиатских стран	18
Даниэль Камари. Компетенции в новой модели развития экономики ..	29
Михаил Жариков. Мультилатеральные финансовые институты стран БРИКС в условиях новой волны антироссийских санкций	37
Валерия Сильнягина, Денис Гилёв. Оценка факторов устойчивости кредитных организаций на основе количественных методов анализа	53
Павел Лимарев, Юлия Лимарева. Об инструментах информационного менеджмента на промышленных предприятиях.....	67
Александр Бобков, Ульяна Меркушева. Демпфирование ключевых угроз продовольственной безопасности	72
Константин Ушаков. Социокультурный аспект горного производства: препятствие или ресурс устойчивого роста?	86
Николай Драгун, Ирина Ивановская. Городская агломерация: понятие, этапы и механизмы развития	89
Мария Арзуманян. Социально-ориентированная модель образования как фактор развития человеческого потенциала (на примере скандинавских стран)	106

CONTENTS

A. Kolomiets. A society engulfed by uncertainty and risk: the inconsistency of institutional transformations	5
B. Heyfetz. State support for export of high-tech products of small and medium business in Asian countries	18
D. Kamari. Competences in the new model of economic development.....	29
M. Zharikov. Multilateral financial institutions of the BRICS member countries in the context of new anti-russian sanctions	37
V. Silnyagina, D. Gilev. Assessing sustainability factors for credit institutions based on quantitative analyses methods	53
P. Limarev, Ju. Limareva. On the information management tools used at industrial enterprises	67
A. Bobkov, U. Merkusheva. Damping key threats to food security	72
K. Ushakov. The socio-cultural aspect of mining: a hindrance or a resource for sustainable growth?	86
M. Drahun, I. Ivanouskaya. The urban agglomeration: the concept, the development stages and mechanisms	89
M. Arzumanyan. A socially oriented model of education as a human potential development factor (with reference to Scandinavian countries)	106

Журнал «Общество и экономика» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по специальностям: 22.00.03 – экономическая социология и демография (социологические науки); 5.4.4 – социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки); 5.4.7 – социология управления (социологические науки).

Научно-организационная работа
по изданию журнала осуществляется при поддержке
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института экономики Российской академии наук

© 2022

Андрей Коломиец

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник

Института экономики Российской академии наук (г. Москва, Россия)

(e-mail: agk1807@mail.ru)

ОБЩЕСТВО НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И РИСКА: ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

В статье рассматриваются проблемы критериев оценки институциональных трансформаций, легитимизации и легализации институтов. Отмечается, что в современном обществе институциональные трансформации, которые ранее были, как правило, результатом постепенных и длительно протекающих процессов, часто носят противоречивый характер и испытывают все большее давление неопределенных угроз и рисков, в частности, вследствие увеличения вероятности и масштабов «провалов рынка» и «провалов государства», маргинализации общества, острых социальных конфликтов, негативных эффектов информатизации. В то же время научные представления о критериях выбора необходимых институциональных трансформаций продолжают во многом оставаться неясными.

Ключевые слова: институты, легитимизация, неопределенность, риск, угроза, «безбилетник».

DOI: 10.31857/S020736760021492-0

Современное общество поставлено перед лицом быстрых и подчас катастрофических изменений, новых вызовов, угроз и рисков. Резко ускорились процессы институциональных трансформаций, которые во многих случаях имеют спонтанный характер. Общество часто балансирует на грани восходящих и деструктивных тенденций развития, в ситуации постоянного выбора траектории этого развития. Реакцией на эти процессы стало усиление запроса общества на устойчивое развитие и безопасность. В этой связи необходимо дальнейшее научное осмысление закономерностей и проблем институциональных трансформаций в современном обществе.

Институциональные трансформации как результат коллективных действий. Основа институциональных трансформаций – целеполагание и действия экономических агентов (акторов). Институциональные трансформации происходят постоянно. Как отмечал Д. Норт, «устойчивость институтов ни в коей мере не противоречит тому факту, что они претерпевают изменения. Развиваются все институты – начиная от традиционных условностей, кодексов и норм поведения до писанного права, обычного права и контрактов между индивидами» [8]. Институты не рождаются, подобно Афине «из головы Зевса». Процессы формирования институтов имеют историческую длительность. Финальная стадия формирования институтов – легитимизация. Суть легитимизации – общественное признание в качестве общепринятой нормы или правила, или

господствующего убеждения. Легитимность является интегральной характеристикой качества институтов [11].

Но признанный обществом институт в большинстве случаев отражает интересы преимущественно конкретных социальных групп и в значительно меньшей степени — интересы общества в целом, если вообще как-то с ними связан. Как отметил М. Олсон, действия от имени группы индивидов с общими интересами чаще всего выражают интересы притязующих на доминирование малых социальных групп и/или активного меньшинства этих групп и не совпадают с интересами максимизации общественного благосостояния [9]. Наличие общих интересов не предопределяет обязательное стремление участников групп действовать совместно в целях реализации этих интересов. В среднесрочной перспективе (тем более, в долгосрочной перспективе) меняются и сами интересы (групповые и индивидуальные), и состав участников групп. Только с учетом изложенного можно согласиться с утверждением Д. Асемоглу и Дж. Робинсона, что в конечном итоге экономические институты (так же, как и политические институты) являются коллективным выбором общества [13].

Логика коллективных решений, исследованная М. Олсоном [9], позволяет предполагать, что институциональные трансформации, кто бы их ни инициировал, во многих случаях не имеют целей способствовать совершенствованию институтов и повышению общественного благосостояния. Действия «безбилетника», желающего использовать результаты соединенных усилий, но уклоняющегося от бремени и ограничений, которое этим усилиям способствуют (в первую очередь, от бремени налогов и платежей), также препятствует единству коллективных действий [18], в том числе при создании институтов. Эти ограничения являются важнейшими причинами того, что, как отметил Д. Норт, экономическая история любой страны представляет собой соединение разных тенденций развития — продуктивных и контрпродуктивных [8].

Адекватная оценка этих тенденций и результатов их взаимодействия является одной из наиболее сложных проблем экономической и социальной теории и истории. Исследование этой проблемы выходит далеко за рамки предмета данной статьи. Остановимся только на одном из критериев, который может использоваться для оценки состояния общества и социальных институтов. Этот критерий характеризует фактически состояние распада общества, когда оно находится под контролем конкурирующих автократов, которых М. Олсон характеризовал как «кочующих бандитов». Олсон использовал в качестве реального прообраза своих «кочующего» и «стационарного» «бандитов» характерный для Китая эпохи гражданских войн XX столетия тип «военного правителя» [23]. Такие «военные правители» фактически разделили между собой страну в 1916–1928 годах («эра милитаристов»). Социальный распад характеризуется также атомизацией общества и доминированием малых групп, когда по цитируемому М. Олсоном определению Дж. Хоманса, «повсеместная враждебность между

небольшими группами была условием их сплоченности изнутри» [9]. Эти характеристики дополняют, по нашему мнению, «вульгаризация и варваризация правящего меньшинства» [12]. Указанные характеристики представляются важными, поскольку позволяют оценивать, с известной долей условности, динамику развития общества. Очерченный М. Олсоном образ «кочующего бандита» не только характеризует состояние распада общества, но и может быть использован для оценки направленности институциональных трансформаций: если институты преимущественно адаптируются к интересам «кочующего бандита» — деструктивные тенденции преобладают. Доминирование «кочующих» бандитов влечет за собой угрозы движения общества по нисходящей, деструктивной траектории развития. Напротив, если в структуре коллективных интересов, формирующих социальные институты, преобладают интересы более широкие, нежели интересы «кочующего бандита» и его преемника «стационарного бандита», общество эволюционирует по восходящей траектории развития.

Однако, представляется ошибкой использование образов «кочующего» или «стационарного» «бандита» как универсальных характеристик действий государства. Претенденты на указанные роли есть в любом обществе. Но именно качество институтов — формальных и неформальных — и диапазон институциональных трансформаций, которые общество допускает под воздействием постепенных изменений своих ценностей и внешних обстоятельств, определяют возможности активизации соответствующих персонажей и противодействия им со стороны здоровых сил общества.

Именно история китайского общества прошлого века, которому удалось в сравнительно короткий исторический срок, хотя и с колоссальными издержками, обуздать своих «бандитов» как «стационарных», так и «кочующих» и начать движение по восходящей траектории развития — наглядное тому подтверждение.

В связи с рассматриваемой проблематикой следует отметить попытку интерпретировать действия руководства СССР в предвоенные годы в соответствии с логикой действий «диктатора» и «стационарного бандита» в работе «Политическая экономия сталинизма» [5]. Неудача этой попытки тем более показательна, что она была предпринята высококвалифицированным исследователем П. Грегори в сотрудничестве с рядом других ученых, которые привлекли большой фактический материал. Однако автор так и не нашел внятной аргументации в поддержку концепции, заявленной в начале исследования, и, более того, по сути, показал невозможность объяснить ход и результаты индустриализации СССР на основе модели управления государством «стационарного бандита» или близких по содержанию моделей «научного планирования» (в интерпретации Грегори), «диктатора-эгоиста», «диктатора-рефери». Не будет большим преувеличением утверждение, что неудача была предопределена: институциональная повестка, связанная с социальными преобразованиями СССР в предвоенные

годы — развитием образования, науки, здравоохранения, культуры, ускоренным темпом развития окраин и т.д., — не укладывается в прокрустово ложе концепции государства — «стационарного бандита».

Легитимизация и легализация институтов. Понятия «легитимизация институтов» и «легализация институтов» необходимо различать, как и соответствующие процессы. Легальный институт, как правило, — институт, функционирование которого оформлено правовыми и/или нормативными актами, имеющими силу правового установления, и, следовательно, институт, поддержанный силовыми структурами государства. С другой стороны, легитимизированный обществом, но не получивший по тем или иным причинам полностью легального статуса институт, как правило, продолжает свое существование преимущественно как неформальный и поддерживается силой общественного мнения и деятельностью каких-либо неформальных групп.

Еще один вариант легитимизации имеет место в случаях, когда государство вынуждено легализовать институты, фактически получившие легитимность благодаря признанию значительной частью экономических агентов. Так, фактическая легитимизация криптовалют вынудила денежные власти многих стран эти валюты легализовать и регулировать, определив тем или иным путем правовой статус соответствующих сделок. Эта легализация происходит несмотря на скептическое во многих случаях отношение денежных властей к ценности криптовалют (за исключением “цифровых аватаров” национальных валют). Так, Председатель Европейского Центрального Банка К. Лагард прямо заявила, что криптовалюты «ни на чем не основаны» (“*based on nothing*”), но должны регулироваться, чтобы люди не спекулировали на них своими сбережениями [16]. Институциональный парадокс заключается в том, что именно отсутствие легализации и тем самым возможность ухода от налогов, совершения операций, связанных с отмыванием денег, является одной из причин быстрого распространения и фактической легитимизации криптовалют, в то время, как включение криптовалют в сферу законодательного регулирования ставит этим действиям определенные препятствия. Пока нет ясного ответа на вопрос, как изменятся рынки криптовалют в результате этих институциональных новаций, тем более в условиях роста процентных ставок денежных рынков, неустойчивости и волатильности глобальных финансовых рынков.

Легализация института не всегда сопровождается полноценной легитимизацией, даже когда институт поддержан влиятельной малой группой. Примером, который уже может претендовать на наименование «классического», является легализация российской приватизации начала 90-х годов прошлого века как правового института, и, соответственно, легализация «приватизированной» собственности как частной. Однако в результате к началу XXI столетия в РФ сложилась «собственность без легитимности». Причем, как заметил Р. Капелюшников, «проблема размытой нелегитимности не поддается лечению

ни с помощью хирургического вмешательства (вроде тотальной деприватизации), ни с помощью терапевтических средств (вроде компенсационного налога на приватизированную собственность)» [6]. Фактические полномочия по распоряжению и пользованию имуществом являются результатом персональных взаимоотношений лиц, которые понимают, что вероятность легитимизировать такие полномочия крайне низкая и оттого не заинтересованы менять сложившийся порядок вещей. «Собственников-олигархов» большая часть общества продолжает оценивать как реинкарнацию «кочующих бандитов». Экономическое поведение этих и более мелких персонажей, охваченных рациональным в их положении стремлением «отжать» из любого бизнеса максимум активов, которые (как им кажется) где-то можно сохранять безопасно, является прекрасной иллюстрацией справедливости замечания Олсона, что «в мире кочующего бандитизма практически нет стимулов для кого-либо производить или накапливать что-либо, так как это может быть украдено» [23]. Вполне закономерно, что межумочный институт «приватизированной» собственности не стал фактором устойчивого развития общества, а масштабный отток капиталов, при хроническом недостатке инвестиционных ресурсов является одной из критических угроз экономическому росту.

Легализация и легитимизация конкретного института свидетельствуют о завершении процесса его формирования и одновременно о начале его эволюции. В ходе эволюции институты изменяются в результате различных коллективных действий. Эти изменения также требуют легализации и легитимизации в необходимых случаях. Институт, сохранив название и определенные в начале своего существования функции, в остальном может трансформироваться коренным образом.

Общество неопределенности и риска: главные особенности. Институциональные трансформации в предшествующие эпохи были, как правило, результатом долгосрочных процессов. Поступательные изменения периодически сменялись периодами скачкообразных перемен, в отношении которых правомерно использовать термин «революционные». Напротив, в современных условиях институциональные трансформации слишком часто приобретают характер внезапных и шокирующих сдвигов. Представляется, что общая причина таких качественных изменений – превращение современного общества в общество неопределенности и риска.

Неопределенность и риски присущи экономической деятельности в любом обществе. Неопределенность и продуцируемые неопределенностью риски являются постоянными спутниками и предпосылками экономической деятельности. «Если мы хотим понять функционирование экономической системы, мы должны осмыслить суть и значимость фактора неопределенности», отмечал Ф. Найт. Под риском, как правило, подразумевается вероятность причинения ущерба той или иной угрозой. Найт выявил фундаментальное различие между

рисками, которые по своей природе поддаются измерению, могут быть измерены, а, следовательно, возможный ущерб тем или иным способом может быть возмещен, и «неопределенностью, которую невозможно измерить, а значит, и устранить». При этом «использование ресурсов для уменьшения неопределенности является операцией, сопряженной с наибольшей неопределенностью из всех возможных» [19].

Таким образом, теоретическая граница между неопределенностью и рисками проведена достаточно отчетливо. Однако в конкретных случаях определить эту границу ex-ante, т.е. определить, какими рисками и в каком объеме можно управлять – прежде всего, идентифицировать, оценивать, страховать и возмещать, – часто затруднительно. В современном обществе, во-первых, резко увеличились масштабы неопределенности, с которой сталкиваются экономические агенты, во-вторых, качественно изменился характер рисков, в-третьих, роль неопределенности и рисков стала значительно большей, а последствия недостаточного внимания общества к угрозам и рискам становятся потенциально все более опасными. Эти изменения приводят к тому, что современное общество находится под постоянным воздействием и давлением все более масштабных и потенциально все более опасных вызовов и угроз.

Прежде всего, отмеченные изменения являются следствием того, что само современное общество находится в состоянии системных трансформаций. Как отмечает А. Городецкий, «системная трансформация – это долгосрочный и последовательный исторический процесс формационных и цивилизационно-культурных преобразований, означающих смену экономических, социальных, политических, культурных эпох, миропорядка, общественного строя, практически всех фундаментальных основ жизни человека и социума». Системной трансформации всегда присущи фундаментальные риски развития и безопасности – «трансформационные риски», кроме того, возникают «риски эклектических трансформаций» [4].

Новая роль качественно новых рисков в современном глобальном обществе дала основания У. Беку выдвинуть концепцию «мирового общества риска» [1]. Бек предположил, что новой парадигмой общества риска является проблема предотвращения систематически возникающих в процессе модернизации рисков и опасностей [2]. Необходимо уточнить, что, используя понятие «риск», Бек понимает нечто иное, чем то, что в исследованиях риска принято связывать с этим термином (см. выше): концепция риска в академической литературе, в основном, означает вычисляемую неопределенность, в то время, как в «мировом обществе риска» люди постоянно сталкиваются с неисчислимой неопределенностью. Хотя современные информационные технологии позволяют создавать все более совершенные системы управления рисками, риски, с которыми сталкиваются экономические агенты и общество в целом, – это «новые риски

рукотворных катастроф» и они все больше становятся не калькулируемыми и не локализуемыми [15, 24]. Следовательно, возможности страхования этих рисков и полного возмещения имущественного и морального ущерба от событий риска объективно уменьшаются. Вместе с тем ожидание катастрофических событий стало неотъемлемой чертой повседневной жизни современного общества, оно радикально меняет и поведение экономических агентов, широкое распространение получило понятие “*Fearonomics*” (появившееся еще в 2011 г.) – экономика страха.

Современное общество все больше занимается обсуждением, предотвращением и управлением рисками, которые оно само произвело [15], причем непредвиденные системные эффекты появляются именно из-за вмешательств в сложные системы, и эти эффекты способны «подорвать полные благих намерений усилия улучшить человеческое благосостояние» [17].

С учетом изложенного выше представляется, что введенное У. Беком понятие «общество риска», требует определенной корректировки – более адекватную характеристику современного общества содержит определение «общество неопределенности и риска». Общество неопределенности и риска не может рассматриваться как отдельная самостоятельная стадия развития общества. Общество неопределенности и риска не есть отдельная формация или этап какой-либо цивилизации или формации. Общество неопределенности и риска – обобщающая характеристика состояния современного общества как в развитых, так и в развивающихся странах, инвариантная по отношению к типологии цивилизации или стадияльного развития, это характеристика современного этапа развития глобальной цивилизации. В обществе неопределенности и риска суть экономических и социальных отношений не изменяется, но меняются существенные характеристики институциональной среды, социальных контактов и взаимодействий, транзакций и сделок. (Используемое далее понятие «институциональная среда» объединяет все типы институтов – формальные (законы, нормы) и неформальные (правила, установки, модели поведения).) Главное в том, что общество неопределенности и риска всегда находится в «пограничном состоянии», когда практически любые масштабные внешние и внутренние шоки и/или трансформации, которые предсказать зачастую невозможно, способны кардинально изменить траекторию развития общества.

В центре внимания в данной статье – проблемы институциональных трансформаций. Эти трансформации имеют как преимущественно внутренние, так и преимущественно геополитические компоненты. В современном обществе неопределенности и риска институциональные трансформации прямо связаны с глобальными переменами, имеющими источником кризис модели однополярного мира. Геополитическая напряженность мультиплицирует угрозы, характерные для общества неопределенности и рисков. В силу ограниченности формата статьи эти процессы здесь не рассматриваются.

Социальные институты в обществе неопределенности и риска. При «совершенном» состоянии институтов общественный интерес сводится или раскладывается без остатка на сумму интересов индивидуумов [10]. Изложенное выше показывает, что институциональная среда общества неопределенности и риска может становиться более далекой от «совершенного» состояния и менее устойчивой. А это означает снижение способности институтов обеспечивать устойчивость обменов между людьми. Последнее, в свою очередь, означает увеличение вероятностей и возможных масштабов «провалов рынка» и «провалов государства».

Пандемия COVID-19 показала, что институциональные изменения необходимы во многих случаях там, где, как считалось ранее, созданы относительно эффективные институты, в том числе в общественном здравоохранении развитых стран. Наиболее актуальными проблемами общественного здравоохранения оказалась эффективность первой медицинской помощи и доступность ее услуг для населения. Пандемия показала, что даже в развитых странах отсутствие доступа к первой помощи для уязвимых групп населения (пенсионеров, малоимущих, мигрантов и др.) может привести к катастрофическим последствиям для общества. Таким образом, необходимы институциональные изменения, обеспечивающие открытый и равный доступ к первой медицинской помощи, независимо от того, являются ли нуждающиеся в ней лица временно или постоянно проживающими, без исключений обусловленные гражданством и социальным статусом. Страховая медицина, источником финансирования которой являются взносы застрахованных лиц и работодателей, не в состоянии обеспечить такой доступ. Поддерживать систему здравоохранения в рабочем состоянии способны социальные институты, сочетающие рыночные и нерыночные принципы финансирования и предоставления основных услуг здравоохранения – платных и бесплатных. Этот комплекс проблем имеет глобальный характер, но они актуальны и в Российской Федерации [7]. Риск возникновения новых чрезвычайных ситуаций в области здравоохранения продолжает расти из-за ухудшения состояния окружающей среды и усиления геополитической нестабильности, что несоизмеримо затрагивает бедные и наиболее уязвимые слои населения [27].

Реакцией на тенденции увеличения неопределенности и рисков является усиление запроса общества на устойчивое развитие и безопасность. Кроме того, чем значительнее неопределенность, тем выше спрос на знания, и тем больше, как отметил К. Эрроу, информация и знания становятся товаром [14]. Развитие «экономики знаний» полностью подтверждает этот тезис.

Безусловно, «цифровизация» приобрела решающее значение и для «экономики» знаний, и для решения вопросов безопасности. «Вселенная» информационных систем во многих случаях уже стала своего рода «коллективным разумом» человечества. Однако нельзя не заметить, что ее функции постепенно выходят за рамки «служебных» отношений с пользователями. Появившийся как своеобразный продукт «удвоения самосознания» навязчивый советчик,

от предложений которого зачастую «невозможно отказаться», заставляет вспомнить о диалектике взаимоотношений раба и господина, рассмотренной Г.В. Гегелем двумя столетиями ранее нашего времени [3].

Современные информационные технологии позволили развернуть упомянутый продукт «удвоения самосознания» в «капитализм наблюдения» («*surveillance capitalism*») [25, 26], который, в отличие от «раба», рассмотренного Гегелем, не имеет страха. Эта модель действий корпораций, доминирующих в сфере информационных технологий, позволяет не только наблюдать, но и создает виртуальные способы управления и манипулирования поведением пользователей информационных систем. Такие корпорации действуют посредством модификации поведения. Цифровизация позволяет резко увеличить асимметричность информации, имеющейся в распоряжении владельцев информационных технологий, и лиц, которые имеют лимитированный этими владельцами доступ к использованию информационных технологий. «Капитализм наблюдения» создает иллюзии контроля неопределенности и рисков индивидуального поведения, но одновременно создает масштабную неопределенность для конкретных лиц, которая связана с невозможностью представить будущее поведение «наблюдателей», результаты их фактического вмешательства в деловые отношения и частную жизнь.

В обществе неопределенности и риска многосторонние неполные контракты распространяются как одна из основных форм контрактных отношений вследствие умножения, разветвления и увеличения длительности глобальных торговых и технологических цепочек. Усиливается противоречие: с одной стороны, заключение неполных контрактов и их последующая пролонгация предполагает высокий уровень доверия участников контрактов; с другой стороны, в обществе неопределенности и рисков, подверженном угрозам резких изменений внутренних и внешних обстоятельств, исполнение таких контрактов часто затрудняется, а взаимное доверие уменьшается (см. ниже).

Неопределенность характеризует и сами институты. Институциональная неопределенность — понятие, отражающее непредсказуемость взаимодействия экономических агентов и различных институтов (культурных, идеологических, этических, этнических, политических, деловых и т.д.); агенты не могут оценивать результаты таких взаимодействий только как источники рисков и, следовательно, оценивают их как источники неопределенности. Неопределенность является атрибутом институциональной среды; эта неопределенность отражает несовершенство самих институтов (см. выше), а также неполноту знаний о текущем и будущем состоянии институциональной среды и ее влиянии на поведение экономических агентов. Институциональная среда в целом обладает двойным свойством и двойным влиянием, способным порождать как устойчивость взаимодействий, так и неопределенность и риски для экономических агентов. Эта двойственность свойственна всем институтам — формальным

и неформальным. В обществе неопределенности и рисков эффекты, связанные с институциональной неопределенностью, становятся более масштабными. Следует также отметить, что некоторые институты, прежде всего, неформальные могут быть плохо наблюдаемыми, особенно «внешними» наблюдателями, принадлежащими другой социально-культурной среде. В то же время степень влияния таких «ненаблюдаемых» институтов на экономические процессы может быть высокой. Институциональную неопределенность часто смешивают с политической неопределенностью, но политические изменения далеко не всегда корреспондируют с трансформациями институтов и наоборот [20].

Несовершенство институтов, расхождение легальных и реально осуществляемых функций институтов, нелинейная траектория их развития, разнонаправленные изменения компонентов институциональной среды, увеличение масштабов негативных экстерналий, которые становятся следствием хаотичных институциональных трансформаций являются отличительными и зачастую парадоксальными особенностями общества неопределенности и рисков. Чем более масштабными и неопределенными являются вызовы и угрозы, к которым институты должны адаптироваться или которым они призваны противодействовать, тем больше разнородной институциональных реакций. Результатом борьбы часто противоположных тенденций институциональных трансформаций является актуализация возможности резких изменений направленности социально-экономического развития, последствия которых трудно предугадать и оценить. В то же время научные представления о критериях выбора необходимых институциональных трансформаций продолжают оставаться неясными.

Маргинализация как институциональная проблема. Целый ряд критических долгосрочных угроз, характерных для общества неопределенности и рисков в условиях глобализации, порождается многократно констатированным исследователями процессом размывания среднего класса.

Результатами этого процесса является не только поляризация, но и маргинализация общества. В данном случае процесс маргинализации общества необходимо рассматривать шире, чем обычно принято. По нашему мнению, этот процесс происходит на обоих полюсах социальной лестницы: не только на нижнем, как принято считать, но и на верхнем, где топ-менеджеры и реальные собственники привыкают действовать, не оглядываясь на общепринятые институты правил и норм, фактически – как «безбилетники», присвоившие себе особые права. В группах, позиционирующих себя как элита, такое девиантное поведение в настоящее время зачастую считается признаком «избранности».

Маргинализация элит имеет следствием рост числа решений, оказывающих негативное влияние на общественное благосостояние. В частности, неизбежным следствием маргинализации общества стало уменьшение возможностей доступа значительного числа людей к современному здравоохранению, образованию и социальному обеспечению (социальным услугам), что, как отмечено

выше, препятствовало организации парирования угроз пандемии COVID-19 и усилило ее негативные социальные эффекты.

С другой стороны, и на нижних этажах социальной лестницы увеличиваются масштабы девиантного экономического поведения, для которого также характерно игнорирование норм социальных контактов, мошенничество при проведении финансовых операций.

В массовом сознании девиантное поведение становится симулякром оригинальности и в этом качестве – стандартом экономического поведения. То, что раньше было исключением или тщательно скрывалось, в обществе неопределенности и рисков во многих случаях стало образцом для подражания: такие социальные стандарты становятся самостоятельным источником угроз обществу.

Институты современного общества в развитых странах сформировались применительно к условиям доминирования среднего класса, когда «безбилетники» не могли оказать существенного влияния на состояние общества в целом и институты обеспечивали адекватное политическое выражение доминирования среднего класса. Но такие институты оказываются уязвимыми перед активностью «безбилетников», когда влияние последних возрастает.

Характерная черта общества неопределенности и рисков – увеличение роли финансовых отношений в экономике и обществе и усиление элемента неопределенности в финансовых сделках. Бегство финансов в виртуальный мир финансовых пузырей во многом является продуктом стремления избежать неопределенности реального мира. Действительно, использование распределенных баз данных позволяет минимизировать риски контрагентов. Однако, используемые виртуальные финансовые инструменты, которые часто рассматривают и используют как инструменты страхования финансовых рисков, вносят значительный вклад в увеличение финансовых «пузырей» и скорость перемещения капиталов между этими «пузырями». В свою очередь, эти изменения увеличивают системные риски, которые генерируются неопределенностью перспектив финансовых «пузырей». Отмеченные проблемы существенно уменьшают взаимное доверие контрагентов сделок. В частности исследователи констатируют значительное снижение уровня обобщенного доверия среди финансовых специалистов по сравнению со снижением доверия среди населения США в целом, что является уникальным для финансовой индустрии и снижение доверия к институтам, которые имеют отношение к финансовой индустрии. Такое снижение доверия связано, в том числе, со снижением уровня социализации среди финансовых специалистов [21].

Таким образом, цифровой инструментарий «наблюдающего капитализма», в случаях использования «элитарными» девиантными безбилетниками, продуцирует целый ряд угроз, чреватых трудно предсказуемыми последствиями. Ответ на вопрос: какие институциональные трансформации необходимы, чтобы отмеченные выше деструктивные тенденции не стали в ближайшем и более

отдаленном будущем тенденциями, определяющими траекторию развития общества – предстоит еще получить.

* * *

В последние десятилетия современное общество фактически преобразовалось в общество неопределенности и риска. В предшествующие эпохи процессы институциональных трансформаций происходили преимущественно путем постепенного движения по траекториям развития или деградации. Это поступательное движение периодически сменялось периодами скачкообразных изменений, в отношении которых правомерно использовать термин «революционные». В современном обществе, которое находится под возрастающим давлением разнородных угроз и рисков, увеличения вероятности и масштабов «провалов рынка» и «провалов государства», маргинализации общества, негативных эффектов информатизации, конфликтов различных социальных групп, институциональные трансформации отличает спонтанность и противоречивость. В то же время научные представления о критериях выбора необходимых институциональных трансформаций продолжают во многом оставаться неясными.

Литература

1. Бек У. От индустриального общества к обществу риска / Пер. с нем. // THESIS. 1994. Вып. 5.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. // Прогресс-Традиция. 2000.
3. Гегель Г.В. Феноменология духа / Пер. с нем. М.: Наука, 2000.
4. Городецкий А.Е. Экономическая безопасность России на новом трансформационном повороте в условиях COVID-2019 // Экономическая безопасность России в новой реальности: Коллективная монография / Под общ. ред. А.Е. Городецкого, И.В. Караваевой, М.Ю. Льва. М.: ИЭ РАН, 2021. Гл. 1.
5. Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М.: Росспэн, 2006.
6. Капелюшников Р. Собственность без легитимности? // Вопросы экономики. 2008.(3).
7. Коломиец А.Г. Финансовые регуляторы противодействия глобальным угрозам COVID-19 в системе предоставления первой медицинской помощи // Экономическая безопасность России в новой реальности: Коллективная монография / Под общ. ред. А.Е. Городецкого, И.В. Караваевой, М.Ю. Льва. М.: ИЭ РАН, 2021. Глава 5, параграф 5.6.
8. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование / Пер. с англ. М., 1997.
9. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп / Пер. с англ. М.: ФЭИ, 1995.
10. Рубинштейн А.А., Гринберг Р.С., Городецкий А.Е. Эволюция патерналистского государства: опыт теоретического анализа. М.: ИЭ РАН, 2020.
11. Тамбовцев В.Л. Качество институтов: проблемы определения и оценки // Вопросы экономики. 2021. №7. С. 49–67.
12. Тойнби А. Постигание истории / Пер. с англ. М., 1996.
13. Acemoglu D., Robinson J. (2010). The Role of Institutions in Growth and Development. Review of Economics and Institutions. 1(2). Article 1.

14. *Arrow K.J.* (1963). Uncertainty and the Welfare Economics of Medical Care. *The American Economic Review*. Vol. 53. No. 5.
15. *Beck U.* (2006). Living in the world risk society. // *Economy and Society*. Vol. 35 Number 35. 03.08.2006: 329–345.
16. Bloomberg. Информационная лента. 23.05.2022.
17. *Coyne C.J., Duncan T., Hall A.* (2020). The Political Economy of State Responses to Infection Disease. *GMU Working Paper in Economics*. No. 20–30.
18. *Eggertsson T.* (1990). *Economic Behavior and Institutions*. New York: Cambridge University Press.
19. *Knight F.H.* (1921). Risk, uncertainty, and profit. *Library of Economics and Liberty*.
20. *Kolomiets A.* (2020). Institutional uncertainty in transitional and developing economies. // *National Accounting Review*. 2020. 2(1).
21. *Limbach P., Rau P.R., Schürmann H.* (2022). The Death of Trust Across the U.S. // *Finance Industry*.
22. *Nooteboom B.* (2019). Uncertainty and the Economic Need for Trust. // *Trust in Contemporary Society*. / Book Editor(s): Masamichi Sasaki, Published by Brill Stable.
23. *Olson M.* (1997). The New Institutional Economics: The Collective Choice Approach to Economic Development. // *Institutions and Economic Development. Growth and Governance in Less Developed and Post-Socialist Countries*. / Edited by Christopher Clague. 1997. The Johns Hopkins University Press.
24. *Sorensen M.P.* (2018). Ulrich Beck: exploring and contesting risk. // *Journal of Risk Research*, 21(1), 6–16.
25. *Zuboff S.* (2015). Big Other. Surveillance Capitalism and the Prospects of an Information Civilization. // *Journal of Information Technology* (2015) 30.
26. *Zuboff S.* (2019). *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. London: Profile Books, 2019.
27. World Health Organization (WHO), (2022). Strengthening the Global Architecture for Health Emergency Preparedness, Response and Resilience White paper for consultation 4 May 2022.

Andrey Kolomiets (e-mail: agk1807@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Leading Researcher,

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

A SOCIETY ENGULFED BY UNCERTAINTY AND RISK: THE INCONSISTENCY OF INSTITUTIONAL TRANSFORMATIONS

The article deals with the problems of criteria for assessing institutional transformations, legitimization and legalization of institutions. It is noted that institutional transformations in modern society, which normally are the result of gradual and long-term processes, can also be contradictory and subjected to increasing pressure from uncertain threats and risks, in particular, due to an increase in the likelihood and scale of “the market failures” and “the state failures”, the marginalization of society, acute social conflicts, and negative effects of informatization. At the same time, scientific ideas about the criteria for choosing the appropriate institutional transformations continue to be largely vague.

Keywords: institutions, legitimization, uncertainty, risk, threat, free-rider.

DOI: 10.31857/S020736760021492-0

© 2022

Борис Хейфец

доктор экономических наук, главный научный сотрудник
Института экономики Российской академии наук (г. Москва, Россия),
профессор Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации (г. Москва, Россия)
(e-mail: bah412@rambler.ru)

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА ЭКСПОРТА
ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОЙ ПРОДУКЦИИ МАЛОГО
И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА АЗИАТСКИХ СТРАН**

В статье рассматриваются вопросы развития малого и среднего бизнеса (МСБ) в азиатских странах, в экономике которых он играет важнейшую роль. Особое внимание уделяется государственной поддержке экспортеров из числа МСП, включая осуществляемые ими поставки высокотехнологичной продукции. Выделяются две группы проблем развития МСБ – финансовая поддержка (льготное кредитование, страхование, предоставление гарантий) и оказание экспортерам нефинансовых форм содействия (маркетинговые исследования, сопровождение сделок по полному циклу, бизнес-консультирование, лоббирование на политическом уровне и т.д.). На основании анализа намечаемых азиатскими странами направлений их решения даются рекомендации для совершенствования российской политики в данной области.

Ключевые слова: малый и средний бизнес, политика азиатских стран, финансовая и нефинансовая поддержка экспорта, высокотехнологичная продукция.

DOI: 10.31857/S020736760020967-2

Переход к новым условиям развития российской экономики в 2022 г. сделал приоритетным ряд нестандартных задач экономической политики. Одной из них является усиление государственной поддержки малого и среднего бизнеса (МСБ). В 2018 г. создана «Корпорация малого и среднего предпринимательства», которая реализует ряд важных программ поддержки МСБ. В современной реальности становятся все более актуальными такие радикальные предложения, как переход к НЭП 2.0 по аналогии с политикой начала 1920-х годов в Советской России и СССР, в которой важнейшее место отводилось малому предпринимательству [1, 3].

В условиях беспрецедентных западных санкций развитие МСБ в России приобретает особое значение. Это связано с ожидаемым существенным экономическим спадом, падением доходов населения, серьезным сокращением занятых и другими подобными проблемами, с которыми мы уже сталкивались в конце 1980-х – начале 1990-х годов и которые удалось смягчить с помощью производственных и торговых кооперативов и других малых форм предпринимательства. Хотя в то время не было такой проблемы, как комплексная изоляция страны от мировых товарных и валютно-финансовых рынков. Однако

и в прошлом находились нестандартные решения, позволившие организовать массовый серый импорт («челноки», максимальное число которых в пике превышало 20 млн человек). Тем более, что в настоящее время предпринимательская инициатива МСБ может стать важным каналом параллельного импорта и экспорта. Кроме того, на руках у населения, забравшего деньги из банков, есть определенные валютные резервы. А Интернет и цифровизация открывают новые возможности для организации бизнеса, например, связанного с интернет-торговлей или аутсорсингом услуг.

Естественно, что МСБ в краткосрочной перспективе не даст существенного прироста ВВП, но крайне важно то, что он может обеспечить дополнительную занятость и получение доходов в максимально короткие сроки. Кроме того, как показывает опыт ряда азиатских стран, МСБ может сыграть важную роль в развитии экспорта высокотехнологичной продукции, что необходимо для коренной перестройки структуры российского экспорта и выстраивания новых кооперационных цепочек с партнерами из дружественных стран.

МСБ в экономике азиатских стран. Хотя инновационная активность малых и средних предприятий (МСП) в условиях четвертой промышленной революции в мире постоянно возрастает, они не играют еще существенной роли в НИОКР и производстве качественно новых высокотехнологичных продуктов. По критерию участия в технологичном производстве МСП можно условно разделить на три группы: разработчики технологий; основные пользователи технологий; возможные пользователи технологий, составляющие от 80 % до 85 % всех МСП. Вместе с тем, МСП имеют ряд несомненных преимуществ перед крупными корпорациями. К таким преимуществам можно отнести: а) меньшую бюрократичность и способность принимать быстрые решения; б) способность разрабатывать гибкие стратегии, аккумулирующие многие инновационные компоненты, материалы и технологии, которые не заинтересовали крупных игроков; в) большая заинтересованность в новом производстве благодаря небольшой численности сотрудников и тесной связи результатов их деятельности с вознаграждением [11]. Сосредоточиваясь на создании новых продуктов или услуг, МСП способны быстрее адаптироваться к изменяющимся требованиям рынка.

Опыт азиатских стран по стимулированию экспорта высокотехнологичной продукции МСП репрезентативен для российского МСБ по крайней мере по двум причинам. Во-первых, потому, что они являются крупными экспортерами высокотехнологичной продукции (ВТП). Во-вторых, в этих странах хорошо развит МСБ, который задействован в этом экспорте.

В десятку крупнейших в мире экспортеров ВТП в 2020 г. входили 7 юрисдикций азиатского региона (в двадцатку – 9), а Китай с Гонконгом прочно удерживали мировое лидерство (см. табл. 1).

При этом можно отметить, что крупными экспортерами ВТП выступают не только более развитые азиатские государства (Сингапур, Япония, Республика

Корея, Китай с Гонконгом), но и менее развитые страны – Вьетнам, Малайзия, Таиланд, Филиппины, Индия – которые тем не менее превосходят по абсолютному экспорту ВТП Россию.

Таблица 1
Некоторые характеристики экспортного потенциала ВТП азиатских стран (2020 г.)

Страна, мир	Экспорт (млрд долл.)	Доля ВТП в экспорте обрабатывающей про- мышленности (%)	ВВП на душу населения (тыс. долл.)
Китай	757,7	31	10,4
Гонконг, САР Китая	340,1	70	46,3
Р. Корея	164,0	36	31,6
Сингапур	160,5	55	59,8
Япония	102,8	19	40,2
Вьетнам	101,5	42	2,8
Малайзия	92,1	54	10,4
Таиланд	45,8	28	7,2
Филиппины	32,8	64	3,3
Индия	21,6	11	1,9
Германия	182,4	15	46,2
Великобритания	58,1	23	41,1
США	141,5	19	63,6
Россия	6,6	9	10,1
Мир в целом	2853,5	22	10,9

Источник: составлено автором по [16].

Следует отметить, что во многом такие объемы экспорта ВТП возникают за счет активного участия азиатских стран в глобальных цепочках добавленной стоимости и в международной кооперации. Так, около 80% стоимости вьетнамского экспорта ВТП составляют импортные компоненты, что во многом объясняет его бурный рост в последнее десятилетие.

Важное место в экономике азиатских государств традиционно занимает микробизнес, малый и средний бизнес (ММСБ). Предприятия ММСБ составляют основу экономики южной и юго-восточной Азии. Согласно оценкам Азиатского банка развития, на ММСБ южной Азии в 2020 г. приходилось в среднем 99,6% общего числа предприятий, 76,6% рабочей силы, 33,9% ВВП и 47,0% экспорта региона, прежде всего, благодаря Индии. Доля ММСБ в экспорте юго-восточной Азии (19,2%) немного меньше, но также довольно существенна [5. Р. 14, 41]. Предприятия МСБ создают рабочие места, стимулируют внутренний спрос и конкуренцию, увеличивают экспортный потенциал и создают условия для инклюзивного роста. Предприятия МСБ играют большую роль во внедрении инноваций и выпуске ВТП.

У России показатели развития высокотехнологичного производства и экспорта отстают от среднемирового уровня. При этом ведущую роль в данном секторе играют крупные компании, большинство из которых «быстро перерастает критерии для субъектов МСБ, лишаясь соответствующей государственной поддержки, но при этом до масштабов крупных системообразующих компаний им еще предстоит дорасти, то есть они попадают в своеобразную долину смерти (*death valley*)» [4. С. 4].

Опыт успешных азиатских стран по развитию высокотехнологичного ММСБ имеет большое научное и практическое значение для России. Ниже будут рассмотрены некоторые из ключевых направлений такой поддержки ММСБ в азиатских странах, которая особенно возросла во время пандемии COVID-19.

Институты. В азиатских странах за последние 20 лет начала складываться собственная институциональная среда для развития ММСБ. В 2001 г. во Вьетнаме был принят закон, который впервые ввел юридическое определение малого и среднего бизнеса и предусмотрел создание специальных органов – Агентства по развитию предпринимательства (АРП) и Совета по развитию МСБ. В 2018 г. был принят Закон о поддержке ММСБ, в котором содержались конкретные меры поддержки – от налогообложения до доступа к финансированию, от инноваций до развития цепочек создания стоимости, по цифровизации и преобразованию предприятий ММСБ в официально зарегистрированные предприятия. Предполагалось и на региональном уровне разработать программы поддержки ММСБ. Однако лишь небольшой процент из 63 вьетнамских провинций имеет специальный бюджет для проведения такой политики и менее половины провинций разработали проекты поддержки ММСБ.

В Индии Министерство ММСБ разработало программу кластерного развития микро- и малых предприятий, Программа предусматривает стимулы для ММСБ и обеспечивает финансирование создания общих кластерных центров по производству / обработке, дизайну продукции, исследованиям и разработкам (НИОКР). В стране существует несколько организаций по развитию ММСБ, которые предоставляют информацию, знания и сетевую поддержку. Например, Индийский форум МСБ объединяет 87 200 членов ММСБ, в том числе около 7000 женщин-предпринимателей из 19 штатов. Он оказывает поддержку развитию ММСБ и провел несколько исследований по данной проблематике. Министерство ММСБ также разработало веб-портал, который предоставляет возможность предприятиям ММСБ взаимодействовать с другими фирмами для развития бизнеса, получать информацию о субподрядах и участию в государственных закупках. В 2019 и 2021 финансовых годах на этом сайте было зарегистрировано 63 227 фирм. В Индии Министерством торговли и промышленности был учрежден специальный Совет по стимулированию экспорта услуг, где также существенную роль играет МСБ [2. С. 33].

В Республике Корея создано Корейское агентство малых и средних предприятий и стартапов (KOSME), основной задачей которого является осуществление государственной политики и программ, направленных на устойчивый рост и развитие корейских МСП. Финансовые программы KOSME помогают расширять их бизнес и осуществлять разработку новых продуктов. Для повышения глобальной конкурентоспособности МСП в KOSME разработаны консультационные программы, включая консалтинг, обучение, маркетинг и программы глобального сотрудничества. В рамках последних KOSME оказывает содействие в создании программ экспортного маркетинга, направляет торговые делегации за рубеж, помогает МСП участвовать в крупных зарубежных выставках и приглашать иностранных покупателей на деловые встречи, создать собственный сайт торгового портала или онлайн-павильон, чтобы помочь МСП изучить экспортный рынок с использованием Интернета. Особое внимание уделяется разработке программ экспортного маркетинга МСП с большими объемами продаж или высокими темпами роста занятости [8].

Финансирование. Одной из ключевых проблем развития МСБ является нехватка финансовых ресурсов. Поэтому и в деятельности госорганов азиатских государств этим вопросам уделяется особое внимание. Так, Правительство Вьетнама содействует финансированию МСП, в первую очередь, через Фонд развития МСБ (SMEDF) и Кредитно-гарантийный фонд (CGF). Они осуществляют финансирование через банки-партнеры, которые обеспечивают 80% суммы кредита по процентным ставкам ниже рыночных. Компании-заемщику, получающей кредит, требуется внести 20% стоимости проекта. Однако слабая осведомленность о SMEDF среди небольших компаний и длительный процесс одобрения кредитов, а также нехватка собственных средств малых предприятий сдерживает использование ими помощи этого фонда. В результате важнейшим источником кредитования вьетнамского МСБ являются государственные банки, на которые приходится около половины всех кредитов МСБ. В целом же кредитование МСП составляет 22% от общего объема банковского кредитования. Большое внимание в последние годы вьетнамские власти уделяют стимулированию конкуренции в сфере кредитования путем поощрения роста альтернативных кредитных учреждений, таких как кредитные кооперативы, а также за счет увеличения объема использования кредитных гарантий для МСБ. Пока коммерческие банки неохотно принимают государственные гарантии, особенно на местном уровне, сомневаясь в том, что они будут соблюдаться правительствами провинций.

В Индии банки государственного сектора являются основными поставщиками кредитов для ММСБ. Объем кредитования ММСБ увеличился более чем на 150% в течение 2015–2020 гг., но остается небольшим, он составляет в среднем 17% от общего объема кредитов [5. Р. 91].

В финансировании индийского ММСБ постепенно увеличивается роль финансовых организаций небанковского сектора, хотя она заметно уступает традиционному банковскому кредитованию. К небанковским финансовым организациям относятся микрофинансовые организации, кредитные кооперативы, финансовые компании, а также лизинговые и факторинговые компании. Эти организации играют важную роль для сельских предприятий ММСБ и мелких предпринимателей, однако у них наблюдается рост объема просроченных кредитов. В течение 2015–2020 гг. небанковское финансирование составляло в странах южной Азии около 6,5% от банковских кредитов [5. Р. 8].

Важную роль в поддержке финансирования предприятий ММСБ азиатских государств имеет система страхования кредитов. В Республике Корея существует три государственных кредитно-гарантийных учреждения: Корейский кредитно-гарантийный фонд (KODIT); Корейский технологический кредитно-гарантийный фонд (KOTEC) и Корейская федерация кредитно-гарантийных фондов (КОРЕГ). KODIT предоставляет гарантии преимущественно стартапам, не ориентированным на информационные технологии, и предприятиям МСБ, ориентированным на экспорт. Основной задачей фонда является обеспечение сбалансированного развития экономики путем предоставления кредитных гарантий по обязательствам перспективных предприятий ММСБ, не имеющих материального обеспечения. Индонезия еще в 2007 г. запустила государственную схему кредитных гарантий для ММСБ – People's Business Credit, которая гарантирует 70–80% применяемого кредита [16. Р. 8]. На Филиппинах программа кредитного гарантийного фонда BSP, созданного в 2008 г., покрывает примерно 70% кредитов ММСБ.

Существуют и другие формы финансовой поддержки ММСБ. Так, в Индии Агентство по развитию и рефинансированию микропредприятий предлагает беззалоговые кредиты на сумму до 1 млн фунтов стерлингов (примерно 137 тыс. долл.) предприятиям ММСБ через механизм рефинансирования кредитов, предоставленных банками и небанковскими финансовыми компаниями.

Поддержка экспорта. Во многих странах мира программы поддержки интернационализации ММСБ сосредоточены, в первую очередь, на продвижении экспорта. Опросы ОЭСР и АТЭС показали, что более 70% программ интернационализации малого и среднего бизнеса ориентированы на поддержку экспорта МСП [9. Р. 11].

Доступ к рынку и интернационализация ММСБ являются ключевыми стратегиями национальной политики в отношении предприятий ММСБ в азиатских странах, позволяют их бизнесу развиваться в глобальном масштабе и способствуют повышению национальной конкурентоспособности.

В Республике Корея Министерство МСБ и Министерство стартапов имеют специальные программы и службы для поддержки экспорта ММСБ. Эти программы открыты для всех предприятий ММСБ, хотя условия применения и степень поддержки зависят от опыта отдельных предприятий. Для этой цели выделяется пять групп малых и средних предприятий (МСП):

1) МСП без опыта экспорта; 2) МСП с экспортным потенциалом; 3) МСП с первым опытом экспорта; 4) МСП-экспортеры с инновационным потенциалом; 5) МСП-экспортеры с успехом в международном бизнесе [9. Р. 30].

Во Вьетнаме МСБ играет важную роль в экспорте, на его долю приходится 88% предприятий-экспортеров и около половины объема экспорта. При этом 70% объема экспорта МСБ Вьетнама дают иностранные предприятия МСБ, которые переехали во Вьетнам, чтобы быть ближе к многонациональным компаниям (МНК), выступающим в качестве их основных покупателей [13. Р. 6]. Эти МНК играют важнейшую роль в развитии вьетнамской экономики и ее экспортного потенциала, давая свыше 70% всего экспорта Вьетнама. Согласно OECD FDI Regulatory Restrictiveness Index, Вьетнам является самой открытой среди других стран АСЕАН по отношению к ПИИ.

Официальные усилия по содействию торговле для наращивания экспортного потенциала во Вьетнаме были предприняты относительно недавно. Были созданы такие системы содействия торговле, как Национальное единое окно (NSW) и Вьетнамский торговый информационный портал. Однако малые и средние предприятия по-прежнему мало знают об этих двух инструментах.

В Индии банки предоставляют экспортные кредиты в рупиях до и после отгрузки правомочным экспортерам ММСБ по ставке до 5% годовых. Это позволило экспортерам ММСБ оставаться конкурентоспособными на мировых рынках. Среди проблем для развития экспорта ММСБ доктор Р. Шарма называет наличие многочисленных посредников и плохую связь с конечными потребителями его продукции, из-за чего теряется большая доля доходов. Это требует создания собственных каналов продвижения и маркетинга и их адаптации под выбранный рынок, а также различных форм кооперации предприятий ММСБ для продвижения своей продукции на внешние рынки [15].

В Индии в сентябре 2021 г. была запущена новая программа поддержки экспорта ММСБ. В ней намечается создать портал с необходимой информацией, связанной с экспортным потенциалом по всем 456 тарифным позициям, а также с потенциальными рынками. Он также мог бы давать информацию о тенденциях в развитии экспорта, экспортных процедур и по многим другим связанным с этой деятельностью вопросам. Помимо службы поддержки по вопросам экспорта, для ММСБ будут также организованы семинары под руководством инструктора в рамках серии сессий для конкретных секторов, освещающих возможности конкретных продуктов на международных рынках. Инициатива нацелена на желающих больше узнать об экспорте и привлечет, как ожидается, более 30 тыс. предприятий ММСБ, собирающихся начать экспорт [10].

Поддержка инноваций. Новой тенденцией политики азиатских государств стала активная государственная поддержка инновационного вектора развития предприятий МСБ. Речь идет, прежде всего, об уже разработанных новых

технологиях. В этом плане решаются такие задачи, как обеспечение их распространения на национальном и международном уровнях путем развития торговли и ПИИ; повышение квалификации работников, развитие сотрудничества между высшими учебными заведениями и бизнесом; создание таких органов, как технические службы распространения знаний. Так, в Таиланде разработана Программа помощи (ITAP), которая находится в ведении Национального управления науки и технологий страны. Программа ITAP включает информационные услуги, составление технико-экономических обоснований, помощь в приобретении технологий, создание сетей технического консультирования, оценку промышленных потребностей и другие мероприятия по распространению новых технологий [12. Р. 88].

В экономически развитом Сингапуре основными причинами, сдерживающими рост высокотехнологичных стартапов, были:

- небольшой размер сингапурского рынка и сложность расширения продаж за рубеж;
- трудности с доступом к капиталу для роста и кредитам;
- фокус правительства на создании, а не дальнейшем развитии стартапов;
- сложность найма и удержания квалифицированного персонала [6].

Как показывает опыт азиатских стран, новой задачей государственной политики становится преодоление сопротивления ММСБ инновационным технологиям и связанного с этим недоверия к государственным научным и регулирующим органам. В данной связи важное значение приобретает предоставление информации, относящейся к новым технологиям производства, и открытое признание рисков и неопределенности такой политики [14].

Цифровизация и информационная поддержка. Одной из серьезных проблем развития экспортного потенциала азиатских предприятий ММСБ является отсутствие информационной инфраструктуры, способствующей их продвижению на внешние рынки.

Использование цифровых технологий отчасти смягчает ситуацию. Важнейшей сферой их применения являются мобильный банкинг и e-commerce. Так, в Индии разработана система цифровой идентификации (Aadhar), которая помогает ММСБ получать более разнообразные цифровые финансовые услуги. Платформы однорангового кредитования и краудфандинга акций тестируются в регулятивных «песочницах» в Пакистане.

Электронная коммерция помогает ММСБ выйти на международный рынок. Опрос Международного торгового центра (ИТС) показывает, что около 80% компаний, занимающихся международной торговлей через интернет, уже приходят на МСБ. Однако ММСБ сталкиваются с такими проблемами, как отсутствие технических знаний, плохая видимость в Интернете, высокая стоимость и затрудненный доступ к глобальным платформам электронной коммерции и т.п. [7]. Внедрение цифровых технологий сокращает расходы, связанные

с выходом на международный рынок. Есть оценки, что внедрение цифровых платформ помогли ММСП сократить расходы на экспорт на 83% по сравнению с офлайн-каналами [15. Р. 36].

* * *

ММСБ играет важную роль в экономике Азии, поскольку на них приходится большая доля занятых и объема производства, а также растущая доля экспорта. Наиболее важными являются две группы проблем – финансовая поддержка (льготное кредитование, страхование, предоставление гарантий) и оказание экспортерам нефинансовых форм содействия (маркетинговые исследования, сопровождение сделок по полному циклу, бизнес-консультирование, лоббирование на политическом уровне и т.д.). Пока в азиатских финансовых системах, где доминируют банки, ММСБ испытывает трудности с доступом к дешевому финансированию. Существуют проблемы с выходом МСБ на внешние рынки, что связано с отсутствием опыта и необходимой информационной поддержки.

Особое значение для государственной политики в современных условиях приобретает переориентация ММСБ азиатских стран на использование новых технологий и цифровых услуг. Это предполагает:

– содействие развитию образования и ИТ-навыков, за счет включения ИТ в школьные и университетские учебные программы;

– разработку специальных учебных программ и поощрение партнерства через программы стажировок;

– содействие работе с большими данными и инструментами ИИ, которые помогают ММСБ, сокращают затраты на исследования рынка и улучшение своей видимости в Интернете;

– улучшение информационно-коммуникационной и логистической инфраструктуры и т.п. [15. Р. 37].

Среди других новых целей государственной политики азиатских стран можно отметить стимулирование расширения поставок наукоемких услуг ММСБ на внешние рынки, которые могут стать перспективным направлением развития инновационного экспорта.

Многие из перечисленных новаций могут быть востребованы при разработке перспективной стратегии развития МСБ в России.

Литература

1. *Крюков В., Порфирьев Б., Широков А.* Меморандум суверенного роста // Эксперт. 2022. № 20. 16 мая.
2. *Макаров А.И., Пахомов А.А., Бирюкова О.В.* Поддержка экспорта высокотехнологичных продукции и развитие инновационного сектора России // М.: Дело, 2014.
3. *Сытых И.* Россия: бизнес и экономисты хотят реинкарнировать НЭП. 8 апреля. 2021. URL: <https://russian.eurasianet.org>

4. Уполномоченный при Президенте Российской Федерации Проблемы регулирования и правоприменительной практики, сдерживающей развитие высокотехнологичных компаний в Российской Федерации. Специальный доклад Президенту Российской Федерации. 2020.
5. ADB (2021). Asia small and medium-sized enterprise monitor 2021. Tokyo, December. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/753486/asia-sme-monitor-2021-volume-1.pdf>
6. INSEAD (2010). High-tech SME gap in Singapore. URL: <https://www.insead.edu/sites/default/files/assets/dept/centres/gpei/docs/insead-student-high-tech-sme-gap-singapore-oct-2010.pdf>
7. International Trade Centre (2017), New Pathways to E-Commerce: A Global MSME Competitiveness Survey. September. URL: <https://www.intracen.org/publication/New-Pathways-to-E-commerce>
8. KOSME (2022). Marketing & Global Cooperation. URL: <https://www.kosmes.or.kr/sbc/SH/EHP/SHEHP011M0.do>
9. Lee J. (2021). Digital infrastructure for the internationalization of small and medium-sized enterprises in the Republic of Korea. Santiago: Economic Commission for Latin America and the Caribbean (ECLAC).
10. MSME Minister launches India Export Initiative and IndiaXports 2021 Portal. URL: <https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1759307>
11. OECD (2000). Enhancing the competitiveness of SMEs through innovation. Background report for Conference for Ministers responsible for SMEs and Industry Ministers, Bologna, Italy, 14–15 June. URL: <https://www.oecd.org/cfe/smes/2010176.pdf>
12. OECD (2021). Promoting the Productivity of SMEs in ASEAN Countries Strengthening Capabilities, Enabling Business Dynamics. URL: <https://www.oecd.org/industry/ind/promoting-productivity-of-SMEs-in-ASEAN-countries.pdf>
13. OECD (2021). SME and Entrepreneurship Policy in Viet Nam. Policy Highlights. OECD Studies on SMEs and Entrepreneurship.
14. OECD (2017). The Next Production Revolution: Implications for Governments and Business. URL: <https://doi.org/10.1787/9789264271036-en>
15. Sharma Rajendra Prasad (2022). What MSME exporters need beyond a big market opportunity to find success overseas. URL: <https://www.financialexpress.com/industry/sme/cafе-sme/msme-exim-what-msme-exporters-need-beyond-a-big-market-opportunity-to-find-success-overseas/2450351/>
16. Yoshino N., Taghizadeh-Hesary F. (2018). The Role of SMEs in Asia and Their Difficulties in Accessing Finance. ADBI Working Paper 911. Tokyo: Asian Development Bank Institute. URL: <https://www.adb.org/publications/role-smes-asia-and-their-difficulties-accessing-finance>
17. WEF (2020). Mapping Trade Tech: Trade in the Fourth Industrial Revolution. December.
18. World Bank (2022) Database. URL: <https://data.worldbank.org/indicator>

Boris Heyfetz (e-mail: bah412@rambler.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Leading Researcher,

Institute of Economics (RAS (Moscow, Russia)

Professor at the Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

STATE SUPPORT FOR EXPORT OF HIGH-TECH PRODUCTS OF SMALL AND MEDIUM BUSINESS IN ASIAN COUNTRIES

The article examines the development of small and medium-sized businesses in Asian countries, in whose economy SMEs plays a crucial role; particular attention is paid to government support, including the supply of high-tech products. There are two groups of problems in the development of SMEs: financial support (soft loans, insurance, guarantees) and the provision of non-financial forms of assistance to exporters (market research, full-cycle transaction support, business consulting, lobbying at the political level, etc.). Based on the analysis of directions outlined by Asian countries for their solution, recommendations are given for improving governmental support of SMEs in the Russian Federation.

Keywords: small and medium business, policy of Asian countries, financial and non-financial support for exports, high-tech products.

DOI: 10.31857/S020736760020967-2

© 2022

Даниэль Камари

независимый эксперт (г. Москва, Россия)

(e-mail: danikamari@mail.ru)

КОМПЕТЕНЦИИ В НОВОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Организационные инновации в компаниях и государственных учреждениях двигают общество в определенном направлении. Крупнейшие международные корпорации переходят на самоуправленческую модель и на самоуправляемые «команды» (группы сотрудников). Однако эффект от такого ускоренного перехода показывает, что эта модель создает нестабильность на рынке труда.

Ключевые слова: компетенции, самозанятость, труд, рабочие часы, оптимизация.

DOI: 10.31857/S020736760021494-2

Интерес к показателям эффективности рынка труда не всегда стоял на первом месте, он возник относительно недавно. О пространственном дисбалансе распределения рабочей силы, об общем снижении темпов производительности и росте безработицы заговорили с началом ускорения оптимизационных процессов в 90-х гг. XX века. Пандемийный кризис придал проблемам в трудовых отношениях угрожающий характер. По всему миру было суммарно потеряно 8,8% рабочих часов, что эквивалентно потере 255 млн рабочих мест [13]; закрылось рекордное количество малых и средних предприятий. Наиболее болезненно это ощутили в Евросоюзе. Там малое предпринимательство обеспечивает работой свыше 65% трудоспособного населения. Еврокомиссия, с одной стороны, приводит данные, согласно которым декларации о банкротствах малых и средних предприятий в 2020 году во время локдауна уменьшились, но, с другой стороны, утверждает, что доходы 57% предприятий упали в связи с пандемией [6, pp. 53–54, 32–33]. С таким типом падений европейские предприятия еще не сталкивались. В отдельных странах, как, например, в США, безработица во время карантинных ограничений в 2020 г. достигла 14,8%. Уже не приходится говорить о том, насколько это сказалось на благосостоянии граждан, которые были вынуждены сильно сократить все виды личных расходов. Нет никаких сомнений в том, что это дало толчок к усилению социальной стратификации.

Сопровождается все это конкуренцией и конфликтностью в трудовых отношениях. Наиболее типичный конфликт возникает между работодателем и работником. Он связан с невыплатой зарплаты и ущемлением трудовых прав. Вред от такого взаимодействия очевиден – это материальный ущерб. Работодатель вынужден чаще обычного находить замену и снова отлаживать систему взаимодействия работников. Кризис вертикального взаимодействия подталкивает общество к развитию горизонтальных форм, в том числе путем самоорганизации.

В некоторых компаниях уже применяются принципы самоуправления и самоорганизации для повышения эффективности деятельности организации. До последнего времени в основном это были ритейл и ИТ-компании. Постепенно к этой модели переходят такие гиганты, как *Дженерал Электрикс*. Самоуправленческая модель существует за счет постоянно обновляемого притока молодых кадров от 18 лет. Сотрудники в возрасте от 25–40 лет составляют больше 55% от всего состава персонала крупнейших компаний, использующих самоуправленческую модель. В среднем в крупнейших ИТ-компаниях персонал в год увеличивается на 5 тыс. человек.

Наша цель сводится к выяснению, насколько самоуправленческая модель эффективна и способствует ли она развитию компетенций кадров в организациях.

Теория самоуправленческой модели развития. Как ни странно, внимание к трудовому самоуправлению возникло ещё в середине XX в. Эрик Трист, Фред Эмери и Кен Бэмфорт, изучив условия работы шахтеров, пришли к выводу о необходимости изменений условий труда работников и решения организационных противоречий внутри производства. Так, они решили, что должна существовать определенная гибкость в производственных отношениях. По их мнению, этого можно достичь путем создания небольших автономных трудовых групп [17, pp. 37–38]; высокая производительность должна сочетаться с благоприятными условиями труда. Все это через какое-то время выразилось в теории социотехнических систем, которая предполагает гармонизацию человеческой деятельности и работы машин. Взгляды британских учёных оказали большое впечатление на европейское сообщество, но в то время хорошие результаты были получены вследствие государственной политики по национализации: с 1946 по 1949 гг. удалось сильно сократить безработицу и поднять производительность труда [14, pp. 19–21].

В 70-х гг. Т. Каммингс и П. Гудман продолжили изучение влияния самоорганизации на продуктивность организации [12, pp. 625–634]. Они считали, что одной из основных черт самоуправляемой группы (команды) является разделение обязанностей между ее членами на исполнительские и контрольные; в то же время они не отрицали необходимость внешнего контроля. Именно они сформировали концепцию самоорганизации в том виде, в котором мы её сейчас знаем. Впоследствии концепция самоорганизации рассматривалась с разных ракурсов, однако до сих пор неясно, что является основным двигателем возникновения самоуправления: развитие навыков и компетенций сотрудников или реорганизация. Нет единого мнения по этому вопросу и в академическом сообществе.

Американский экономист Тимоти Бреснахан считает, что технологические и организационные вопросы взаимодополняют друг друга [9, pp. 34–35]. Однако сторонники необходимости реорганизации путем ускоренного внедрения самоуправленческой модели в основном опираются на показатели гибкости и рентабельности такой системы организации труда, которая предполагает

функционирование эффективных договоров и эффективной оплаты труда. Часто такой показатель, как удовлетворенность (*satisfaction*) сотрудников своей работой, берется за основу при анализе пользы от самоуправляемых групп (С. Коэн, Дж. Лэдфорд) [11, pp. 13–43]. Несмотря на то, что некоторые экономисты считают, что кроме удовлетворенности в самоуправляемых компаниях развивается стремление к качеству и продуктивности (С.-Б. Янг, М. Гай, С. Коэн) [20, pp. 531–541], нет основательных доказательств того, что на деле это действительно происходит. Вся концепция держится на представлении об «удовлетворенности» членов самоуправляемой команды.

Не до конца изучена и проблема взаимодействия членов внутри самоуправляемой команды. Есть, например, такие экономисты, как Джо Пауэр и Ди Уодделл, которые справедливо отмечают наличие проблем с управлением и разрешением конфликтов в самоуправляемых группах [18, pp. 244–259]. В команде, где все находится на равных условиях, проявление лидерства со стороны отдельных членов состава может легко привести к разногласиям. Поэтому распределение обязанностей является задачей, чаще всего требующей внешнего вмешательства.

Самоуправляемые группы (команды). Некоторые госкомпании и учреждения сильно спешат с организационными изменениями. В целом, в России государственный сектор по организационным изменениям сильно опережает частный. Эти изменения реально не соответствуют уровню технического и культурного развития российского общества; их невозможно проследить через данные о количестве отработанных часов в неделю и о среднем количестве часов, приходящихся на одного занятого в России. Если в 2010 г. количество отработанного времени на всех видах работ составило 149327 млн человеко-часов, то в 2018 г. эта цифра несущественно снизилась [3. С. 61]. Однако с тех пор значительно увеличилось число вакансий. В 2018 г. их стало на 318 тыс. больше [3. С. 77]. К кризису на рынке труда, выражающемуся в форме нехватки рабочей силы, непричастны технологии, хотя стоит признать, что с середины XIX в., после индустриальных революций, количество часов на одного человека существенно сократилось. Причинами стали ухудшение условий труда и всплеск коррупции.

Опрос, проведенный ВЦИОМ в 2018 г., показал интересную картину: 63% граждан считают, что за соблюдением их трудовых прав следит администрация учреждения или предприятия, 15% – профсоюзные организации и др. [4]. При возникновении глубоких противоречий между работодателем и работником, последний скорее уйдет из организации, нежели будет требовать соблюдения своих прав. Это свидетельствует о том, что уровень незащищенности достаточно высок. Основной удар от такой политики приходится на молодых специалистов, которые начинают свой трудовой путь. Проблема не только в отсутствии доверия к профсоюзам, но и в отсутствии профсоюзов в частном секторе, который из года в год увеличивается. Ещё в 2005 г. 50% от опрошенных

ВЦИОМ граждан заявили о том, что на их предприятиях отсутствуют профсоюзы [1]. Сегодня ситуация гораздо сложнее. Профсоюзов стало значительно меньше. При этом госучреждения и госпредприятия с 2010 г. все чаще обращаются за финансовой помощью к частным инвесторам. Вместе с тем многочисленные опросы показывают, что для россиян на первом месте по важности стоит зарплата. Однако, некоторые американские экономисты, изучив детально влияние организационных инноваций на зарплату сотрудников фирмы, пришли к интересному выводу (С. Блэк, Л. Линч, А. Кривелёва). Они обнаружили, что в самоуправляемых командах часть сотрудников получает больше за счет премиальных выплат, что создает разницу в оплате труда. Из-за этого развивается неравенство [8, pp. 18–21]. Развитие эффективного управления оказалось не столь простым делом, как предполагалось первоначально.

Результат формирования самоуправления отражается на пространственно-территориальном развитии стран и регионов. Как в государственных корпорациях, так и в частных компаниях зарплаты за одну и ту же работу сильно разнятся вне зависимости от отработанного времени и должности. Сотрудники столичных компаний получают в несколько раз больше своих региональных коллег. Проблема оплаты труда остается до сих пор слабым звеном во всей этой концепции.

Самозанятость. Параллельно с развитием самоуправленческих механизмов произошел ряд социальных изменений на микроэкономическом уровне. Изменилось отношение к самозанятости. Все больше европейцев и американцев стали доверять индивидуальному предпринимательству. Бум вокруг этой темы в Европе произошел в 80-х гг. XX в. И хотя в последнее время ажиотаж пошел на спад, тем не менее самозанятость остается в тренде. Любопытно, что в Европе с 2000 г. по 2020 г. количество самозанятых варьируется в пределах 27–28 млн человек [16]. Означает ли это, что за двадцать лет ничего не изменилось? Дать объяснение этому явлению непросто. Вероятно, стоит обратиться к возрастному составу самозанятых. За все эти годы он изменился. Если раньше до 2000 г. самозанятыми преимущественно были граждане старше 30 лет, то в последующие годы их средний возраст снижался. С увеличением гиг-экономики самозанятыми становятся люди без опыта, знаний и навыков. Более того, в США и в Европе стремительно растет число самозанятых без высшего образования. Россия следует этой же тенденции; однако за последний год увеличилось число тех предпринимателей, которые решили стать самозанятыми по причине более комфортного налогообложения. В Европе таких изменений нет, поскольку существует прогрессивная шкала налогообложения. Также в Европе, в отличие от России, самозанятый может нанимать сотрудников. Но при этом как в России, так и за рубежом самозанятый защищен хуже, чем кто-либо другой. Возможности самозанятого ниже, чем у юридических лиц. Сложности могут возникнуть при взятии кредита для развития бизнеса или

ипотеки для приобретения жилья. В России объем доходов самозанятых ограничен. Он не должен превышать 2,4 млн руб. в год. В Европе доходы самозанятых не ограничены. Тем не менее они сильно уступают доходам прочего занятого населения. Наиболее высокая прибыль в качестве самозанятого в 2019–2020 гг. отмечалась в Великобритании и составляла 26,7 тыс. фунтов [7].

Компетенции и самоуправленческая модель развития экономики. Проблемы с ускоренными технологическими изменениями все чаще становятся предметом дискуссий, и это неспроста. Для обеспечения функционирования цифрового общества необходимы кадры, которые постоянно совершенствуют свои компетенции. Например, в настоящий момент в Европе насчитывается приблизительно 6,1 млн программистов. Из этого числа около 850 тыс. находятся в Германии, немного более 800 тыс. в Великобритании, менее 470 тыс. во Франции. Но в связи с бурным развитием технологий этого недостаточно.

Особенно важен тот факт, что в Европе более 12% граждан занимаются предпринимательской деятельностью. Процесс все большего погружения в цифровизацию уже требует от граждан специальных компетенций. Они позволяют им уверенно совершать свои привычные действия в виртуальном пространстве, не опасаясь, например, потери личной информации. Базовые навыки пользования сложными продуктами (*C, Python, Javascript, Java* и др.), навыки программирования для ведения бизнеса и для создания личных программных продуктов – следующий этап цифровизации. Такого уровня достичь достаточно трудно самостоятельно. Большая часть граждан пользуется элементарными программами для оплаты покупок, для прослушивания музыки и т.д. Но даже в крупных европейских компаниях сотрудники проходят курсы повышения квалификации без энтузиазма. Отношение к цифровизации по-прежнему двоякое. Цифровые продукты в мире воспринимаются больше как развлечение, чем как инструменты профессионального развития. В какой-то степени это связано с излишней маркетизацией и коммерциализацией цифровых продуктов.

Однако, не стоит забывать об организационном аспекте. Усиление «горизонтальной» мобильности и наращивание «горизонтальных» связей меняет систему представлений о человеческом развитии. Если иерархическая организация подразумевает, что процесс совершенствования навыков идет от ступени к ступени, то при горизонтальной траектории человеку достаточно подняться на одну ступень, и стимул для совершенствования навыков пропадает, так как небольшой арсенал навыков позволяет достичь поставленной цели. Предел перспектив обозрим. В некоторых случаях обучение длится две недели или ещё меньше. Например, чтобы работать курьером в компании *Amazon* достаточно пройти короткий курс дистанционного обучения. В США на должность программиста принимают людей без высшего образования. Наем скорее основан на навыках, чем на образовании. Вообще, расширение гиг-экономики сильно отражается на образовании. Казалось бы, в эпоху технологических изменений

именно среднее профессиональное образование должно получить статус обязательного для всех, кто не продолжает своё обучение в высшем учебном заведении. Однако, в реальности все наоборот: с 2005 г. более чем вдвое уменьшилось количество обучающихся, получивших среднее образование [2. С. 142–145]. Плохая подготовка кадров на средней и высшей ступени влияет на разделение труда и углубление специализации. Формирование группы узких специалистов и работа в ней требует от сотрудника определенных узких компетенций, которые востребованы и необходимы. В молодом возрасте такие компетенции не сформированы окончательно. Примечательно, что в США, стране с наиболее высоким ВВП, 51% от всего трудоспособного населения меняет работу хотя бы один раз в пять лет, а 30% – один раз в год [15]. Основную часть «летунов» составляют молодые кадры. По сравнению со старшими коллегами, они более чем в два раза чаще меняют работу. Часто причинами становятся конфликты в команде. Согласно данным Центра управления и эффективной организации, 34% конфликтов возникают в среде сотрудников начального уровня [19]. Это происходит из-за нехватки опыта разрешения конфликтов и излишнего стресса. Важное место занимает и борьба интересов между молодыми кадрами. Ущерб от формирования самоуправляемых команд из молодых кадров высок. Ежегодно компании тратят миллионы долларов на то, чтобы решить кадровые вопросы. Поэтому нет никаких сомнений в том, что построение самоуправляемого общества без должного уровня знаний, навыков и отношений будет способствовать ещё большей деградации трудовых отношений и развитию нестабильности на рынке труда.

* * *

Таким образом, горизонтальная модель может быть более эффективной и функционировать гораздо лучше в организациях и в обществе, базирующемся не столько на молодых кадрах, сколько на квалифицированных специалистах среднего возраста. Это связано с тем, что кадры среднего возраста имеют опыт построения стабильных связей, более стрессоустойчивы, имеют широкий круг контактов, лучше умеют защищать свои интересы и свои знания, а также имеют практический опыт применения знаний и навыков в деле. Статистика по увольнениям и приему граждан в разных странах мира свидетельствует о том, что молодые кадры более мобильны и склонны чаще менять работу, чем кадры среднего возраста, которые больше заинтересованы в стабильных доходах.

Тем не менее проблем в «горизонтальном развитии» остается немало. Достойная оплата труда, поиск путей развития компетенций при коротких социальных лифтах, мониторинг самоуправляемых сообществ – все эти вопросы предстоит решить для того, чтобы самоуправленческая модель развития общества заработала.

Литература

1. Профсоюзы и трудящиеся. Любовь без взаимности? Опрос ВЦИОМ 10 мая 2007. URL: www.wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/profsoyuzu-i-trudyashiesya-lyubov-bez-vzaimnosti
2. Россия в цифрах. 2020: Крат. Стат. сб. // Росстат. М., 2020.
3. Труд и занятость в России. 2019: Стат. сб. // Росстат. М., 2019.
4. Трудовые права: кто на страже? Опрос ВЦИОМ 13 июня 2018 г. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9157>
5. Численность требуемых работников на вакантные рабочие места по видам экономической деятельности // Труда и занятость в России. 2011. URL: www.gks.ru/bgd/regl/B11_36/Main.html
6. Annual Report on European SMEs 2020/2021. Digitalisation of SMEs. July 2021. / European Commission. URL: ec.europa.eu/growth/smes/sme-strategy/performance-review_en
7. Average annual self-employment income in the UK in, by decile group 2020. Statista. URL: www.statista.com/statistics/811508/average-annual-self-employment-income-uk/
8. *Black S.E., Lynch L.M., Krivelyova A.* How Workers Fare when Employers Innovate // National Bureau of Economic Research. 2003. Working Paper 9569, pp. 1–38. URL: www.nber.org/papers/w9569
9. *Bresnahan T., Brynjolfsson E., Hitt L.* Information Technology Workplace Organization, and the Demand for Skilled Labor: Firm-Level Evidence // National Bureau of Economic Research. 1999. Working Paper No. 7987, pp. 1–47. URL: www.nber.org/papers/w7987
10. *Buvat J., Crummenerl C., Slatter M., Puttur R., Pasquet L., Van As J.* The Digital Talent Gap. Are Companies Doing Enough? Capgemini Digital Transformation Institute 2017. URL: www.capgemini.com/wp-content/uploads/2017/10/dti_the-digital-talent-gap_20171109.pdf
11. *Cohen S.G., Ledford G.E.* The Effectiveness of Self-Managing Teams: A Quasi-Experiment // Human Relations. 1994. Vol. 47. No. 1, pp. 13–43.
12. *Cummings T.G.* Self-Regulating Work Groups: A Socio-Technical Synthesis // The Academy of Management Review. 1978. Vol. 3. No. 3, pp. 625–634.
13. *Giattino Ch., Ortiz-Ospina E., Roser M.* Working Hours. URL: www.ourworldindata.org/working-hours
14. Great Britain: Coal Mining since Nationalization // Monthly Labor Review. 1950. Vol. 70. No. 1, pp. 19–25.
15. Individuals changing jobs every one to five years in the U.S. 2016–2018. Statista. URL: www.statista.com/statistics/862572/us-employment-market-individuals-changing-jobs-every-one-to-five-years/
16. Number of self-employed people in the EU 2002–2020 / Statista. URL: www.statista.com/statistics/946989/self-employed-persons-in-eu/
17. *Trist E.L., Bamforth K.W.* Some Social and Psychological Consequences of the Longwall Method of Coal-Getting // Human Relations. 1951. Vol. 4. No. 3, pp. 3–38.
18. *Waddell D., Power J.* The Link Between Self-Managed Work Teams and Learning Organizations Using Performance Indicators // The Learning Organization. 2004. Vol. 11. No. 3, pp. 244–259.
19. Workplace Conflict: Statistics that Reveal Its Cost. URL: www.cmoec.com/blog/workplace-conflict-costs/amp/
20. *Yang S.B., Guy M.E.* The Effectiveness of Self-Managed Work Teams in Government Organizations // Journal of Business and Psychology. 2011. Vol. 26, pp. 531–541.

Daniel Kamari (e-mail: danikamari@mail.ru)
Independent Expert (Moscow, Russia)

COMPETENCES IN THE NEW MODEL OF ECONOMIC DEVELOPMENT

Organizational innovations in companies and government institutions move society in a certain direction. The largest international corporations are moving to a self-managed model and to self-managed teams. However, the effect of this accelerated transition shows that this model creates instability in the labor market.

Keywords: competencies, self-employment, labor, working hours, optimization.

DOI: 10.31857/S020736760021494-2

© 2022

Михаил Жариков

доктор экономических наук, доцент, профессор Департамента мировых финансов Факультета международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве РФ (г. Москва, Россия)
(e-mail: michaelzharikoff@gmail.com)

МУЛЬТИЛАТЕРАЛЬНЫЕ ФИНАНСОВЫЕ ИНСТИТУТЫ СТРАН БРИКС В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ВОЛНЫ АНТИРОССИЙСКИХ САНКЦИЙ

Тема актуальна в связи с усилением экономических и финансовых санкций в отношении России. Исследование исходит из положения о том, что многосторонние финансово-экономические институты, созданные на базе соглашений стран БРИКС, могут выступить в качестве дополнительных фондов на случай полной блокады России как части мировой финансовой системы. Практическая значимость результатов исследования состоит в разработке подходов к формированию стратегии России в отношениях с финансовыми институтами стран БРИКС для поддержки и финансирования некоторых направлений экономической деятельности в стране, вынужденной работать по избирательной модели обращения с дружественными и недружественными странами мира. В статье сформулированы предложения и рекомендации о коррективах во внешнеэкономической стратегии России до 2025 г.

Ключевые слова: страны БРИКС, дружественные страны, недружественные страны, мультилатеральные финансово-экономические институты стран БРИКС, мировая валютно-финансовая система, антироссийские санкции, экономика как крепость, экономическая автаркия.

DOI: 10.31857/S020736760021507-6

Современная система международных финансово-экономических институтов как инструмент санкционного давления. Предпосылки создания, становления и функционирования альтернативной системы финансово-экономических институтов можно проследить в рамках как действующего форума БРИКС, так и самостоятельной политики Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР задолго до появления этого многостороннего партнерства. Каждая из этих стран еще до появления группировки БРИКС в определенные периоды своей истории оказывались в условиях международной изоляции. Так, ЮАР из-за эскалации режима апартеида находилась под действием международных санкций с середины 70-х гг. вплоть до начала 90-х, когда к власти пришли демократы во главе с Нельсоном Манделой. Бразилия неоднократно в XX в. оказывалась в условиях действия санкций со стороны развитых стран, которые не принимали политические режимы в этой стране, считавшиеся, по их понятиям, диктатурой и милитаризмом. Китай, как страна победившего коммунизма, с 1949 г. жил в условиях ограничений, наложенных западными санкциями развитых стран, осуждавших преобразование в период правления Мао Цзэдуна [1].

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

Лишь к концу 70-х гг. вместе с либерализацией национальной политической системы и началом политики открытости в Китай пошли иностранные инвестиции, положившие начало становлению современного государственного капитализма с китайской спецификой. Режим Ганди в Индии также проводил политику изоляции и неприятия западных ценностей после полуторавекового засилья британской культуры и традиций капитализма. СССР после Второй мировой войны все больше расходился с целями и сущностью мироустройства и мирового экономического порядка, построенного в результате Бреттон-Вудских соглашений и создания системы институтов ООН, что нашло отражение в ряде конфликтов, гонке вооружений, противостоянии холодной войны [2]. Пик противостояния пришелся на войну в Афганистане и пошел на спад к концу 80-х – началу 90-х гг., когда наступил кризис социалистического лагеря. Крах социалистической идеологии и социалистических принципов хозяйствования, социалистической модели развития в начале 90-х гг. привел к тому, что во многих странах мира произошли революции и государственные перевороты, сопровождавшиеся принятием западных ценностей, капиталистических моделей свободной торговли, свободного предпринимательства, частной собственности, гласности и демократизации [3].

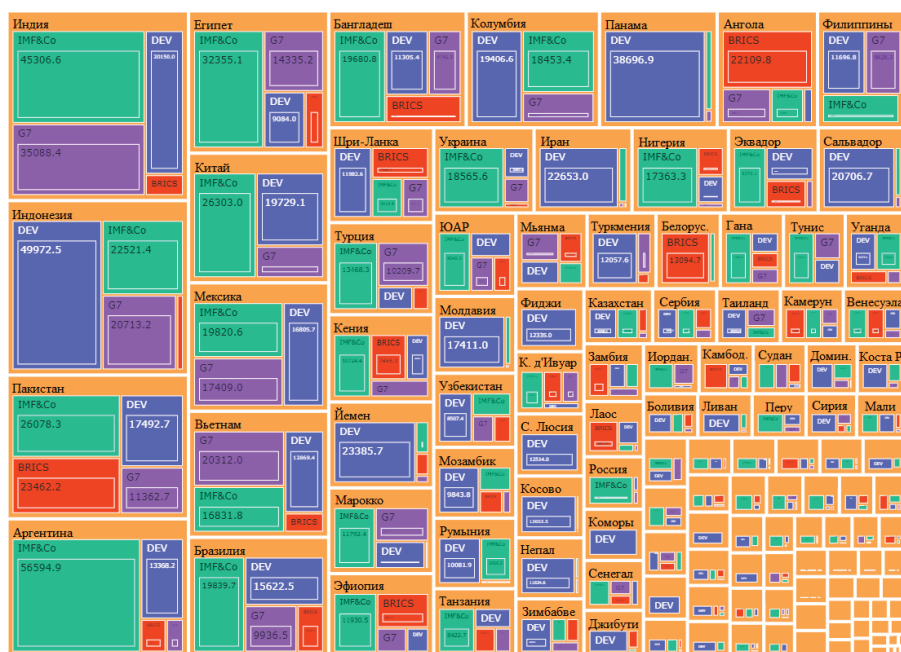
В результате такие страны, как Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР вышли на путь интеграции в мировую экономику через свободный рынок, образование зон свободной торговли и прочих интеграционных формирований. Период международной экономической интеграции и глобализации сформировал крупный бизнес и крупные предприятия в индустрии добычи и обработки полезных ископаемых, где приобрели главенствующее положение богатые ресурсами Бразилия, Россия и ЮАР. Привлекали крупный интернациональный бизнес и дешевые трудовые ресурсы Индии и Китая. Рост цен на продукты мировых товарных рынков и профицит торгового баланса дали странам БРИКС необходимый трамплин для развития и модернизации национальных экономик [4]. Однако борьба с глобальным терроризмом стран Запада, политика протекционизма после глобального финансово-экономического кризиса стали обращать все больше выгод глобализации в пользу развитых рынков. Неравенство по уровню доходов, которое с начала 90-х гг. сужалось во многих странах, резко возросло, особенно при сравнении с промышленно-развитыми странами [5, 6].

Началось новое противостояние, и в демократизированных развивающихся странах к власти снова пришли политические силы, выступающие за защиту национальных интересов, ренационализацию месторождений полезных ископаемых, самостоятельность в принятии решений, самодостаточность производства и потребления. Однополярный мир во главе с США и их союзниками начал трансформироваться в многополярный. Силу набрали валюты стран БРИКС, и прежде всего – китайский юань, благодаря росту золотовалютных

резервов. В новом противостоянии Запада и Востока развитые страны начали активно использовать санкционную политику. Поэтому интеграционные объединения, международные партнерства и форумы приобрели новую актуальность [7].

Подсанкционные страны начали искать пути к развитию через сотрудничество с дружественными государствами (для России таковыми являются государства, которые продолжают покупать российское зерно, нефть, газ, редкоземельные металлы, вооружение и некоторые технологии). Опосредованием товарно-обменных процессов стали заниматься узкоспециализированные финансово-кредитные институты, которые пока работают в рамках международной системы расчетов и банковских корреспондентских счетов, но готовы к принятию рисков попадания под санкционный режим развитых стран Запада [8].

Карта внешнего долга отдельных стран мира. На Рис. 1 в концентрированной форме автор исследования разработал карту внешней официальной задолженности, на которой показана роль стран БРИКС, G7, МВФ и прочих многосторонних финансовых институтов в кредитах развивающимся странам.

Рис. 1. Карта международных долговых отношений с долевым участием ведущих стран мира и международных организаций в позиции кредиторов, 2020 г. (млн долл.)

Источник: построено автором с помощью языка программирования Python с использованием статданных Международного валютного фонда и Всемирного банка.

На построенной карте видно, что сама Индия как член БРИКС, прежде всего, лидирует по объему предоставленного международного кредита, во-вторых, в структуре ее внешнего долга официальным организациям доминирующее положение занимают Бреттон-Вудские учреждения и прочие региональные банки развития и страны G7. Китай, долг которого официальным международным организациям значительно меньше долга частным банкам, стоит в этой классификации на 6-м месте, и в структуре его внешнего долга официальным структурам доминируют Бреттон-Вудские учреждения и прочие региональные банки развития, страны G7 и ни одна из стран БРИКС (без Китая) [9]. То же самое можно сказать о Бразилии, хотя и с учетом некоторой доли кредита стран БРИКС, главным образом одного Китая. Россия тоже присутствует в этой схеме, хотя ее достаточно сложно найти на данной карте международного кредита по причине малой задолженности госсектора перед официальными институтами, тем не менее и здесь основная доля принадлежит Бреттон-Вудским учреждениям и прочим региональным банкам развития, а страны БРИКС (без России) в структуре кредитов России отсутствуют. Аналогичная ситуация складывается на примере ЮАР, которая должна больше России, но здесь значимым кредитором выступает одна страна БРИКС – Китай [9]. На данной карте есть страны БРИКС, которые играют более значимую роль по сравнению с другими официальными кредиторами. В частности, заметно их участие в Пакистане, Эфиопии, Кении, Шри-Ланке, Анголе, Белоруссии, Танзании, Лаосе, Камбодже, Судане, Венесуэле и некоторых других, но они скорее составляют исключение из правила, чем само правило. Кроме того, страны БРИКС в своей международной кредитной деятельности в большинстве случаев действуют индивидуально, самостоятельно и в значительно меньшей степени через взаимные Банк развития БРИКС, Азиатский фонд инфраструктурных инвестиций и т.д. [10].

Официальные региональные и международные организации, которые создавались как альтернатива Бреттон-Вудским финансово-экономическим институтам, на самом деле, базируются на тех же принципах и соглашениях, подписанных совместно с развитыми странами, и поэтому во многом они не могут быть в полной мере альтернативными. Скорее, они работают как параллельные учреждения, дополняющие функционал МВФ и Всемирного банка в областях, сферах и странах, которые последними не охвачены, т.е. де-факто альтернативные институты, как Банк развития БРИКС, Пул условных валютных резервов, по умолчанию присоединяются ко всем резолюциям действующих Бреттон-Вудских институтов. По этой причине финансовая помощь Банка развития БРИКС или Пула условных валютных резервов для стран, живущих в условиях жестких санкций, таких как Россия, официально предоставлена быть не может, и если она и предоставляется, то в весьма ограниченных масштабах [11, 12].

Так, Банк развития БРИКС, если и может помочь России, то только для целей декарбонизации экономики и промышленности, преодоления последствий социально-эпидемиологической катастрофы планетарных масштабов, с учетом того, что на эти вселенские задачи он может на деле предоставить лишь малую долю инвестиций, которые действительно по факту придется вложить, чтобы перейти к экономике с отсутствием выбросов парниковых газов или реформы социальной сферы и сферы здравоохранения после эпидемии [13]. Поэтому банк дает деньги только на строительство солнечных батарей и панелей, экологически чистых систем водоснабжения и ирригации, автоматических систем извлечения энергии солнца и ветра и т.п. Преимущество при этом отдается частным коммерческим банкам с малым участием государственного капитала, а еще лучше с его полным отсутствием, частным финансовым посредникам, фондам инфраструктурных инвестиций и только до тех пор, пока они не вступают в контакт с подсанкционными лицами и организациями. Поэтому китайские крупнейшие банки и фонды инфраструктурных инвестиций, включая Китайский банк развития, Азиатский фонд инфраструктурных инвестиций, Китайский торговый банк и т.д., не смогут помочь России в условиях санкций, поскольку потеряют намного более весомую часть своего зарубежного бизнеса и инвестиционные возможности в мире в рамках своих проектов Нового шелкового пути [14].

Перспективное использование национальных валют тоже достаточно ограничено, хотя примеры этого существуют. В частности, для борьбы с эпидемией COVID-19 Банк развития БРИКС в 2020 г. впервые выпустил долларовые и юаневые облигации, объем которых к концу года составил 3,6 млрд долл. и 13 млрд юаней соответственно. Приоритет помощи по проектам особого «ковидного» фонда при Банке развития БРИКС был отдан всем странам-членам, кроме России. При этом помощь через национальные бюджетные фонды финансирования социальной, промышленной и прочих сфер в несколько раз превосходит поддержку Банка развития.

Так, без поддержки этого банка Россия выделила 86 млрд долл. в рамках национального плана восстановления занятости, доходов населения, экономического роста и долгосрочных структурных трансформаций в экономике в 2020 г. Бразилия, получившая в виде «ковидной» помощи от банка 2 млрд долл., планирует затраты на реформу экономики, промышленности и других сфер жизнедеятельности в объеме 134 млрд долл. до 2033 г. Помощь Китаю на те же цели от Банка развития составила 7 млрд юаней, Индии – 2 млрд долл., ЮАР – 1 млрд долл. С начала вспышки COVID-19 в 2020 г. Китай выделил на поддержку экономики и жизнедеятельности 904 млрд долл., и были предложены инвестиции в новую инфраструктуру страны в сумме 1,4 трлн долл. Правительственная поддержка в ЮАР составила 100 млрд рандов на инфраструктуру и гарантии частных инвестиций в инфраструктуру страны до 2023 г. С учетом

перспективной поддержки Банка развития БРИКС странам-членам в национальных валютах, федеральное бюджетное финансирование на уровне отдельных стран-членов в национальных валютах оказывается намного масштабнее и шире и оказывает гораздо большую поддержку национальным валютам. При малой помощи на инфраструктуру от банка 27% кредитов ЮАР были выданы в южноафриканских рандах и 75% кредитов Китаю в юанях. К концу 2020 г. банк одобрил 68 проектов для стран БРИКС на общую сумму в 24,7 млрд долл., из них реально были распределены и пошли в дело 6,9 млрд. На транспортную инфраструктуру в Бразилии банк выделил 300 млн долл. Россия получила от банка 460 млн долл. на проект поддержки системы правосудия и правопорядка. Индия получила 360 млн долл. на развитие дорог в селах штата Мадхья – Прадеш. Китай получил 2 млрд юаней на строительство ветряной мельницы в провинции Фуцзянь. ЮАР получила 180 млн долл. на строительство электростанции, работающей на возобновляемых источниках энергии.

В 2020 г. Новый банк развития одобрил три инфраструктурных проекта на общую сумму 1,2 млрд долл., в т.ч. два проекта в России и один в ЮАР. При этом один российский проект предполагал несuverенный кредит в сумме 100 млн евро Черноморскому банку торговли и развития на программу поддержки морской навигации в России, а второй несuverенный кредит был выдан на сумму 100 млн долл. Евразийскому банку развития для реализации программы развития таможенных путей сообщения в России. Проект в ЮАР, в свою очередь, был профинансирован суверенным кредитом на сумму 1 млрд долл., пошедших на программу развития управления нетаможенными путями сообщения.

В сфере ирригации Банк развития БРИКС выдал несuverенный кредит в сумме 100 млн долл. Евразийскому банку развития на программу развития водоснабжения и систем санитарного контроля в ряде городов России. Общий объем кредитов на эти же цели в странах БРИКС от банка составил 1,9 млрд долл. В 2016–2020 гг. банк одобрил 14 проектов городского строительства в странах БРИКС на сумму 3,8 млрд долл. Россия получила суверенный кредит на сумму 205 млн евро для поддержки второго этапа проекта развития малых исторических городов. В свою очередь, два суверенных кредита было выдано Индии: один на 241 млн долл. для поддержки проекта строительства ветки метрополитена в Мумбаи и другой на 500 млн долл. на проект регионального транспортного сообщения по маршруту Дели – Газибад – Меерут в рамках договора софинансирования с Азиатским банком развития и Азиатским банком инфраструктурных инвестиций. На развитие цифровой инфраструктуры Россия получила от банка 300 млн долл. в виде несuverенного кредита на поддержку проекта мобильных сетей и облачных услуг компании МТС. В 2020 г. банк работал совместно с бразильским региональным банком развития BRDE в рамках проекта и кредита с госгарантиями на сумму 135 млн евро по программе городской, сельской и социальной инфраструктуры. В Бразилии также используется кредит в сумме 1,2 млрд

долл. в рамках совместного проекта Банка развития БРИКС и бразильского BNDES на государственные и частные инфраструктурные проекты в возобновляемой энергетике, энергоэффективности, городской мобильности, водоснабжения, санитарного контроля, транспорта и логистики, ИКТ и прочей социальной инфраструктуры. Банк развития БРИКС одобрил кредит на сумму 7,3 млрд индийских рупий в рамках акционерных инвестиций частному Национальному фонду инфраструктурных инвестиций в Индии. Инвестиции пошли на экологически чистую инфраструктуру, социальную инфраструктуру, доступное жилье, инфраструктурные услуги, агробизнес, финансовые услуги и прочие виды деятельности, связанные с созданием рабочих мест и поддержкой малых и средних предприятий.

Стратегии Банка развития БРИКС в судьбе российской экономики. На уровне Банка развития БРИКС действует стратегия финансирования, которая включает следующие аспекты:

- диверсификация финансирования по инструментам, валюте, сроку и типу процентной ставки;
- выход на международный рынок капитала;
- национальные программы заимствования в странах БРИКС;
- регулярная эмиссия облигаций;
- сделки по установленным стандартным пакетам финансирования с фиксированной суммой;
- ориентация на экологичные, социальные долговые инструменты и долговые инструменты устойчивого развития;
- участие в программе ООП повестки устойчивого развития до 2030 г.

Банк развития БРИКС ставит перед собой цель создания диверсифицированного портфеля финансовых инструментов в твердых, национальных и прочих валютах на основе параметров кредитного портфеля, спроса со стороны инвесторов и динамики рынка. Банк привлекает средства на международных рынках капиталов и национальных рынках стран-членов на основе государственных и частных сделок при соответствующем использовании механизмов хеджирования с учетом политики банка по управлению риском. Благодаря высокому кредитному рейтингу, Банк развития удовлетворяет свои потребности в финансовых ресурсах на международных рынках капитала и на внутренних рынках стран-членов. Банк разработал следующие программы займов на международных рынках капитала:

- программа среднесрочных еврооблигаций в сумме 50 млрд долл.;
- программа коммерческих, корпоративных еврооблигаций в сумме 8 млрд долл.

Финансирование в национальных валютах — ключевой момент клиентоориентированного подхода Банка развития, поскольку эта стратегия минимизирует риски заемщиков и одновременно поддерживает углубление финансовых

рынков стран-членов. Банк развития БРИКС создал следующие программы заимствования для целей аккумулирования средств в национальных валютах стран-членов на национальном и международном рынках:

- программа эмиссии облигаций в России на сумму 100 млрд руб.;
- программа эмиссии облигаций в Китае на сумму 20 млрд юаней;
- программа эмиссии облигаций в ЮАР на сумму 10 млрд рандов;
- программа среднесрочных еврооблигаций на сумму 50 млрд долл., которая

позволяет осуществлять эмиссию облигаций за рубежом в бразильских реалах, российских рублях, индийских рупиях, китайских юанях, южноафриканских рандах.

На конец 2020 г. совокупный объем непогашенных облигаций, выпущенных Банком развития БРИКС на международных и национальных рынках капиталов, составил 5,5 млрд долл. непогашенный объем коммерческих еврооблигаций составил 2,8 млрд долл. к тому же периоду. В апреле 2020 г. Банк развития осуществил эмиссию трехлетних юаневых облигаций на сумму 5 млрд юаней для борьбы с COVID-19 в Китае. Эта сделка привлекла высококачественных национальных и зарубежных инвесторов и привела к следующим результатам:

- окончательная книга заказов превысила сумму 15 млрд юаней, что в три раза больше суммы первоначальной эмиссии;
- облигации, выпущенные в более низком ценовом сегменте инструментов заимствования;
- самый крупный выпуск юаневых облигаций международным банком развития в Китае;
- первые облигации по борьбе с COVID-19, выраженные в юанях и выпущенные международным банком развития в Китае;
- распределение инвесторов по регионам представлено следующими долями: материковый Китай – 41%, ЕМЕА – 35%, АРАС, за исключением материкового Китая – 14;
- распределение инвесторов по типам: центральные банки или официальные государственные институты – 54%, коммерческие банки – 45, компании-посредники в эмиссии – 1.

В июле 2020 г. Банк развития разместил в Китае юаневые облигации на сумму 2 млрд юаней со сроком погашения 5 лет и купонной ставкой 3%. Окончательная книга заказов эмиссии этих облигаций превысила 4 млрд юаней. В октябре 2020 г. Банк развития БРИКС зарегистрировал вторую облигационную программу в Китае на сумму 20 млрд юаней. Банк делает основной упор на эффект от развития в своей деятельности в соответствии с целями устойчивого развития ООН. Выпуская юаневые облигации, банк позиционируется как регулярный эмитент в Китае, доведя совокупный непогашенный объем облигаций до 13 млрд юаней. В июне 2020 г. Банк развития БРИКС выпустил первые долларовые облигации на общую сумму 1,5 млрд долл.

на международный рынок. Чистый доход по этим облигациям предполагается использовать на финансирование целей устойчивого развития, включая программы по кредитам на помощь в условиях чрезвычайных ситуаций. Основные моменты этой сделки характеризуются следующими позициями:

- Банк развития БРИКС стал первым международным банком развития, который осуществил размещение облигаций на международных рынках полностью в виртуальном формате;
- долларовые облигации выступают крупнейшей сделкой с 2011 г.;
- банк пользуется исключительной поддержкой высококачественных инвесторов с учетом активного участия центральных банков и прочих официальных институтов, на которые приходится 75% распределенных облигаций;
- географическая структура размещения облигаций представлена Азией – 56%, ЕМЕА – 29%, Северной и Южной Америкой – 15%;
- устойчивый спрос со стороны инвесторов позволяет банку сужать спред по ценообразованию облигаций на 7 базисных пунктов по сравнению с верхним пределом первоначальной цены и выйти на уровень купонной ставки 0,625%.

В июне 2020 г. Банк развития БРИКС расширил размер своей долларовой облигационной программы с 2 до 8 млрд долл. благодаря росту спроса со стороны инвесторов и растущим потребностям банка в ликвидности. Банк развития БРИКС приобрел дополнительные возможности и свободу действий в результате расширения краткосрочной ликвидности.

В сентябре 2020 г. Банк развития БРИКС выпустил пятилетние долларовые облигации на 2 млрд долл. для борьбы с COVID-19. Чистый доход от эмиссии облигаций используется для финансирования целей устойчивого развития в странах-членах. Основные характерные моменты выпущенных облигаций состоят в следующем:

- большой спрос на облигации проявили инвесторы достаточно широкого круга, начиная с центральных банков и до прочих официальных институтов, на которые приходится 66% распределенных бумаг;
- географическая структура инвесторов представлена Азией – 57%, ЕМЕА – 34%, Северной и Южной Америкой – 9%;
- облигации были выпущены со спредом в 37 базисных пунктов по среднесрочным свопам с фиксированным годовым купоном 0,625%.

Оба выпуска долларовых облигаций в 2020 г. и их размещение на международных рынках капитала стали ключевыми источниками закрепления общей стратегии Банка развития БРИКС и постепенной диверсификации его инвестиционного портфеля.

В декабре 2020 г. Банк развития БРИКС выпустил первые частные облигации на 50 млн долл. со сроком погашения 2 года. Эта эмиссия еще больше диверсифицирует источники финансирования банка за счет участия частного

сектора инвесторов. В мае 2020 г. Совет директоров Банка развития БРИКС одобрил программу устойчивого финансирования проектов по целям устойчивого развития.

Инвестиционный портфель Банка развития БРИКС состоит из облигаций, коммерческих бумаг, депозитных сертификатов, срочных депозитов, средств фондов денежного рынка и выкупа ценных бумаг с высоким международным кредитным рейтингом в твердых валютах стран-членов, преимущественно в юанях. В 2020 г. в рамках политики усиления компонента национальных валют в портфеле банка была расширена деятельность и сделки с национальными валютами стран-членов, основываясь на полностью хеджируемых инструментах. Ключевая стратегия инвестиционного портфеля Банка развития БРИКС состоит в обеспечении сохранности капитала банка, поддержании высокого уровня ликвидности и минимизации рисков с учетом целей достижения достаточной прибыльности по операциям. В 2020 г. банк начал реализацию юаневых сделок по инструментам РЕПО с участниками китайского рынка для увеличения ликвидности средств в юанях и сокращения кредитных рисков. Банк стал участником валютного рынка межбанковского кредита в Китае, который выступает дополнительным источником финансирования. Банк развития БРИКС также дополнил свой механизм ценообразования облигаций, деноминированных в бразильских реалах в дополнение к существующим инструментам, выраженным в долларах США, евро, юанях и рандах. Совокупная картина кредитной проектной деятельности финансирования Банка развития БРИКС в странах-членах представлена в табл. 1.

Итоги работы Банка развития БРИКС и их последствия для российской экономики. К концу 2020 г. совокупная деятельность Банка развития БРИКС выразилась в следующих основных показателях: портфель проектов увеличился до 24,4 млрд долл. по сравнению с 14,9 млрд долл. в 2019 г.; 10 млрд долл. пошло на борьбу с COVID-19 в странах-членах; совокупная база активов составила 18,8 млрд долл. против 11,8 млрд долл. в 2019 г.; собственные заимствования выросли до 8,4 млрд долл. против 1,6 млрд долл. в 2019 г.; операционная прибыль составила 101 млн долл. против 151 млн долл. в 2019 г. Портфель суверенных кредитов Банка развития БРИКС увеличился до 21 млрд долл. в 2020 г. против 11,9 млрд долл. годом ранее. Несуверенные кредиты достигли в целом 3,3 млрд долл. по сравнению с 2,9 млрд долл. в 2019 г. Российский портфель кредитов Банка развития БРИКС к концу 2020 г. составил 3343 млн долл. по сравнению с 2716 млн долл. в 2019 г. Бразилия получила в общем от Банка развития БРИКС 5011 млн долл. к концу 2020 г. по сравнению с 1521 млн долл. годом ранее, Индия — 6924 млн долл. (4083 млн долл. в 2019 г.), Китай — 4814 млн долл. (4218 млн долл. в 2019 г.), ЮАР — 4343 млн долл. (2395 млн долл. в 2019 г.).

Таблица 1

**Распределение кредитов Банка развития БРИКС
по странам-членам и валютам, 2016–2020 гг.
(млн долл. (если не указано иное))**

Страна / года	2016	2017	2018	2019	2020	Итого
Бразилия	300	0	321	900	3325 + 135 (евро)	4846 + 135 (евро)
Россия	100	529	840	800 + 500 (CHF)	500 + 305 (евро)	2769 + 500 (CHF) + 305 (евро)
Индия	600	815	1135	1783	2841	7174
Китай	2525 (юань)	200 + 2000 (юань)	1000 + 6200 (юань)	300 + (8197 юань)	7000 (юань)	1500 + 25922 (юань)
ЮАР	180	0	500	480 + (17350 ZAR)	2000	3160 + (17350 ZAR)
Итого:	1180 + 2525 (юань)	1544 + 2000 (юань)	3796 + 6200 (юань)	4263 + 500 (CHF) + (8197 юань) + (17350 ZAR)	8666 + 440 (евро) + 7000 (юань)	19449 + 440 (евро) + 500 (CHF) + 25922 (юань) + (17350 ZAR)

Источник: отчет о годовой деятельности Банка развития БРИКС за 2020 г.

Основные сектора кредитования Банка развития БРИКС на конец 2020 г. представлены следующими портфельными компонентами: чистая энергетика (3496 млн долл.), экологическая эффективность (900 млн долл.), ирригация, водные ресурсы, санитарный контроль (1891 млн долл.), социальная инфраструктура (1010 млн долл.), транспортная инфраструктура (5736 млн долл.), развитие городов (3466 млн долл.), борьба с эпидемией COVID-19 (6070 млрд долл.), цифровая инфраструктура (300 млн долл.). На прочие сектора финансирования пришлось 1566 млн долл.

Программы заимствования Банка развития БРИКС на международных рынках включают эмиссию облигаций на сумму 50 млрд долл. в декабре 2019 г. и 8 млрд долл. в апреле 2019 г. На внутренних рынках стран БРИКС можно выделить три программы займов Банка развития, а именно: 10 млрд рандов в апреле 2019 г., 100 млрд руб. в ноябре 2019 г., 20 млрд юаней в октябре 2020 г.

Каждая страна-член форума БРИКС располагает 100 тыс. акций капитала Банка развития, что предполагает распределение уставного капитала на пять равных частей по 10 млрд долл. на каждую страну. В соответствии с этим каждая

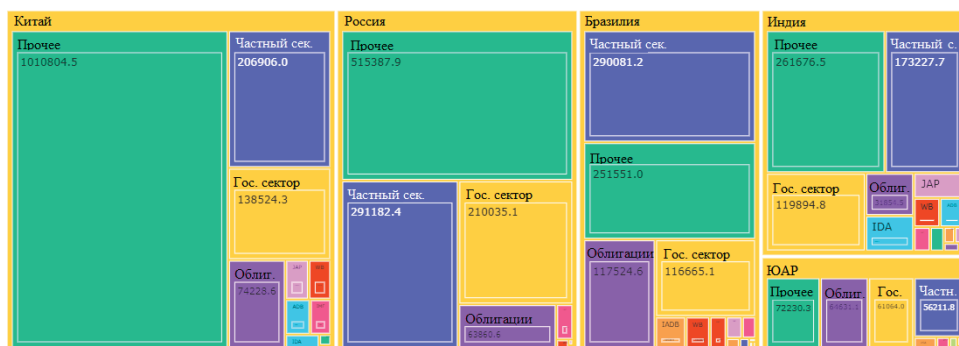
страна БРИКС может претендовать на совокупную величину годового кредитования в сумме 8 млрд долл.

В 2021 г. деятельность Банка развития БРИКС включала в частности: кредитный договор с Бразилией на сумму 1 млрд долл. на борьбу с COVID-19, 646 млн долл. в виде кредита Индии для финансирования строительства и ремонта автодорог, мостов и улучшения путей сообщения между селами и городами в штате Андхра-Прадеш, 300 млн долл. и 100 млн евро в виде кредитов выдано России в рамках проектов финансирования мобильных телесистем и облачных мощностей, а также систем морской навигации грузовых судов, Китай получил кредит на сумму 7 млрд юаней для финансирования программ по борьбе с эпидемией.

Тем не менее, несмотря на декларируемые активные формы участия капитала Банка развития БРИКС в странах-членах, его деятельность в целом достаточно мала по сравнению с другими источниками финансирования, к которым прибегают страны БРИКС для развития. В частности, если обратиться к анализу структуры внешнего долга стран БРИКС за последние 10 лет, то по разработанной авторами исследования карте долгов видно, что, прежде всего, этот показатель существенно вырос. Так, совокупный долг Китая, который в 2012 г. составлял 1,15 трлн долл., к 2020 г. превысил 2,35 трлн, что представляет собой более чем двукратное увеличение (сравнение: Рис. 2 и Рис. 3). Бразилия в 2012 г. была должна остальному миру 440,5 млрд долл., Россия – 591,8, Индия – 392,6, ЮАР – 147,9, и почти на десять следующих лет в этих величинах произошли следующие изменения: выросли долги Бразилии – до 550,0 млрд долл., Индии – 564,2, ЮАР – 170,7. Только долг России сократился и к концу 2020 г. составил 475,5 млрд долл. Следует отметить, что в структуре внешнего долга стран БРИКС Бреттон-Вудские институты, региональные банки развития, Банк развития БРИКС, прочие международные финансовые институты занимали как в 2012, так и в 2020 г. достаточно малую долю. В Бразилии в 2020 г. на них приходилось 7,4% внешнего долга, в России – 2,5, Китае – 2,1. Наиболее существенную роль они играют в ЮАР с долей в 9,0% и Индии – 12,8. Самую большую роль Банк развития БРИКС играет в ЮАР, где на его долю приходилось 2,5% всего внешнего долга в 2020 г. В Бразилии, России и Индии кредиты этого банка составляли в тот же период около 1%, в Китае – 0,2. Согласно построенной карте внешнего долга стран БРИКС, в основном они сотрудничают с частными международными кредиторами, т.е. ведущими частными коммерческими банками, как правило, развитых стран. Частный внешний долг Бразилии в 2020 г. был равен 51,1%, России – 41,5, Индии – 46,5, Китая – 29,3, ЮАР – 21,5. Важно отметить, что за последние 10 лет страны БРИКС стали более осторожно относиться к накоплению внешнего долга по отношению к частным организациям. В частности, существенно снизилось их участие в формировании внешнего долга Бразилии – с 65,8% в 2012 г., России – с 49,2 и ЮАР –

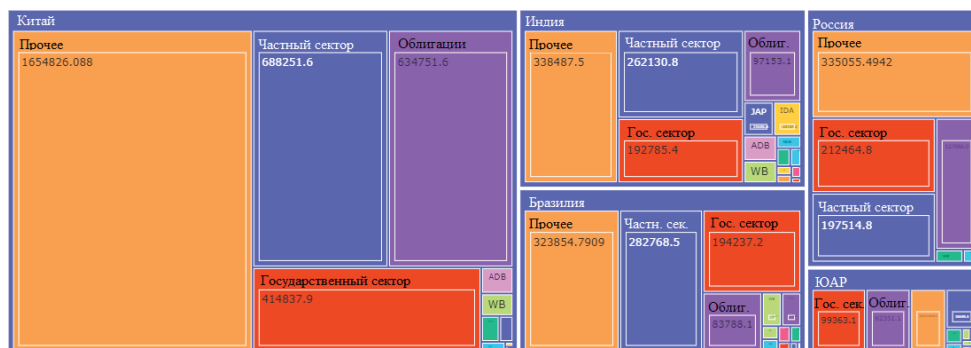

с 38,0. В Китае и Индии, наоборот, произошло увеличение этих показателей с 18,0 и 44,1%, соответственно (сравнение Рис. 2 и 3).

Рис. 2. Внешний долг стран БРИКС в 2012 г.

Источник: Международный валютный фонд, Всемирный банк.

Рис. 3. Внешний долг стран БРИКС в 2020 г.

Источник: Международный валютный фонд, Всемирный банк.

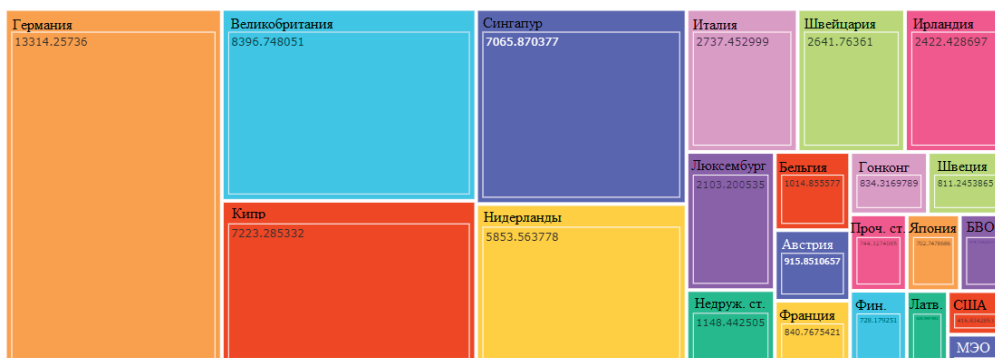
Отдельный анализ структуры российских внешних долгов перед нефинансовыми организациями в страновом разрезе имеет особую актуальность в связи с разделением стран-кредиторов на дружественные и недружественные (Рис. 4 и 5).

В соответствии с построенной картой внешнего долга России перед официальными кредиторами (Рис. 4), в 2020 г. на недружественные страны приходилось свыше 92% из 133,3 млрд долл. В 2021 г. на них уже приходилось свыше 97%. При этом уменьшился объем общего долга этим организациям до 61,3 млрд долл. Вышел из состава кредиторов Китай, на который еще в 2020 г. приходилось 2,5% всего внешнего долга России перед нефинансовыми организациями (Рис. 5). Остальные доли внешнего долга России представлены рядом дружественных и недружественных стран.

Рис. 4. Внешний долг России перед нефинансовыми организациями, (2020 г., млн долл.)

Источник: Банк России.

Рис. 5. Внешний долг России перед нефинансовыми организациями (2021 г., млн долл.)

Источник: Банк России.

На конец 2020 г. накопленный объем внешних среднесрочных и долгосрочных кредитов странам мира со стороны России составил почти 27,3 млрд долл. По этому показателю Россия стоит в ряду ведущих мировых кредиторов. Россия опережает по объемам кредитов зарубежным странам Саудовскую Аравию (18,4 млрд долл.), Великобританию (25,3 млрд долл.), Италию (6,5 млрд долл.), Индию (9,3 млрд долл.), Бразилию (1,8 млрд долл.), Канаду (2,7 млрд долл.) и Австралию (1,9 млрд долл.). Доля России на мировом рынке средне- и долгосрочного кредита в 2020 г. составляла 0,3%. Соответствующие показатели для Китая – 1,9%, Японии – 1,4, Франции – 0,5, США – 0,4. Доли международных финансовых институтов пока в совокупности опережают показатели стран БРИКС. Так, доля МВФ была равна в этот период 2,6% от мирового кредита суверенным государствам, МБРР – 2,3, МАР – 2,0. Доля стран БРИКС в целом оценивается в 2,4%.

Основными должниками России по международному кредиту являются Белоруссия (30,5%), Бангладеш (12,2), Венесуэла (11,7), Индия (10,9), Вьетнам (5,4), Афганистан (4,3), Йемен (4,2), Сербия (3,1), Сомали (2,8), Египет (1,9), Сирия (1,9), Камбоджа (1,7), Армения (1,3), Лаос (1,1). Из 122 развивающихся стран мира по классификации МВФ и Всемирного банка должниками России являются 34 суверенных государства. В условиях ареста финансовых активов России за рубежом возникает вопрос о возможности возврата этого международного кредита, который, как правило, выражен в твердой, свободно конвертируемой валюте. Однако многие из стран-должников России относятся, прежде всего, к дружественным странам, поддержка и голос которых необходимы России в новых условиях геополитической напряженности. Кроме того, эти страны испытывают большие экономические и финансовые проблемы, (например, Венесуэла, Афганистан, Йемен, Египет, Сирия и др.), следовательно, возврат кредитов России для них может означать усугубление текущей ситуации. С позиции проведенного исследования, нецелесообразно в настоящее время разрушать сложившуюся систему долговых отношений России и упомянутых 34 стран. Напротив, необходимо использовать эту систему как основу создания новой международной платежной системы с собственной учетной единицей, платежно-расчетной инфраструктурой для углубления, укрепления валютно-финансовых, торговых, экспортно-импортных отношений, логистической системы движения товаров и услуг, взаимодействия коммерческих банков по счетам за покупку и продажу продукции, которая проходит по экспорту и импорту со стороны России, наконец, с целью обеспечения функционирования механизма расчетов в национальных валютах или в новой международной единице счета.

Литература

1. *Ермакова С.* Путин объявил о дефолте США и ЕС перед Россией / С. Ермакова. URL: <https://lenta.ru/news/2022/03/16/zvrdefault/> (дата обращения: 28.06.2022).
2. *Чэнь Сяо, Сазонов С.Л.* Азиатский банк инфраструктурных инвестиций как основа сотрудничества Большой Евразии-2030 / Сяо Чэнь, С. Л. Сазонов // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2018. № 1. С. 355–359.
3. *Кузнецов А.В.* Россия и финансовый мир: на пороге системных трансформаций // Проблемы постсоветского пространства. 2020. № 7(2). С. 190–207.
4. IMF Executive Board Concludes 2020 Article IV Consultation with the Russian Federation. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2021/02/08/pr2136-russia-imf-executive-board-concludes-2020-article-iv-consultation> (дата обращения: 28.06.2022).
5. *Иняхина А.* Как ударят санкции по российской медицине. URL: <https://spb.mk.ru/social/2022/03/04/kak-udaryat-sankcii-po-rossiyskoj-medicine.html> (дата обращения: 28.06.2022).
6. В ГД оценили возможные последствия в случае проведения референдумов в ЛНР и ДНР. URL: <https://iz.ru/1311248/2022-03-27/v-gd-otcenili-vozmozhnye-posledstviia-v-sluchae-provedeniia-referendumov-v-lnr-i-dnr> (дата обращения: 28.03.2022).
7. *Гордиенко Д.В.* Торговая война и санкционная борьба США и КНР // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2021. № 1. С. 66–88.

8. «Не старший брат»: Лавров оценил отношения с Китаем. Газета.ру: URL: https://www.gazeta.ru/politics/2019/09/05_a_12627457.shtml (дата обращения: 29.06.2022).
9. AIB-Amundi Climate Change Investment Framework. URL: <https://www.aiib.org/en/policies-strategies/framework-agreements/climate-change-investment-framework/index.html> (дата обращения: 28.06.2022).
10. *Fogliano de Souza F.A.* Sustainable finance and investment: Review and research agenda / A.F. Fogliano de Souza, E. Meira, R. J. Orsato // *Business Strategy and Environment*. 2021. № 8. Vol.30. С. 3821–3838.
11. *Мурсалиев А.О.* ЕАЭС и ОПОП – как супердержавам евразии взаимодействовать в рамках интеграционных проектов // *Legal Concept*. 2021. № 4. 20. С. 24–33.
12. *Dunford M.* China’s Belt and Road Initiative and its Implications for Global Development // *Acta Via Serica*. 2021. № 1. Vol. 6. С. 91–118.
13. Ли Кэцян предложил использовать региональные механизмы для повышения готовности к кризису. СИНЬХУА Новости: URL: http://russian.news.cn/2020-04/14/c_138975862.htm (дата обращения: 29.03.2022).
14. *Galea S.* COVID-19 Pandemic, Unemployment, and Civil Unrest Underlying Deep Racial and Socioeconomic Divides / S. Galea, S. M. Abdalla // *JAMA*. 2020. № 324(3). С. 227–228.

Mikhail Zharikov (e-mail: michaelzharikoff@gmail.com)

Grand Ph.D. in Economics, Professor, World Finance Department, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

MULTILATERAL FINANCIAL INSTITUTIONS OF THE BRICS MEMBER COUNTRIES IN THE CONTEXT OF NEW ANTI-RUSSIAN SANCTIONS

The topic is of current interest due to extended economic and financial sanctions against Russia. The research takes its root in a standpoint that multilateral financial and economic institutions established on the basis of the BRICS’ agreements may become alternative sources of capital and finance in case of a full blockade of Russia as part of the world financial system. The practical significance of the research’s results sits in the development of approaches to forming a strategy for Russia in relations with multilateral financial institutions of the BRICS to support and finance selected fields of her economic activity under harsh economic conditions based on a targeted model of dealing with friendly and unfriendly countries. The article contains proposals and recommendations about potential adjustment of the Russian foreign economic strategy until 2025.

Keywords: BRICS, friendly economies, unfriendly economies, multilateral financial and economic institutions of the BRICS, world system of currencies and finance, anti-Russian sanctions, an economy as a citadel, economic autarchy.

DOI: 10.31857/S020736760021507-6

© 2022

Валерия Сильягина

студентка кафедры экономики

Уральского университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

(г. Екатеринбург, Россия)

(e-mail: silera19@mail.ru)

Денис Гилёв

доцент кафедры экономики

Уральского университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

(г. Екатеринбург, Россия)

(e-mail: deni-gilev@narod.ru)

**ОЦЕНКА ФАКТОРОВ УСТОЙЧИВОСТИ КРЕДИТНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ НА ОСНОВЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ
АНАЛИЗА**

Исследование проводилось с целью выявления факторов, оказывающих влияние на увеличение вероятности и построение прогнозной модели отзыва лицензии кредитной организации со стороны регулятора. В исследовании использовались основные приемы описательной статистики, то есть первичной обработки эмпирических данных, их систематизации и наглядного представления, кластерного анализа данных, построения логистической регрессии, probit-модели и «алгоритма случайного леса», а также прогнозирование на основе данных моделей, использование метода комитетов трех имеющихся моделей.

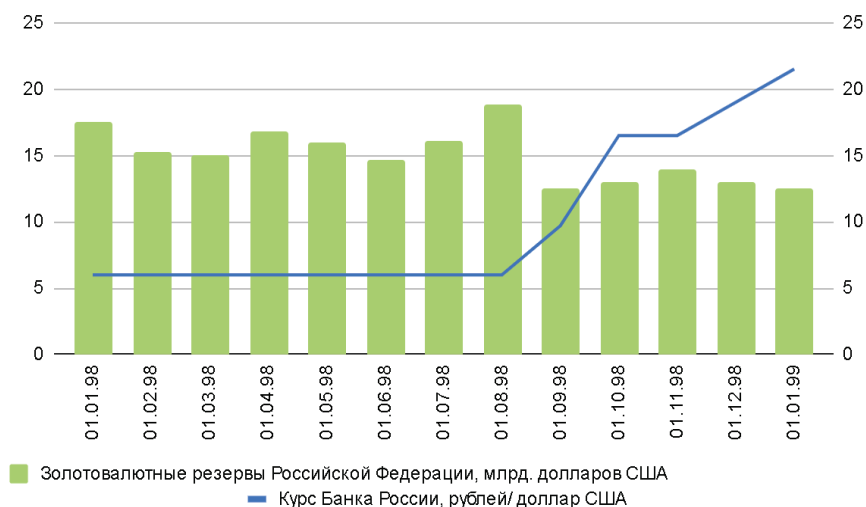
Ключевые слова: вероятность отзыва лицензии, кредитные организации, прогнозирование, logit-модель, «алгоритм случайного леса», метод комитетов.

DOI: 10.31857/S020736760021495-3

Коммерческие, или частные, банки составляют основу банковской системы Российской Федерации и предопределяют существование рыночной экономики. Создание первых коммерческих банков в 1988 году заложило основу современной экономической системы. За первый год было образовано 24 банка, а к началу 1991 года насчитывалось 869 кредитных учреждений. В целом, банковская система претерпевала значительные изменения в конце XX века, в частности, непостоянной была численность кредитных организаций. С 1988 года число банков постоянно увеличивалось, к 1994 насчитывалось 2019 банков, рост продолжался до кризиса 1998 года. В целом за весь кризисный год было зарегистрировано 9 кредитных организаций, однако общее число банков сократилось с 2552 до 2481, а действующих – с 1697 до 1476. Количество филиалов сократилось на 30% [1].

Финансово-экономический кризис 1998 года значительно повлиял на количество коммерческих банков – свою деятельность прекратили кредитные учреждения, на которые приходилось около половины кредитных операций, вместе

с этим сократился банковский капитал (образовался дефицит) и реальная величина активов, что привело к ухудшению положения клиентов. В этот период увеличились объемы просроченных платежей по кредитам, в целом сократился кредитный портфель банков, в результате чего кредитные учреждения были подвержены колоссальным рискам. К середине года ухудшилось положение банковской системы с точки зрения ликвидности активов. Значительно сократились золотовалютные резервы (динамика представлена на Рис.1), которые какое-то время были направлены на поддержание курса рубля. Однако, с 1 сентября 1998 года Центральный банк отказался от такой политики, и курс рубля стал плавающим.

Рис. 1. Официальный валютный курс и золотовалютные резервы Российской Федерации

Источник: составлено авторами.

Значительное ухудшение банковской системы в 1998 году произошло не только из-за мирового кризиса, но и из-за множества внутренних проблем:

- низкий уровень размера совокупного капитала банковской системы;
- малая доля внутренних источников ресурсов и зависимость от внешних привлеченных средств;
- зависимость стабильности банков от внешних факторов на финансовых рынках;
- сильная зависимость качества активов банков от состояния государственных финансов;
- слабый менеджмент;
- отсутствие достаточной законодательной базы и рычагов регулирования.

В 2008 году мировую экономику поразил новый финансовый кризис, последствия которого Россия ощутила не сразу. Однако, они были неизбежны из-

за существующих проблем: рост банковских операций в итоге привел к увеличению рисков. Из-за частичного прекращения сотрудничества с внешними рынками, банки потеряли внешние источники привлеченных ресурсов, возник новый кризис доверия межбанковского кредитования, произошло снижение ликвидности активов, отток вкладов населения, снижение кредитования, ухудшение качества кредитных портфелей банков [2].

В 2017 году продолжилась политика ЦБ по “зачистке”: за год было отозвано более 60 лицензий. На фоне прекращения деятельности частных кредитных организаций банковский сектор стал более “государственным”: на конец 2017 года примерно две трети активов банковского сектора находились под контролем государства. Такая политика продолжилась и в 2018–2019 годах.

2019 год – последний год перед затяжными проблемами не только в экономике России, но и всего мира. Пандемия коронавируса поставила под удар все предшествующее развитие, изменив вектор всей экономики. Хорошо себя чувствовали в этот период те отрасли, в которых наблюдался высокий уровень цифровизации.

В банковском секторе частично продолжались прежние тенденции, частично возникали совершенно новые. Можно выделить следующие ключевые направления развития:

- поиск новых потенциально более высокодоходных инструментов;
- снижение доли срочных депозитов;
- отток денежных средств с вкладов и перевод их в наличные деньги, и как следствие – переход от профицита ликвидности к дефициту;
- рост кредитования.

Эти тенденции сформировались в результате проведения мягкой денежно-кредитной политики, однако начало 2021 года было встречено повышением ключевой ставки и курсом на возвращение к нейтральной денежно-кредитной политике (2022 год здесь не рассматривается, так как данные по нему ещё отсутствуют).

Исследование стабильности банковских учреждений во многом сопровождается использованием математических методов, так и методов машинного обучения. Например, использование алгоритмов деревьев решений рассматривается в качестве способа классификации методов, а устойчивость кредитных учреждений можно классифицировать на группы соответственно уровню стабильности.

Практическая значимость такого исследования заключается в возможности своевременного (хотя бы за 1 год) выявления кредитных организаций, подверженных риску отзыва лицензий, в результате чего могут быть своевременно приняты меры по обеспечению стабильности функционирования банковского сектора Российской Федерации [3].

Со временем происходит совершенствование методов исследования банковской стабильности. Авторами Jenny V. Domashovoy, Andrem A. Gultiaevim в 2021 году изучались различные алгоритмы машинного обучения в целях прогнозирования отзыва лицензии в банковском секторе Российской Федерации.

В частности, авторы использовали множество подходов, включая логистическую регрессию и «алгоритм случайного леса», однако они разделяют методы и выбирают наиболее результативный [4]. На основе изученной литературы [5, 6, 7] и существующих представлений о главных финансовых показателях деятельности [8] и их применимости в тех или иных моделях [9], в качестве переменных были выбраны основные показатели деятельности кредитных учреждений, характеристики которых представлены в табл. 1.

Исследуемая база данных состоит из показателей деятельности кредитных учреждений за 2016–2017 гг. и последующего решения со стороны Центрального Банка об отзыве лицензий в следующем после изучаемого периода году, то есть за 2017 и 2018 годы соответственно. 2018 год рассматривается как прогнозный. Таким образом, рассматриваются модели на основе отзывов лицензий в 2017–2018 годах, прогноз строится для отзывов 2019 года.

Таблица 1

Исследуемые переменные

Название переменных	Формула нахождения
Объясняемая переменная	
Отзыв лицензии.	0 – продолжение деятельности. 1 – отзыв лицензии.
Объясняющие переменные	
Возраст.	Логарифм (Текущий год – Год создания).
Размер.	Логарифм (Чистые активы).
Кредитная политика.	Кредитный портфель текущего периода / Кредитный портфель предыдущего периода.
Уровень просроченной задолженности в кредитном портфеле.	Объем просроченной задолженности / Кредитный портфель.
Рентабельность капитала.	Прибыль / Собственный капитал.
Рентабельность активов.	Прибыль / Средняя величина активов.
Норматив достаточности капитала Н1.	Капитал / (Активы, взвешенные с учетом риска + Сумма рисков – Сумма резервов).
Норматив текущей ликвидности Н2.	Высоколиквидные активы / (Обязательства по счетам до востребования – Минимальный остаток по счетам до востребования).
Норматив мгновенной ликвидности Н3.	Ликвидные активы со сроком 30 дней / (Обязательства по счетам до востребования со сроком 30 дней – Минимальный остаток по счетам до востребования со сроком 30 дней).
Уровень резервов.	Обязательные резервы в Центральном Банке / Чистые активы.
Чистая процентная маржа.	(Процентные доходы – Процентные расходы) / Активы.
Оборот.	Валютный оборот / Чистые активы.

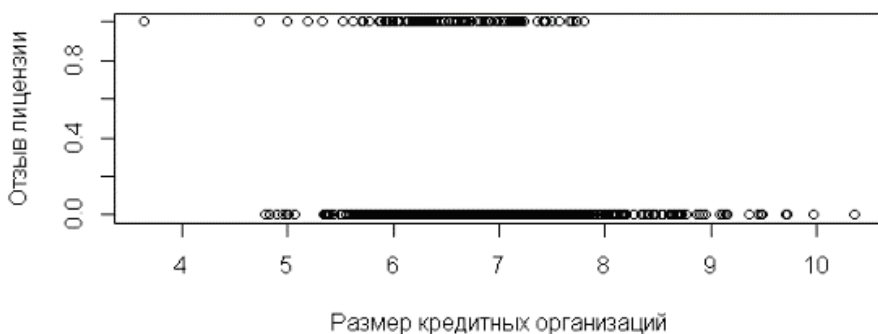
Источник: составлено авторами.

Данный промежуток обусловлен доступностью данных и внешними факторами, такими как начало пандемии в 2020 году и приостановление политики по «зачистке» банковского сектора. Однако на сегодняшний день политика ЦБ получила «новое дыхание» [10], что не уменьшает актуальность исследуемой темы. Исходя из имеющихся в общем доступе данных, была собрана выборка, состоящая из 838 объектов, представленных кредитными организациями, среди которых 105 кредитных организаций с отзыванной в изучаемый период лицензией.

Стоит отметить, что крупнейшие кредитные организации даже после логарифмирования значения их чистых активов значительно отличаются от основной массы кредитных учреждений, поэтому они были удалены из основной выборки как выбросы. Общая зависимость размера кредитных организаций и отзыва лицензий представлена на Рис. 2.

Таким образом, визуально можно определить следующую связь: чем крупнее кредитная организация, то есть чем выше показатель чистых активов, тем ниже вероятность отзыва лицензии. Среднее значение по всей выборке составило 6,5 миллиардов рублей. Медианный показатель ниже среднего, что говорит о преобладании кредитных организаций с чистыми активами ниже среднего.

Рис. 2. Взаимосвязь размера кредитной организации и отзыва лицензии

Источник: составлено авторами.

Для исследования сначала было решено применить Logit-модель. Это статистическая модель, объясняющая некую бинарную переменную, принимающую значения 0 и 1, чаще всего представляя собой наступление при 1 и не наступление при 0 какого-либо события. Логистическая модель применяется в различных сферах деятельности, в которых необходимо оценить вероятность наступления какого-либо события, например, в маркетинговых исследованиях, в банковском скоринге, социологии, медицине.

Вероятность наступления события определяется параметрами y_i^* , где вероятность события – переменная y_i , принимающая значения согласно формуле 1:

$$y_i = \begin{cases} 1, & y_i^* \geq 0 \\ 0, & y_i^* < 0 \end{cases} \quad (1)$$

Модель строится для скрытой переменной y_i^* , вид которой имеет формула 2:

$$y_i^* = \beta_1 + \beta_2 x_i + \varepsilon_i \quad (2)$$

То есть вероятность наступления события равна единице, если скрытая переменная больше либо равна нулю, и равна нулю, если скрытая переменная строго меньше нуля.

Особенность логистической модели и отличие ее от, например, пробит-модели заключается в спецификации случайной составляющей ε_i . Для логит-модели случайная составляющая имеет логистическое распределение, представленное в формуле 3:

$$\varepsilon_i \sim \text{logistic}, f(t) = \frac{e^{-t}}{(1 + e^{-t})^2} \quad (3)$$

Вероятность того, что $y_i = 1$ выражается формулой 4:

$$(p(y_i = 1)) = F(\beta_1 + \beta_2 x_i) = \frac{e^{\beta_1 + \beta_2 x_i}}{1 + e^{\beta_1 + \beta_2 x_i}} \quad (4)$$

Логарифмическое отношение шансов выражается формулой 5:

$$\frac{\ln p(y_i = 1)}{p(y_i = 0)} = \ln e^{\beta_1 + \beta_2 x_i} = \beta_1 + \beta_2 x_i \quad (5)$$

Для оценивания логистической модели используется метод максимального правдоподобия.

После исключения коррелирующей переменной была составлена логит-модель с 12 переменными: возраст и размер кредитной организации, кредитная политика, уровень просроченной задолженности, рентабельность активов, норматив достаточности капитала, норматив текущей ликвидности, норматив мгновенной ликвидности, уровень резервов в Центральном Банке, чистая процентная маржа и валютный оборот к чистым активам. Значимыми оказались 4 переменные: рентабельность активов, норматив достаточности капитала, размер кредитной организации и кредитная политика. При этом размер и Н1 значимы на 0,1% уровне значимости, а рентабельность активов и кредитная политика на 1% уровне значимости.

Далее исключаем незначимые переменные и строим модель с использованием оставшихся 4 показателей. В табл. 2 представлены коэффициенты получившейся модели (для скрытой переменной).

Таблица 2

Коэффициенты логит-модели

Переменная	Коэффициенты	Std. Error	z value	Pr (> z)
Константа.	18,5983***	4,0364	4,608	0,000
Рентабельность активов.	-0,9199***	0,1753	-5,247	0,000
Норматив достаточности капитала.	-0,1362***	0,0206	-6,624	0,000
Размер.	-2,874***	0,5920	-4,855	0,000
Кредитная политика.	4,1738***	0,9655	4,323	0,000

*** p-value < 0,01

Источник: составлено авторами.

Все показатели значимы более чем на 0,1% уровне значимости. При прочих равных условиях, при увеличении рентабельности капитала на единицу вероятность отзыва лицензии уменьшается в $e^{-0,919} = 0,399$ раз.

Рост показателя рентабельности активов – положительная динамика для организации, которая означает повышение эффективности использования активов кредитной организации, так как увеличение рентабельности активов говорит об увеличении прибыли, приходящийся на единицу активов.

При прочих равных условиях, при увеличении норматива достаточности капитала на 1 процентный пункт, вероятность отзыва лицензии уменьшается в 0,87 раз. Н1 – один из важнейших показателей деятельности в банковском секторе. Установлено минимальное пороговое значение показателя в 8%: его нарушение грозит кредитной организации приостановлением деятельности, поэтому увеличение данного показателя – положительная динамика для учреждения.

При прочих равных условиях, при увеличении размера кредитной организации на 1 условную единицу (что составляет увеличение чистых активов на 10 000 рублей), вероятность отзыва лицензии уменьшается в 0,06 раз. Увеличение активов банка происходит в результате проведения активных финансовых операций, а показателем становится полученная прибыль, отдача от вложений.

При прочих равных условиях, при увеличении роста кредитования на 1 процентный пункт, вероятность отзыва лицензии увеличивается в 1,04 раза. В первую очередь увеличение объема кредитного портфеля может повышать риски просроченной задолженности в будущих периодах, что снижает устойчивость кредитных организаций.

Полученная модель имеет вид формулы 6:

$$p(z) = \frac{1}{1 + e^{-z}}, \quad (6)$$

где z – это скрытая переменная, имеющая вид формулы 7:

$$z = 18,6 - 0,9x_1 - 0,1x_2 - 2,8x_3 + 4,1x_4, \quad (7)$$

где x_1 – рентабельность активов;

x_2 – норматив достаточности капитала;

x_3 – размер кредитной организации;

x_4 – кредитная политика.

Проверим полученную модель на правильность определения отзыва лицензии, для этого построим прогноз на тех же данных, используя функционал среды RStudio [11]. Результаты представлены в таблице 4, которая содержит процент правильно предсказанных значений объясняемой переменной. Вероятность отзыва лицензии считается высокой, если значение превышает 0,5, тогда считается, что переменная «отзыв лицензии» принимает значение 1. Кроме верных прогнозов, также рассчитаны ошибки первого и второго рода. Ошибка первого рода – это процент неверных предсказаний, когда кредитная организация, получившая отзыв лицензии, согласно результатам модели продолжает свою деятельность. Ошибка второго рода – модель прогнозирует отзыв лицензии, хотя на самом деле он не произошел.

В целом, модель верно определяет кредитные организации, продолжившие свою деятельность на 99,18% и получившие отзыв лицензии на 78,48%.

Ошибка второго рода минимальна, то есть модель почти не причисляет кредитные организации, продолжившие деятельность, к тем, чью лицензию отозвали (менее 1%). Однако, ошибка первого рода высока и составляет более 20%.

Таблица 3

Прогноз на базовых данных

Факт / Прогноз	Продолжение деятельности	Отзыв лицензии
Продолжение деятельности.	604 – 99,18%	3 – 0,81% (ошибка II рода)
Отзыв лицензии.	17 – 21,52% (ошибка I рода)	62 – 78,48%

Источник: составлено авторами.

Так как между логит- и пробит-моделями все-таки есть различия, построим пробит-модель и сравним полученные результаты.

Смысл пробит-моделей аналогичен смыслу логит-моделей, отличие заключается в том, что для описания вероятности наступления события используется

не функция логистического распределения, а функция стандартного нормального распределения, выраженная формулой 8.

$$p(Y_i = 1) = \Phi(z_i) = \Phi(\beta_1 + \beta_2 x_i^{(2)} + \dots + \beta_k x_i^{(k)}), \quad (8)$$

где z_i – функция стандартного нормального распределения, выраженная формулой 9:

$$z_i = \beta_1 + \beta_2 x_i^{(2)} + \dots + \beta_k x_i^{(k)} \quad (9)$$

В пробит-модели аналогично логит-модели проводится оценка качества модели и коэффициентов, тестирование гипотез и осуществляется прогноз на тестовой выборке.

Схожесть двух моделей обуславливается тем, что логистическая функция и функция стандартного нормального распределения ведут себя практически одинаково для значений, близких к нулю.

Коэффициенты построенной пробит-модели представлены в табл. 4.

Таблица 4

Коэффициенты пробит-модели

Переменные	Коэффициенты	Std. Error	z value	Pr (> z)
Константа.	9,588***	1,88	5,100	0,000
Норматив достаточности капитала.	-0,063***	0,009	-6,845	0,000
Размер.	-1,551***	0,279	-5,566	0,000
Кредитная политика.	2,213***	0,439	5,043	0,000
Рентабельность активов.	-0,336***	0,065	-5,158	0,000

*** p-value < 0,01

Источник: составлено авторами.

Все переменные значимы на уровне значимости более чем 0,1%, а направление коэффициентов аналогично логистической регрессии. Пробит-модель не позволяет понятно интерпретировать коэффициенты, поэтому обратимся к первоначальной выборке и построим по ней прогнозы, используя функционал среды RStudio (результаты представлены в табл. 5).

Таблица 5

Прогноз на базовых данных

Факт / Прогноз	Продолжение деятельности	Отзыв лицензии
Продолжение деятельности.	604 – 99,18%	3 – 0,81% (ошибка II рода)
Отзыв лицензии.	22 – 27,85% (ошибка I рода)	57 – 72,15%

Источник: составлено авторами.

Ошибка второго рода минимальна, то есть модель практически не причисляет кредитные организации, продолжившие деятельность, к тем, чью лицензию отозвали. Однако ошибка первого рода высока и составляет почти 30%.

«Алгоритм случайного леса» или *random forest algorithm* – алгоритм машинного обучения, который, по сути, считается универсальным, так как используется для большого числа задач: классификации, кластеризации, прогнозирования, поиска аномалий и выбросов, отбора признаков. Суть метода заключается в использовании ансамбля решающих деревьев, каждое из которых дает невысокое качество в отдельности, но использование большого их количества улучшает результаты.

В качестве обучающей выборки используем те же данные, что и в логит- и пробит-моделях, а тестируем на данных 2018 года. Особенность алгоритма заключается в невозможности узнать, как именно он работает с данными. На выходе, используя функционал среды RStudio, получаем только результаты правильности определения отзыва лицензии, представленные в табл. 6.

Таблица 6

Прогноз базовых данных

Факт / Прогноз	Продолжение деятельности	Отзыв лицензии
Продолжение деятельности.	605 – 99,67%	2 – 0,33% (ошибка II рода)
Отзыв лицензии.	14 – 17,72% (ошибка I рода)	65 – 82,28%

Источник: составлено авторами.

«Алгоритм случайного леса» показывает более качественные результаты на той же выборке, а именно 99,67% кредитных организаций, продолживших деятельность, и 82,28% отозванных лицензий. Ошибка первого рода, то есть неверное определение отозванных лицензий, составила 17,72%, что ниже результатов логит- и пробит-моделей, а ошибка второго рода, то есть неверное определение продолжения деятельности, составила всего 0,33%.

Чтобы проверить качество полученных моделей, используем прогнозные данные по отзывам лицензий за 2019 год. Выборка состоит всего из 199 кредитных организаций. Изначально в 2019 году действовало 484 организации, но выборка уменьшилась из-за отсутствия данных по некоторым из них либо из-за пропусков в переменных.

Результаты прогноза представлены в таблицах 7, 8 и 9.

В целом модель дает хорошие прогнозы, имея высокую степень точности прогнозирования кредитных организаций, получивших отзыв лицензии в 2019 году, а именно 81,25% правильных результатов, ошибка первого рода составила 18,75%, а второго рода – 5,28%. Для данного исследования важнее ошибка первого рода, так как, предсказывая продолжение деятельности тех организаций,

которые на самом деле получают отзыв лицензии, есть риск дать неверные рекомендации для корректирования их деятельности и не предотвратить реальный отзыв лицензии в будущем.

Таблица 7

Прогноз логит-модели

Факт / Прогноз	Продолжение деятельности	Отзыв лицензии
Продолжение деятельности.	177 – 96,72%	6 – 5,28% (ошибка II рода)
Отзыв лицензии.	3 – 18,75% (ошибка I рода)	13 – 81,25%

Источник: составлено авторами.

Таблица 8

Прогноз пробит-модели

Факт / Прогноз	Продолжение деятельности	Отзыв лицензии
Продолжение деятельности.	178 – 97,27%	5 – 2,73% (ошибка II рода)
Отзыв лицензии.	3 – 18,75% (ошибка I рода)	13 – 81,25%

Источник: составлено авторами.

Прогнозы по пробит-модели практически совпадают с прогнозами логистической регрессии по предсказаниям отзыва лицензии, однако в пробит-модели ошибка второго рода меньше и составляет 2,73%.

Таблица 9

Прогноз случайного леса

Факт / Прогноз	Продолжение деятельности	Отзыв лицензии
Продолжение деятельности.	163 – 89,07%	20 – 10,93% (ошибка II рода)
Отзыв лицензии.	3 – 18,75% (ошибка I рода)	13 – 81,25%

Источник: составлено авторами.

По результатам трех моделей верный прогноз отзыва лицензии одинаков, однако «алгоритм случайного леса» дает меньше правильных прогнозов для тех кредитных организаций, которые продолжают свою деятельность в следующем году. При этом на базовой выборке он был наиболее точным. Такие результаты могут говорить о том, что те организации, которые были ошибочно отнесены к категории отзыва лицензии, не испытывают трудности и на самом деле рискуют оказаться в данной категории в следующем году.

«Алгоритм случайного леса» дает аналогичный процент правильных предсказаний отзыва лицензий, однако если обратиться к конкретным кредитным

организациям, получившим отзыв, то можно обнаружить, что «алгоритм случайного леса» и предыдущие методы немного отличаются, предсказывая отзыв не точно таким же учреждениям. Это дает повод использовать совокупность данных методов, а именно – так называемый «метод комитетов».

Используя для более точного определения отзыва лицензии метод комитетов, мы сопоставляем результаты всех трех моделей и вывод об отнесении к категории отозванных строим на «мнении большинства». Так, если две из трех моделей определяют, что кредитная организация получит отзыв лицензии, то считается, что отзыв произойдет. Результаты представлены в табл. 10.

Таблица 10

Прогнозы метода комитетов

Факт / Прогноз	Продолжение деятельности	Отзыв лицензии
Продолжение деятельности.	177 – 96,72%	6 – 5,28% (ошибка II рода)
Отзыв лицензии.	3 – 18,75% (ошибка I рода)	13 – 81,25%

Источник: составлено авторами.

Использование метода комитетов позволяет улучшить прогнозирование кредитных организаций, продолживших свою деятельность в следующем году, однако процент верно предсказанных отзывов остался на прежнем уровне. Это может быть связано, в первую очередь, с недостаточной выборкой, поэтому построим матрицу предсказаний для первоначальной выборки, представленную в табл. 11.

Таблица 11

Прогнозы метода комитетов на изначальную выборку

Факт / Прогноз	Продолжение деятельности	Отзыв лицензии
Продолжение деятельности.	604 – 99,51%	3 – 0,49% (ошибка II рода)
Отзыв лицензии.	13 – 16,46% (ошибка I рода)	66 – 83,54%

Источник: составлено авторами.

Действительно, результаты показывают более высокий процент правильных прогнозов отзыва лицензий на большой выборке. Таким образом, метод комитетов справляется лучше любой из представленных моделей с определением отзыва лицензии у кредитной организации, позволяя более точно отделить две категории учреждений: рискующих получить отзыв лицензии и продолжающих свою деятельность. Менеджерами кредитных учреждений могут использоваться

прогнозные данные о показателях, используемых в качестве объясняющих переменных для долгосрочного планирования, с заходом за рамки текущего и следующего года.

Итак, соединив модели в методе комитетов, мы получили сбалансированный метод прогнозирования отзыва лицензии, минимизировав ошибки первого и второго рода, и, таким образом, снизили процент неверных предсказаний как в отношении тех организаций, что получили отзыв лицензии, так и в отношении тех, что продолжили свою деятельность.

Литература

1. Годовой отчет 1998. Центральный Банк Российской Федерации. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/7815/ar_1998.pdf (дата обращения 10.03.2022).
2. Годовой отчет 2008. Центральный Банк РФ. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/7805/ar_2008.pdf (дата обращения 10.03.2022).
3. *Domashova J., Kulaev M.* (2020). Technology of forecasting potentially unstable credit organizations based on machine learning methods // *Procedia Computer Science*. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2020.02.167>
4. *Domashova J.V., Gultiaev A.A.* (2021). Predicting the revocation of a bank license using machine learning algorithms // *Procedia Computer Science*. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2021.06.021>.
5. *Karminsky A., Kostrov A.* (2014). Comparison of Bank Financial Stability Factors in CIS Countries // *Procedia Computer Science*. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2014.05.326>
6. *Degl'Inncenti M., Fiordelisi F., Trinugroho I.* (2020). Competition and stability in the credit industry: Banking vs. factoring industries // *The British Accounting Review*. <https://doi.org/10.1016/j.bar.2019.03.006>
7. *Guidi F.* (2021). Concentration, competition and financial stability in the South-East Europe banking context // *International Review of Economics & Finance*. <https://doi.org/10.1016/j.iref.2021.07.005>
8. *Barra C., Ruggiero N.* (2021). Do microeconomic and macroeconomic factors influence Italian bank credit risk in different local markets? Evidence from cooperative and non-cooperative banks // *Journal of Economics and Business*. <https://doi.org/10.1016/j.jeconbus.2020.105976>.
9. *Adjei R.* (2017). Explaining banking stability in Sub-Saharan Africa // *Research in International Business and Finance*. <https://doi.org/10.1016/j.ribaf.2017.04.027>
10. Учебники Экономического факультета МГУ. URL: <https://books.econ.msu.ru/Introduction-to-Econometrics/chap10/10.2/> (дата обращения 15.03.2022).
11. Logit и probit модели в R. URL: http://rstudio-pubs-static.s3.amazonaws.com/15965_9fafd2e4f89c4d1e8ba5336df4554497.html (дата обращения 12.04.2022).
12. Финуслуги – финансовый маркетплейс Московской биржи. URL: https://finuslugi.ru/glossariy/prosrochennaya_zadolzhennost (дата обращения 11.05.2022).
13. Официальный сайт Центрального Банка 2022. URL: <http://www.cbr.ru>
14. Федеральная служба государственной статистики. 2022. URL: <http://www.gks.ru>
15. SPARK Database (2022, Mart 5). Retrieved from <http://www.spark-interfax.ru>

Valeria Silnyagina (e-mail: silera19@mail.ru)

student, B.N. Yeltsin Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia)

Denis Gilev (e-mail: deni-gilev@narod.ru)

Associate Professor,

B.N. Yeltsin Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia)

ASSESSING SUSTAINABILITY FACTORS FOR CREDIT INSTITUTIONS BASED ON QUANTITATIVE ANALYSES METHODS

The purpose of the study was to identify factors that increase the likelihood of revocation of a credit institution's license by the regulator and to build a predictive model. The authors used the basic techniques of descriptive statistics, that is, the primary processing of empirical data, their systematization and visual representation, the cluster analysis of data, the building of a logistic regression, probit model and random forest algorithm, as well as forecasting based on these models, using the method of committees of three available models.

Keywords: probability of license revocation, credit organizations, forecasting, logit model, random forest, committee method.

DOI: 10.31857/S020736760021495-3

© 2022

Павел Лимарев

кандидат экономических наук, доцент Департамента менеджмента и инноваций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва, Россия) (e-mail: pvlimarev@fa.ru)

Юлия Лимарева

кандидат педагогических наук, доцент Департамента менеджмента и инноваций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва, Россия) (e-mail: yalimareva@fa.ru)

ОБ ИНСТРУМЕНТАХ ИНФОРМАЦИОННОГО МЕНЕДЖМЕНТА НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

Цель исследования – определить место информационных систем в управлении знаниями промышленного предприятия и определить возможности информационной системы для оптимизации производства. Исследование проводилось с помощью мониторинга деятельности и сбора информации на промышленных предприятиях; использовались методы анализа и синтеза, позволившие определить параметры изучаемого объекта и детально рассмотреть процессы управления на промышленных предприятиях. В статье экономика знаний, или информационная экономика, рассматривается как новый этап развития производственных процессов с привлечением ресурсов информационного сектора, хотя способы использования информационных систем промышленных предприятий не всегда оптимальны. В результате исследования делается вывод, что использование информационных систем в промышленной политике любого предприятия способствует положительным изменениям, повышает его конкурентоспособность, несмотря на связанные с этим затраты.

Ключевые слова: информационный рынок, промышленное предприятие, информационный менеджмент, информационный менеджмент.

DOI: 10.31857/S020736760021496-4

Несмотря на декларируемый большинством цивилизованных стран переход к постиндустриальной экономике, ни одна страна в мире не может отказаться от промышленности. Перемещение производства в локации, представляющие более выгодными, прежде всего в страны Юго-Восточной Азии, при всей своей привлекательности в экономическом плане, делают страну-донор уязвимой, если не с экономической, то с политической точки зрения.

Развитие промышленных предприятий в Российской Федерации опирается на Закон о промышленной политике [1], который, помимо прочего, регламентирует деятельность государственных информационных систем в промышленности (ГИСП). Взаимодействие промышленных предприятий с ГИСП предполагает передачу необходимой информации (статистической, налоговой, финансовой и пр.) соответствующим государственным структурам, в ряде

случаев — доведение необходимой информации от государственных структур до предприятия.

Однако этот обмен неравнозначен (асимметричен), что роднит его с рыночными отношениями, в которых каждый участник обладает излишком информации относительно собственного рыночного положения и недостатком информации относительно своего контрагента. Но, в отличие от рыночных, в отношениях в информационном поле между государством и предприятием всегда доминирует государство [2].

Современные условия диктуют необходимость завершения перехода от ресурсоёмкого производства к информационноёмкому, что особенно актуально для Российской Федерации: политическое и экономическое международное положение страны на сегодняшний день предполагает необходимость рывка в информационных технологиях.

Успешная деятельность предприятия в настоящее время базируется на актуальной и достоверной информации. Предприятие, имеющее возможность получения дополнительной информации, связанной как непосредственно со сферой деятельности, так и с любыми аспектами внешней среды, всегда будет иметь конкурентные преимущества перед прочими. Поэтому управление информацией в деятельности промышленного предприятия становится если не главным, то основным направлением в задачах управления.

Управление информацией в рамках промышленного предприятия представляет собой совокупность методов и средств управления информацией, охватывающей планирование, организацию и контроль информационной деятельности, а также анализ и хранение информации с целью её эффективного использования [3]. Таким образом, каждое предприятие, ориентированное на получение конкурентных преимуществ за счёт оптимального использования информации, должно обладать структурой, позволяющей управлять информацией.

Значительное число промышленных предприятий в России не уделяет должное внимание управлению информацией, ограничиваясь использованием автоматизированных систем учёта — бухгалтерских, налоговых, складских и пр. Однако, эти системы учёта используются практически всеми предприятиями (за исключением «сверхмалых»), поэтому не дают конкурентных преимуществ.

Для получения конкурентных преимуществ необходимо создание полноценной системы информационного менеджмента, которая будет учитывать как внутреннюю, так и внешнюю информацию. Для российских предприятий чаще всего эта структура имеет вид информационной системы АСУП (если предприятие действует на монополистическом или олигополистическом рынке)

или системы на принципах MESA¹ (если предприятие действует в конкурентных условиях) [4], однако эти информационные системы, во-первых, действуют вне рамок информационного менеджмента, являясь инструментом общей системы управления, а во-вторых, далеко не всегда решают задачи, связанные с обработкой, анализом, систематизацией, хранением и повторным использованием имеющейся информации. АСУП предполагает выделение системы в отдельную структуру, но изначально ориентирована на работу с внутренней информацией: возможности АСУП для получения внешней рыночной информации, весьма ограничены. Информационная система на принципах MESA, уделяя значительное внимание рыночному положению предприятия, остаётся утилитарным инструментом в распоряжении лица, принимающего решения, несмотря на то, что обладает достаточным потенциалом для развёртывания на её базе полноценной структуры управления информацией.

Информационный менеджмент на промышленном предприятии должен решать следующие задачи [5]:

- получение информации;
- формирование баз данных;
- систематизация информации;
- анализ информации;
- обеспечение информацией процесса принятия решений (на всех уровнях);
- оптимизация информационных процессов на предприятии.

Результатом деятельности структуры управления информацией будет повышение конкурентоспособности предприятия (Рис. 1).

Основной задачей структуры является получение информации, без которой нечего будет ни анализировать, ни систематизировать, ни оптимизировать.

Получение внутренней, как и той части внешней информации, которая напрямую связана с оборотом выпускаемой продукции (информация от контрагентов), а также официальной информации, поставляемой государственными структурами, затруднений не вызывает и осуществляется в рамках использования существующей на предприятии информационной системы. Значительную часть необходимой внешней информации можно приобрести. Трудность представляет собой получение информации, относящейся к инсайдерской: внутренняя информация конкурентов, информация о предполагаемых биржевых изменениях, о возможных изменениях в законодательстве и пр. Способы получения такой информации почти всегда незаконны, но обладание этой информацией даёт возможность добиться конкурентных преимуществ, поэтому структура, осуществляющая управление информацией, должна иметь возможность купировать последствия с минимальными потерями [6].

---

¹ АСУП (автоматизированная система управления предприятием), в отличие от MESA (*Manufacturing Enterprise Solutions Association*), больше внимания уделяет производственным и обеспечивающим процессам, нежели рыночным.

Рис. 1. Структура управления информацией промышленного предприятия

Источник: составлено авторами.

Создание полноценной структуры управления информацией требует определённых издержек (технические средства, программное обеспечение, администрирование и т.д.), а её использование не даёт немедленных наглядных результатов. Но, с другой стороны, существование такой структуры может быть оправдано упрочением положения предприятия на рынке: повышением рыночной доли, увеличением прибыльности и иными параметрами, принятыми для оценки.

Литература

1. Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. N 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями), статья 14. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70833138/paragraph/134:0> (дата обращения 17.03.2022).

2. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. // Digital Russia. 9.05.2017. URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2017/05/inf_obschestvo.pdf (дата обращения 17.03.2022).
3. Жуковская И.Ф., Паньшин И.В. Исследование актуальных тенденций и факторов развития экономики знаний: национальный и региональный аспекты // Проблемы теории и практики управления. 2021. № 3. С. 29–48.
4. Костров А.В. Основы информационного менеджмента / 2-е изд., перераб. и доп. // М.: Финансы и статистика, 2009. 528 с.
5. Лимарев П.В., Киреева Н.В. Информация как элемент формирования промышленной политики в Российской Федерации // Менеджмент в России и за рубежом. 2020. № 3. С. 41–45.
6. Писарюк С.Н., Сидорова Е.Ю. Информационный менеджмент – технология организации управленческой деятельности / Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского // Экономика и управление. 2019. Т. 5(71). № 4. С. 95–100.
7. Лимарев П.В., Лимарева Ю.А. Характеристика рынка информации, используемой в правоохранительных целях // Научно-техническая информация. Серия 1: Организация и методика информационной работы. 2018. № 4. С. 13–15.

Pavel Limarev (e-mail: pvlimarev@fa.ru)

PhD economic, associated professor in management and innovation department, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Julia Limareva (e-mail: yalimareva@fa.ru)

PhD pedagogic, associated professor in management and innovation department, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

ON THE INFORMATION MANAGEMENT TOOLS USED AT INDUSTRIAL ENTERPRISES

The purpose of the study is to determine the place of information systems in the knowledge management of an industrial enterprise and to determine the capabilities of the information system to optimizing production. The study was carried out using activity monitoring and information collection at industrial enterprises; the methods of analysis and synthesis were used, which made it possible to determine the parameters of the object under study and to scrutinize the management processes industrial enterprises. In the article the knowledge economy, the information economy is discussed as a new stage in the development of production processes involving the resources of the information sector. The ways of using the information systems of industrial enterprises are not always optimal, the latter implying knowledge management among management tools. As a result of the study, it is concluded that the use of information systems in the industrial policy of any enterprise contributes to positive changes, and increases its competitiveness, despite the costs associated with it.

Keywords: information market, industrial enterprise, information management.

© 2022

Александр Бобков

кандидат экономических наук, доцент кафедры предпринимательства и экономической безопасности, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия)
(e-mail: bobkovav@yandex.ru)

Ульяна Меркушева

студентка, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия)
(e-mail: merkusheva_ulya_2000@mail.ru)

ДЕМПФИРОВАНИЕ КЛЮЧЕВЫХ УГРОЗ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

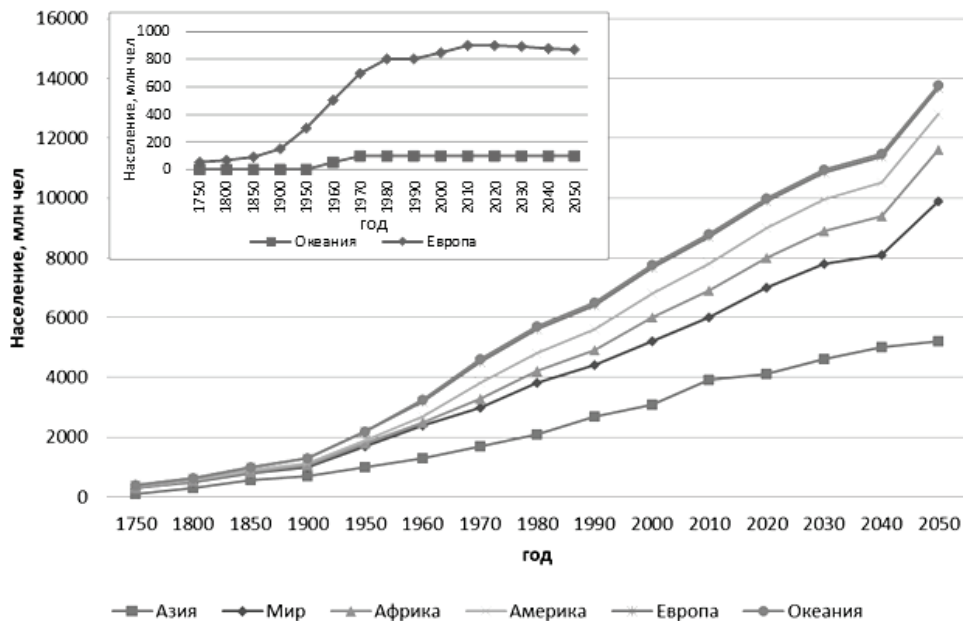
В исследовании обозначена актуальная проблема недостаточного количества производимых продовольственных товаров, взаимосвязанная с продолжающимися темпами роста численности населения планеты и возникновением новых рисков глобальной экономики. Формирование данной динамики демонстрирует серьезную угрозу на сегодняшний день как для конкретных стран, так и для продовольственной безопасности мира в целом. Усиливаются тенденции опережающего роста дефицита продовольствия. В статье оцениваются угрозы как глобальной, так и национальной продовольственной безопасности; исследуются основные системообразующие факторы, определяющие особую актуальность рассматриваемой проблемы. По результатам полученных данных представляются соответствующие выводы и предлагаются меры по нивелированию рисков продовольственной безопасности в условиях быстрорастущего агрессивного влияния хозяйственной деятельности человека на окружающую среду.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, численность населения, сельское хозяйство, рекомендуемые нормы потребления продуктов питания, плодородие почв, импорт сельскохозяйственной продукции, Доктрина продовольственной безопасности, целевые программы, агропромышленный комплекс.

DOI: 10.31857/S020736760021497-5

Достаточность продовольствия в необходимом количестве является одним из основных жизненно важных показателей динамично развивающегося социума. По обеспеченности продуктами питания возможно реально оценить качество жизни и благосостояние населения, что является одним из самых важных индикаторов степени развития любого государства. Постоянной государственной поддержкой пользуются сферы деятельности, которые обеспечивают функционирование агропромышленного комплекса, минимизацию и устранение рисков дефицита продовольствия. Один из факторов напрямую связан со значительным возрастанием численности населения планеты, вследствие чего требуется постоянное увеличение производства продуктов питания (Рис. 1).

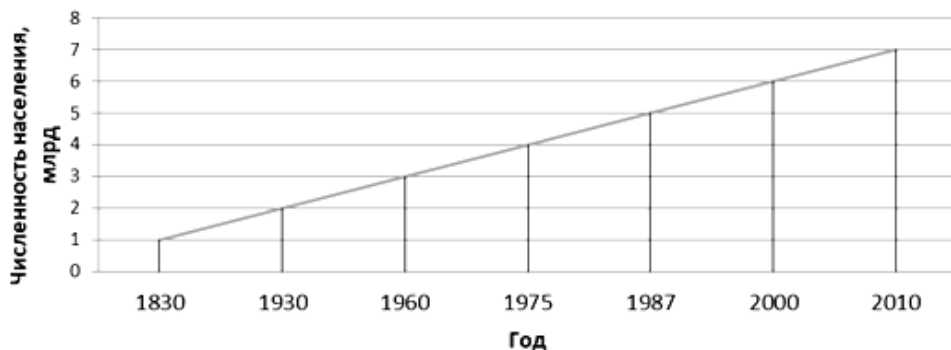

Рис. 1. Численность населения планеты

Источник: Росинфостат. Население земли. URL: <https://rosinfostat.ru/> (дата обращения: 04.04.2022).

Ввиду стабильности факторов, влияющих на постоянный рост населения, в ближайшее время данный тренд не изменится, и человечество неизбежно столкнется с глобальной проблемой – возникновением продовольственного кризиса. К примеру, численность населения в СССР с 1945 по 1976 гг. выросла более чем на 60 млн человек. Быстрый темп роста особенно проявляется в развивающихся странах Африки и Азии: 61% населения планеты приходится на долю Азии (4,7 млрд чел.), 17% – на долю Африки (1,3 млрд чел.) [1].

Организация Объединенных Наций спрогнозировала, что численность населения планеты катастрофически вырастет к 2050 году и будет составлять 9,9 миллиарда человек, что на 190 миллионов больше, чем в предыдущих расчетах. Прогнозируется, что численность населения составит 11,4 млрд человек к 2100 году [2]. Основными факторами, повлиявшими на положительную динамику роста численности населения в Азии стали доступные природные ресурсы и значительная площадь заселенных территорий. Что касается Африки, то там, видимо, сыграла свою роль общая бедность и низкий уровень образования африканского населения: как правило, с подъёмом по социальной лестнице рождаемость уменьшается. И наоборот: повышение материального и образовательного уровня отрицательно влияет на рождаемость. О темпах ускорения роста общей численности населения наглядно свидетельствуют цифры (Рис. 2, Рис. 3, таб. 1).

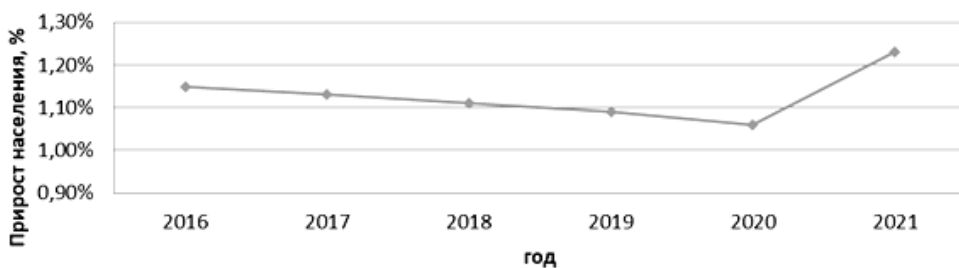
Рис. 2. Темпы роста численности населения (млрд чел.)

Источник: Рейтинги стран и компаний. URL: <https://total-rating.ru/> (дата обращения: 04.04.2022).

Таблица 1

Динамика численности населения 2015–2021, чел.

Год	Число населения (человек)	Прирост (%)
2016	7 423 834 158	1,15%
2017	7 507 990 494	1,13%
2018	7 591 515 998	1,11%
2019	7 674 314 922	1,09%
2020	7 756 041 003	1,06%
2021	7 851 163 856	1,23%

Рис. 3. Прирост населения 2016–2021 гг. (%)

Источник: Финансы и статистика. URL: <https://rusind.ru/> (дата обращения: 04.04.2022)

На сегодняшний день населению планеты недостаточно производимого объема продовольственных товаров; кроме того, не весь объем потребляемых продуктов питания способен в полной мере обеспечить сбалансированный, физиологически оптимальный рацион. Для развитых стран риск продовольственного кризиса минимален, потому что тамошнее воспроизводство населения относится к современному типу (I), которому соответствуют низкие

показатели рождаемости и, следовательно, низкий естественный прирост (табл. 2). Численность в экономически развитых странах стабилизировалась за счет уменьшения доли детей и лиц трудоспособного возраста и увеличения доли и общего количества пенсионеров в связи с высокой продолжительностью жизни.

Таблица 2

**Страны с населением, удельный вес которого занимает
больше 1% от численности людей на земле**

Страна	Население (тыс. чел.)	Удельный вес (% от общего количества людей в мире)
Китай	1407894,0	17,9
Индия	1383546,0	17,6
США	327164,4	4,2
Индонезия	266911,9	3,4
Исламская республика Пакистан	220093,6	2,8
Федеративная республика Бразилия	212484,9	2,7
Нигерия	210658,6	2,7
Народная республика Бангладеш	172003,9	2,2
Российская Федерация	146748,6	1,9
Мексика	127792,3	1,6

Источник: Рейтинги стран и компаний. URL: <https://total-rating.ru/> (дата обращения: 04.04.2022).

Во многих развитых странах, например, в США естественный прирост замедляется. В 2021 году были зарегистрированы самые низкие показатели темпов роста численности населения за последние 100 лет – 0,1%. В странах Европы он близок к нулю, а в отдельные годы смертность превышала рождаемость, то есть наблюдалась естественная убыль населения. С повышением темпов роста населения возрастает угроза продовольственного дефицита (таб. 3, 4).

Таблица 3

Страны с низким темпом естественного прироста населения

№ п/п	Страна	Естественный прирост населения (в ‰)
1	Болгария	–6,4
2	Украина	–5,6
3	Хорватия	–4,2
4	Латвия	–3,8
5	Сербия	–3,6

Источник: Рамблер. URL: <https://news.rambler.ru/> (дата обращения: 04.04.2022).

Таблица 4

Страны с высоким темпом естественного прироста населения

№ п/п	Страна	Естественный прирост населения (в ‰)
1	Нигер	37,9
2	Ангола	32,6
3	Мали	32,0
4	Демократическая Республика Конго	31,8
5	Уганда	31,8

Источник: Рамблер. URL: <https://news.rambler.ru/> (дата обращения: 04.04.2022).

В развивающихся странах, во многом благодаря традициям, семья, как правило, имеет большее количество детей — от 3 до 7 и более (II тип воспроизводства)¹. Однако, динамика смертности за последние годы резко сократилась благодаря прогрессу в сфере медицины.

На сегодняшний день темпы прироста производства продовольствия не соответствуют темпам прироста населения, главным образом, из-за ограниченности ресурсов (Рис. 4).

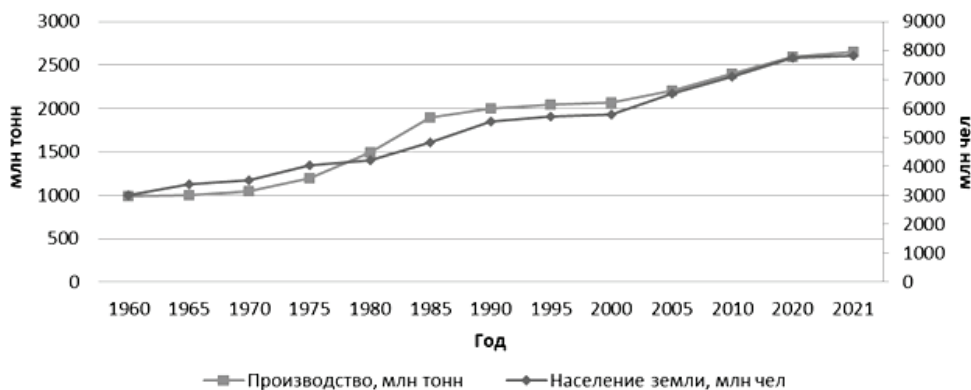

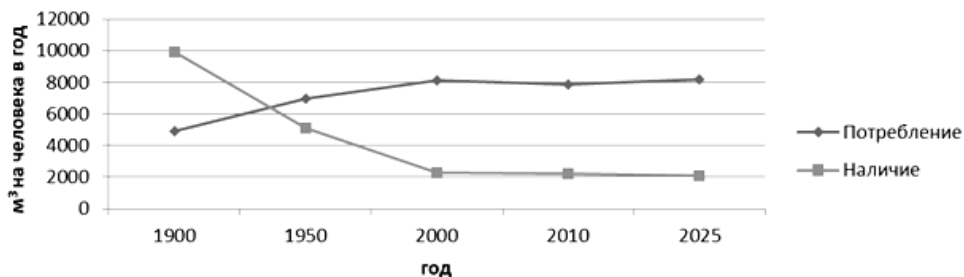
Рис. 4. Численность населения и объемы сельхозпроизводства

Источник: Рейтинги стран и компаний. URL: <https://total-rating.ru/> (дата обращения: 04.04.2022).

Наша планета обладает определенным, к тому же ограниченным, запасом природных ресурсов, среди которых самыми важными для удовлетворения человеческих потребностей являются плодородные почвы и пресная питьевая

¹ Для данного типа характерны высокие показатели рождаемости, естественного прироста, относительно высокие показатели смертности.

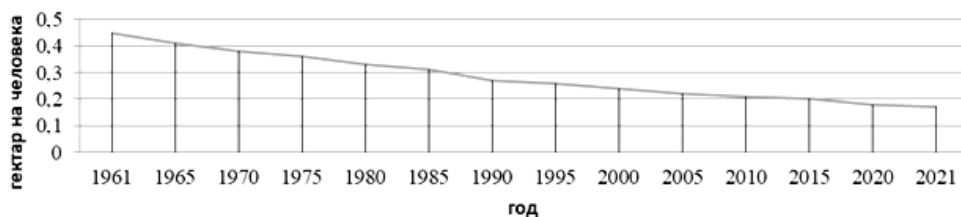
вода, влияющие на возможность выращивания необходимого количества сельскохозяйственных культур. Так, из-за экологических проблем и большого объема потребления пресной воды, наблюдается истощение водных ресурсов, а также их загрязнение (Рис. 5).

Рис. 5. Водопотребление и наличие пресной воды в мире (м³ на человека в год)

Источник: Статистические данные по питьевой воде. URL: <https://coralreef-aqua.ru/> (дата обращения: 04.04.2022).

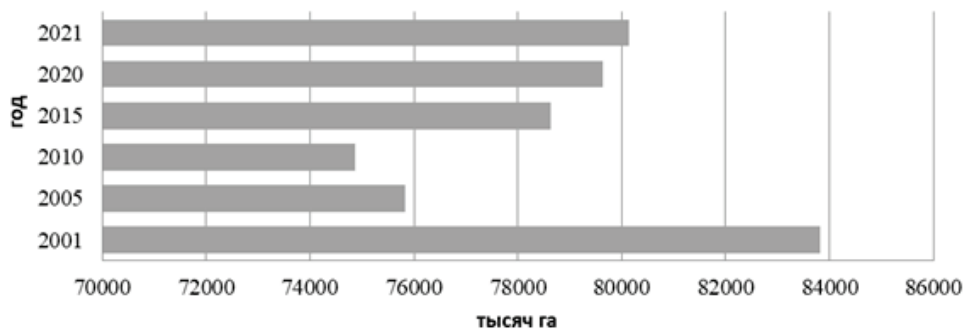
Кроме того, риск продовольственного кризиса возникает в связи с общим сокращением площадей сельскохозяйственного назначения. Наблюдается деградация почв — изменение количественного и качественного состава поверхностного слоя земли и снижение её плодородия вследствие эрозии, загрязнения, интенсификации процесса выращивания культур с использованием химических удобрений и др. (Рис. 6, 7).

Рис. 6. Сокращение площадей сельскохозяйственного значения в мире

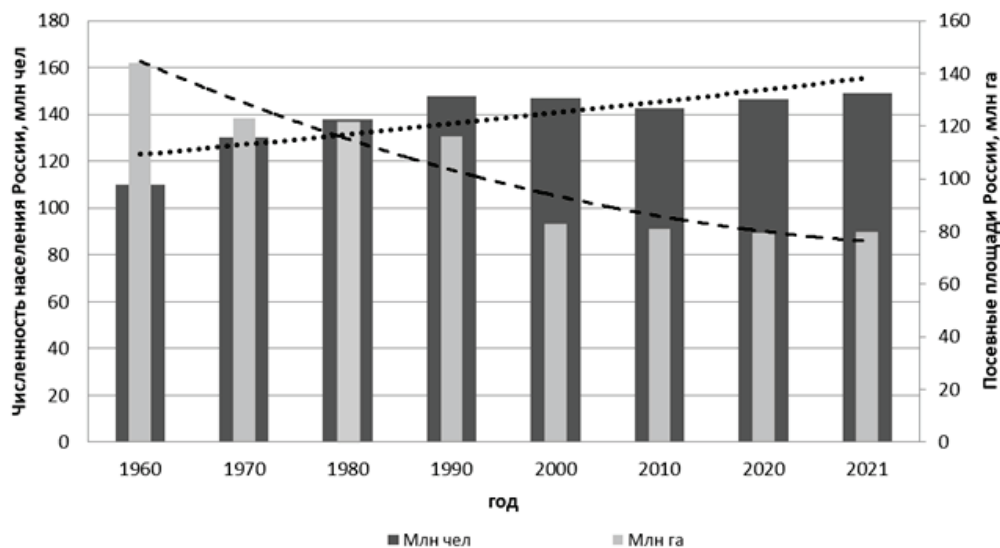
Источник: Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 04.04.2022).

Данный фактор влияет на отсутствие стабильной динамики роста производства продуктов питания. Отрицательное влияние на производство сельхозпродукции оказывает угроза эрозии почв, которой подвержены более 117 млн га (или 63%) площади Российской Федерации, в том числе уже затронуты этим процессом 51 млн га (28%) (Рис.8).

Рис. 7. Сокращение посевных площадей в Российской Федерации

Источник: Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 04.04.2022).

Рис. 8. Изменение площади посевных земель в России

Источник: Всемирная Викимедия. URL: <https://www.hmong.press/> (дата обращения: 04.04.2022).

Не вся имеющаяся поверхность суши пригодна для сельского хозяйства. Кроме того, площади, которые пригодны, зачастую не используются по прямому назначению, в результате чего зарастают сорными растениями или заняты несанкционированными свалками. По данным Росреестра, в течение 2019 г. наблюдалась высокая активность в области перевода земель из одной категории в другую, в большей степени земель сельскохозяйственного назначения: площадь этой категории уменьшилась на 0,22%. К концу 2021 года площадь посевных угодий сельскохозяйственного назначения составила 80 353 тыс. гектаров. По сравнению с 2020 годом, площадь данной категории, входящая в состав земельного фонда РФ, возросла на 0,51% (таб. 5).

Таблица 5

Площадь сельхозугодий в Российской Федерации (посевные площади) [2]

	Площадь (тыс. га)				Структура (в % к общей площади)			
	2018	2019	2020	2021	2018	2019	2020	2021
Общая посевная площадь	79634	79888	79948	80353	100,0	100,0	100,0	100,0
Зерно и зернобобовые культуры – всего	46339	46660	47900	46964	58,2	58,4	59,9	58,4
Технические культуры	15174	15896	15485	17808	19,1	19,9	19,4	22,2
Масличные культуры	13941	14615	14398	16620	17,5	18,3	18,0	20,7
Картофель и овощебахчевые культуры	1996	1906	1812	1766	2,5	2,4	2,3	2,2

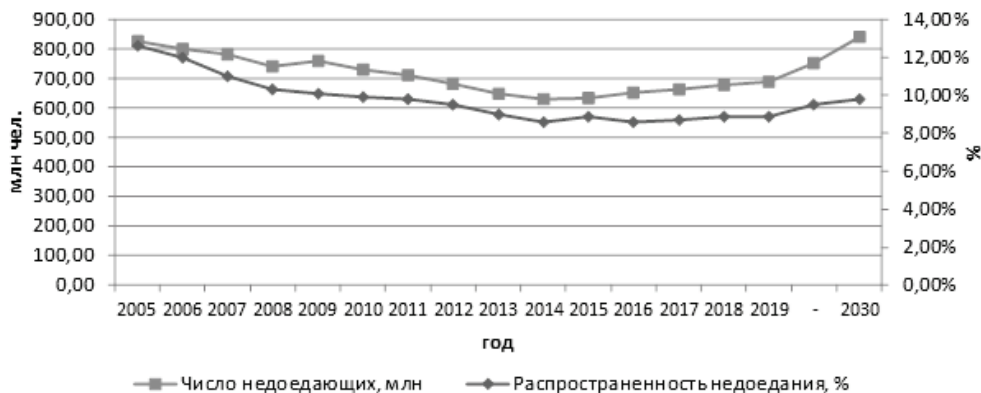
Источник: Росстат. [Электронный ресурс] URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 04.04.2022).

Воздействие всех рассмотренных неблагоприятных факторов приводит к растущей и объективно неизбежной проблеме продовольственной безопасности, которая требует пристального внимания и мер незамедлительного реагирования. Помимо этого, нельзя забывать о доступности продовольствия. В 2015 г. завершился период международного мониторинга решения задач по борьбе с голодом, предусмотренных ООН в программе «Цели развития тысячелетия», и в целом, человечество оказалось еще слишком далеко от достижения целей по сокращению масштабов голода (Рис. 9).

ООН проинформировала о том, что проблема голода резко обострилась в 2020 году, в связи с пандемией COVID-19. Совокупное значение людей, лишенных необходимого рациона питания, превысило 811 миллионов (1/10 часть населения мира). Судя по данной статистике, выполнение взятого международным сообществом обязательства покончить с голодом к 2030 году потребует неимоверных усилий.

Чтобы не допустить максимального – «чрезвычайно серьезного» – уровня голодания в мире, необходимо принимать действенные меры по обеспечению физической и экономической доступности продовольствия, стимулируя рост его производства в необходимом объеме [3].

Немаловажное значение также придается обеспечению потребления в соответствии с физиологическими нормами.

Рис. 9. Масштабы и динамика недоедания на планете

Источник: Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН.

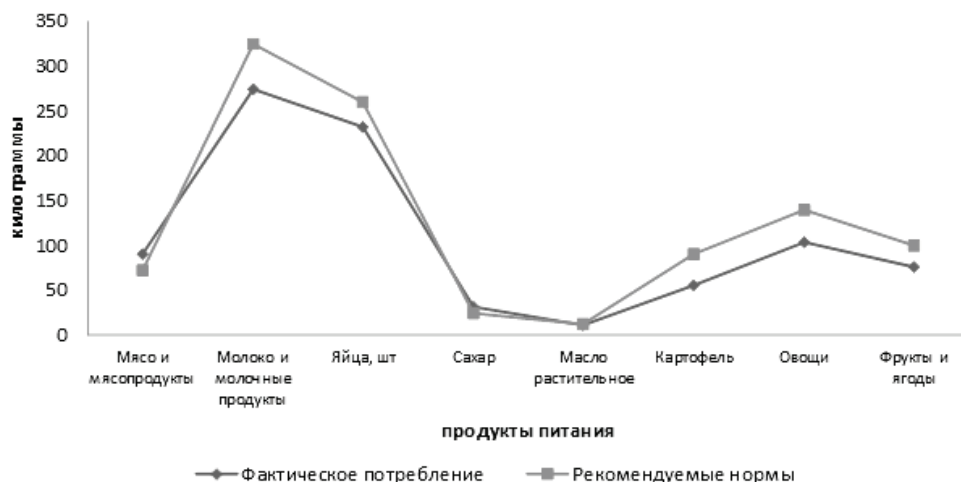
URL: <https://www.fao.org/> (дата обращения: 04.04.2022).

В России не выполняются рациональные нормы потребления некоторых пищевых продуктов (Рис. 10). Исходя из этого, предлагается развивать отечественное производство наименее затратоемкой продукции – овощей и молочных продуктов, а для восполнения дефицита фруктов и рыбы целесообразно прибегнуть к увеличению их импорта; необходимо также сократить квоты на экспорт отечественных морепродуктов. Для обеспечения высокого уровня продовольственной безопасности рекомендуется принимать целевые программы по развитию агропромышленного комплекса, в том числе программы стимулирования производителей продуктов питания по увеличению валовых показателей поставляемой продукции [4, 5].

Что касается зерна, то, несмотря на выполнение установленных норм производства, оно фигурирует в структуре импорта в Россию в связи с тем, что Россия импортирует, в основном, продовольственное зерно, а производит и экспортирует фуражное (класс пшеницы формируется в зависимости от погодных условий, питания растений, генотипа сорта). К концу 2021 года из обследованного объема зерна (33 млн тонн – 48% от валового сбора) было выявлено доминирование третьего и четвертого класса по качеству собранного урожая. В структуре собранного урожая доля зерна пшеницы первого класса составила 0,02%, второго класса – 0,1%, третьего – 45,7%, четвертого – 41,7%, что указывает на явную недостаточность обеспечения пшеницей высокой сортности [6].

По сравнению с предыдущим годом, в целом на долю продовольственной пшеницы (1–4 классов) пришлось рекордные 87,5% (в 2020 году – 73,5%). Содержание белка в мягкой продовольственной пшенице в 2021 году выросло в среднем до 13,5% (12,7% в 2020 году), клейковины – до 22,6%. Кроме того, количество выращенной в 2021 году пшеницы (62,2 млн тонн) превысило показатель 2017 года, когда в РФ удалось собрать самый большой урожай зерна.

Рис. 10. Фактическое годовое душевое потребление и рекомендуемые нормы питания в Российской Федерации за 2021 год

Источник: Указ Президента «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности РФ» от 21.01.2020 № 20.

В связи с этим, целесообразным решением будет являться пересмотр политики по квотам, а именно: предлагается не экспортировать весь объем фуражного зерна, а принять программу по дополнительному развитию животноводства в России, обеспечивая отрасль необходимым объемом кормов, что также будет способствовать выполнению программы импортозамещения. Заметим также (к вопросу об обеспеченности животноводства соответствующими условиями), что на сегодняшний день, согласно кадастровому учету, количество неиспользуемых земель сельхозназначения в РФ оценивается примерно в 15 млн гектаров.

В настоящее время государства с развитым агропромышленным комплексом и научным подходом к управлению производством поддерживают высокий уровень экспорта сельскохозяйственной продукции (таб.6).

Таблица 6

Крупнейшие экспортеры продовольствия в мире в 2021 г.

	Китай	Нидерланды	Германия	Турция	Великобритания
Стоимость (млрд долл.)	64,8	43,1	29,3	26,8	22,3
Доля по стоимости (%)	13,2	8,8	6	5,5	4,5
Масса (млн тонн)	172	88,3	35	49	12,3
Доля по массе (%)	18,9	9,7	3,8	5,4	1,4

Источник: Блумберг. Крупнейшие экспортеры. URL: <https://www.bloomberg.com/> (дата обращения: 04.04.2022).

Однако, несмотря на мощную сельскохозяйственную базу, даже страны-экспортеры не могут обойтись без импорта продовольствия. В числе импортеров также есть страны с высоким уровнем развития экономики (табл. 7). Ни одна страна мира в силу климатических и экономических особенностей не в состоянии обеспечить граждан полным набором отечественного продовольствия, который бы отвечал физиологическим нормам потребления.

Таблица 7

Крупнейшие импортеры продовольствия в мире в 2021 г.

	Китай	Германия	США	Беларусь	Корея
Стоимость (млрд долл.)	72,6	27,3	17,1	15,6	13
Доля по стоимости (%)	24,8	9,3	5,8	5,3	4,4
Масса (млн тонн)	12,6	3,5	7,13	18,4	2,5
Доля по массе (%)	9,6	2,6	0,5	14	1,9

Источник: Блумберг. Крупнейшие импортеры. [Электронный ресурс]

URL: <https://www.bloomberg.com/> (дата обращения: 04.04.2022).

Также и в России можно отметить высокий уровень экспорта и импорта сельхозпродукции. В соответствии с разделами товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности (ТН ВЭД), динамика экспорта и импорта сельскохозяйственного сырья и продовольствия в России такова.

Таблица 8

Внешний товарооборот продовольственных товаров в Российской Федерации [6]

	2021 г.		В т.ч. декабрь 2021 г.		
	тыс. тонн	в % к 2020 г.	тыс. тонн	в % к	
				декабрю 2020 г.	ноябрю 2021 г.
Злаки	42931	88,2	3955	67,4	99,3
Пшеница и меслин	27364	73,4	2821	59,4	105,2
Ячмень	3959	79,8	347	76,4	151,5
Кукуруза	2937	128,3	205	77,2	82,9
Рис	132	91,1	15,5	66,7	в 2,1 р.
Мука пшеничная или пшенично-ржаная	259	105,0	36,6	в 3,6 р.	80,8
Семена подсолнечника	92,3	6,7	35,3	33,2	в 2,2 р.
Мясо свежее и мороженое	223	82,8	20,3	81,6	122,4
Рыба свежая и мороженая	433	110,1	51,2	106,4	118,6
Молоко и сливки, несгущенные	214	80,9	18,9	107,6	100,5

Молоко и сливки, сгущенные	131	89,1	10,7	92,1	96,3
Масло сливочное	112	100,3	9,6	99,0	97,4
Сыры и творог	323	104,0	28,8	101,8	97,9
Картофель свежий или охлажденный	546	172,7	8,0	141,2	69,2
Томаты свежие или охлажденные	427	91,5	37,6	118,4	126,8
Лук, чеснок, свежие или охлажденные	214	73,9	8,0	97,4	103,8
Капуста	83,0	80,3	7,3	в 2,1 р.	197,6
Сахар-сырец	9,4	121,2	0,8	77,8	110,6
Пищевая соль	511	89,4	41,1	100,2	71,7

Источник: Росстат. О внешней торговле. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 04.04.2022).

В 2021 году Российская Федерация экспортировала продукции агропромышленного комплекса на 37,7 млрд долл. По сравнению с предыдущим периодом, экспорт вырос на 23,6 % (в 2020 году он составлял 30,5 млрд долл.) (таб.9).

Таблица 9

Лидеры по отгрузкам продукции в Российской Федерации [7]

Продукция	Регионы	Прибавилось (долл.)
Зерно	Ростовская область,	4,709 млрд
	Краснодарский край.	2,256 млрд
Масложировая продукция	Калининградская область,	1,377 млрд
	Ростовская область.	1,081 млрд
Молочная продукция	Московская область,	361,4 млн
	Ставропольский край.	146,4 млн
Мясная продукция	Московская область,	140,2 млн
	Москва.	91,9 млн
Рыбы и морепродукты	Приморский край,	1,803 млрд
	Мурманская область.	1,311 млрд
Продукция пищевой и перерабатывающей промышленности	Москва,	885,1 млн
	Московская область.	762,5 млн

Источник: РБК. Экспорт и импорт отдельных продовольственных товаров. URL: <https://www.rbc.ru/> (дата обращения: 04.04.2022).

В пересчете на натуральные величины поставки продукции АПК в общей сумме составили около 71 млн тонн с наибольшей долей зерновых культур, которых было экспортировано на 11,4 млрд долларов, что на 12% больше, чем

за предыдущий период. Рекордные темпы роста продемонстрировала масложировая продукция, ее экспорт вырос на 48% и стал составлять 7,28 млрд долларов. Поставки рыбы и морепродуктов увеличились на 37% (7,3 млрд долларов), молочной и мясной продукции на 31% (1,6 млрд долларов), продукции пищевой и перерабатывающей промышленности – на 15% (5,2 млрд долларов), прочей продукции АПК – на 12% (5 млрд долларов).

Очевидно, что в настоящее время складывается чрезвычайная ситуация глобального масштаба в сфере обеспеченности продовольствием. Если рассматривать ее в долгосрочной перспективе, то человечество неизбежно столкнется с нарушением функционирования продовольственных систем и с серьезными проблемами в обеспечении рациона питания.

Во избежание данной ситуации целесообразно предпринять ряд комплексных мер. Минимизировать снижение уровня плодородия почв целесообразно путем интенсификации – внедрения новых современных технологий и качественных эффективных удобрений, обеспечить менее затратное производство в сфере АПК.

Необходимо регулярное выделение соответствующих денежных средств из государственного бюджета на развитие и поддержание сельского хозяйства, а также увеличение инвестиций в целевые программы агропромышленного комплекса для его устойчивого развития. Рекомендуется использовать научные инновации и современные технологии (анализ и производство генетически преобразованной продукции, безопасной для организма человека); задействовать резервные площади для аграрного освоения; интенсифицировать сельское хозяйство на уже освоенных землях путем ирригации и внесения удобрений; не пренебрегать посевом сидератов – растений, богатых азотом, крахмалом, белком – в целях повышения плодородия земель; наряду с традиционными применять и передовые методы, такие как вертикальное земледелие и точное земледелие, основанное на наблюдении и реагировании на возникающие полевые изменения; осуществлять природоохранные мероприятия: утилизировать отходы растениеводства и животноводства; привлекать развивающиеся страны к достижениям в сфере научных исследований и передовых технологий в сельскохозяйственной отрасли и др.

В совокупности данные мероприятия позволят не только избежать наихудших последствий, но и будут способствовать переходу на более устойчивые продовольственные системы, в большей степени гармонирующие с природой, что обеспечит необходимую физическую и экономическую доступность продовольствия, выполнение рациональных норм питания для обеспечения здорового образа жизни (а также максимальной активности и работоспособности населения) и станет надежным инструментом, способным улучшить уровень и качество благосостояния граждан.

Литература

1. Аналитический портал. Население стран мира. URL: <https://rosinfostat.ru/> (дата обращения: 04.04.2022).
2. Аналитический портал. Рост численности населения. URL: <https://www.rbc.ru/> (дата обращения: 04.04.22).
3. Федеральная служба государственной статистики. Посевные площади и структура посевных площадей в хозяйствах всех категорий Российской Федерации. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 04.04.22).
4. Указ Президента «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности РФ» от 21.01.2020 № 20.
5. Федеральная служба государственной статистики. Потребление и рекомендуемые нормы рационального питания в РФ. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 04.04.22).
6. Аналитический портал. Россия в 2021 году добилась рекордно высокого качества пшеницы. URL: <https://www.gia.ru/> (дата обращения: 04.04.2022).
7. Аналитический портал. Экспорт и импорт отдельных продовольственных товаров. URL: <https://www.rbc.ru/> (дата обращения: 04.04.2022).
8. Аналитический портал. Итоги внешней торговли России. URL: <https://ru-stat.com/analytics> (дата обращения: 04.04.2022).

Aleksandr Bobkov (e-mail: bobkovav@yandex.ru)

Ph.D. in Economics, Associate Professor of the Department of Entrepreneurship and Economic Security,
Perm State National Research University (Perm, Russia)

Ulyana Merkusheva (email: merkusheva_ulya_2000@mail.ru)

student, Perm State National Research University (Perm, Russia)

DAMPING KEY THREATS TO FOOD SECURITY

The study outlines the urgent problem of insufficient food production, which is interconnected with the continuing growth of the world's population and the emergence of new risks for the global economy. The formation of this dynamics is a serious threat both to specific countries and to the food security of the world as a whole. Tendencies of outstripping growth of foodstuffs shortages amplify. The article assesses the threats to both global and national food security including the Russian Federation; the main system-forming factors are investigated. Based on the results of the data obtained, relevant conclusions are presented and measures are proposed to mitigate the risks to food security in the context of the rapidly growing aggressive impact of human economic activity on the environment.

Keywords: food security, population, agriculture, recommended food consumption norms, soil fertility, import of agricultural products, Food Security Doctrine, targeted programs, agro-industrial complex.

DOI: 10.31857/S020736760021497-5

© 2022

Константин Ушаков

аспирант кафедры поиска и разведки полезных ископаемых
Ухтинского Государственного Технического Университета (г. Ухта, Россия)
(e-mail: k.m.ushakov@mail.ru)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ГОРНОГО ПРОИЗВОДСТВА: ПРЕПЯТСТВИЕ ИЛИ РЕСУРС УСТОЙЧИВОГО РОСТА?

В статье проведён краткий анализ фактически сложившейся практики взаимодействия общества и горнодобывающего сектора экономики. Дана характеристика социокультурного фактора. Определены участники процесса. Предложена стратегия использования социокультурного фактора с максимальной выгодой для всех социальных групп.

Ключевые слова: культура горных работ, социокультурный аспект, окружающая среда, общество.

DOI: 10.31857/S020736760021498-6

Поставленные перед государством, обществом и бизнес-сообществом проекты, оформленные в виде различных стратегий и дорожных карт, требуют наличия не только минеральных, трудовых и финансовых ресурсов, но и способности присмотреться к культурным аспектам решения заявленных задач. К культурным факторам проведения геологических, горно-геологических и горно-добычных работ относится не только охрана труда (предотвращение травматизма на производстве и т.п.), промышленная безопасность (предотвращение производственных аварий и т.п.) и экологические последствия выполненных работ, но социокультурная обстановка на территории, окружающей опасное производство.

На сегодняшний день в данной области имеется два принципиально разных подхода. Первый преобладает на крупных горно-геологических предприятиях, объектах – это максимальная закрытость любой информации: даже аспекты работы, не являющиеся государственной или коммерческой тайной, позиционируются как недоступные для ознакомления сторонних специалистов (сложившаяся ситуация ярко представлена вопросом подбора информации для дипломных работ студентов ВУЗов прикладных специальностей); второй – это отсутствие практического контроля за освоением и добычными работами на карьерах, выработках малых предприятий, которые местное население наблюдает ежедневно (наглядный пример: карьеры, выработки общераспространённых полезных ископаемых (ОПИ)).

В комплексе оба подхода максимально ухудшают социокультурную обстановку вокруг горно-геологических предприятий, создавая как минимум отрицательный облик объекта в глазах проживающего рядом населения, а как

максимум — создание активных «эко-групп», способных даже на физическое сопротивление геолого-исследовательским, добычным и перерабатывающим процессам. Ярким примером такого сопротивления можно представить активное сопротивление граждан разработке шихана Башкирской содовой компанией в 2020 г.

Редко рассматриваемый, особенно в научной литературе, фактор социокультурной обстановки при производстве горных работ, практически не заметный раньше, стал все более и более проявлять себя, ощутимо воздействуя, а иногда активно корректируя даже отдельные технологические цепочки масштабных технологических методик производства работ. Все чаще социокультурный фактор влияния на производство становится политическим рычагом коррекции действий муниципальных властей, а иной раз и регионального руководства.

Освоение месторождений полезных ископаемых специалистами вахтового метода работы происходит без ответственности за взаимодействие этих работников с местным населением (часто коренными народами этих территорий) и окружающей среды. Отсутствуют критерии и параметры обязательного найма работников и специалистов близлежащих территорий, зато очевидно нежелание предприятий, осваивающих полезные ископаемые на конкретной территории, участвовать в ее благоустройстве, финансовой и другой помощи, меценатстве. Практика говорит о том, что период безнаказанного пренебрежения социокультурным фактором горнодобывающих предприятий заканчивается, и для дальнейшего успешного развития любого горно-геологического и горнодобычного предприятия просто необходимо участие и взаимное уважение интересов производства и местного населения территории.

Решить эту проблему можно только осознав ее многогранность и масштаб. Сейчас, в условиях необходимости максимального развития промышленности и освоения территорий, первый шаг к налаживанию горизонтальных связей между горной отраслью и обществом может и должна сделать горная промышленность (государственные требования, изложенные в соответствующих нормативно-технических документах, законодательных актах и контроль этих требований необходимы к соблюдению и в данной работе не рассматриваются). Общество за продолжительный период игнорирования его интересов, стремлений и нужд утратило желание идти навстречу промышленникам. Оно с недоверием относится к имеющимся и еще в большей степени к планируемым объектам производства и отторгает подобные перспективы. Эта «стена» общественного неприятия широка и высока.

Крупные горнодобывающие компании и холдинги должны прийти (и впоследствии в зависимости от издержек обязательно придут) к пониманию прямой зависимости устойчивых экономических показателей развития и социокультурной ответственности предприятия. Это должно быть заложено во все

производственные процессы, и поддержание мотивации этого понимания поначалу потребует больших интеллектуальных и финансовых вложений. Менее крупным компаниям, не способным с пониманием и ответственностью относиться к временно вверенной им территории, следует просто уступить свою нишу тем, кто захочет и сможет работать на высоком профессиональном уровне.

Таков единственно возможный путь ускоренного развития горно-геологической и горно-перерабатывающих отраслей. Превратить механизм (с точки зрения промышленников) торможения отрасли в механизм продвижения новых, в том числе технологически безопасных и экологически передовых методов производства, — вполне реально. И налаживание партнерских отношений между обществом и производством обеспечит фактор безопасности самого производства от внешних бизнес-факторов.

Но первоначально необходимо признать факт наличия социокультурной проблемы, связанной с горным производством, что позволит объективно оценить необходимость дальнейших конкретных действий.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации.
2. Федеральный закон от 21 июля 2014 №212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014.
3. Указ Президента РФ от 26 октября 2020 №645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» // Собрание законодательства. 2020.
4. Основы менеджмента. [Электронный ресурс]: учебное пособие. Эл. изд. Электрон. текстовые дан. (1 файл pdf: 234 с.). Нижний Новгород: НОО "Профессиональная наука", 2018.

Konstantin Ushakov (e-mail: k.m.usakov@mail.ru)

Postgraduate student, Department of Prospecting and Exploration of Mineral Resources
Ukhta State Technical University (Ukhta, Russia)

THE SOCIO-CULTURAL ASPECT OF MINING: A HINDRANCE OR A RESOURCE FOR SUSTAINABLE GROWTH?

A brief analysis of the current practice of interaction between society and the mining sector of the economy is carried out. The characteristic of the socio-cultural factor is given. The process factors are determined. The strategy of using the socio-cultural factor with maximum benefit for all social groups is suggested.

Keywords: mining culture, socio-cultural aspect, environment, society.

DOI: 10.31857/S020736760021498-6

© 2022

Николай Драгун

кандидат экономических наук, доцент, заведующий центром инвестиционной и инновационной политики ГНУ «Научно-исследовательский экономический институт Министерства экономики Республики Беларусь» (г. Минск, Беларусь)
(e-mail: dragunnp@gmail.com)

Ирина Ивановская

кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой «Экономика и управление» Межгосударственное образовательное учреждение высшего образования «Белорусско-Российский университет» (г. Могилев, Беларусь)
(e-mail: ivanovskayaiv@gmail.com)

ГОРОДСКАЯ АГЛОМЕРАЦИЯ: ПОНЯТИЕ, ЭТАПЫ И МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ

Для урбанизационных процессов многих стран мира характерна высокая концентрация населения в столицах и центрах регионов, что вызывает многочисленные проблемы, и прежде всего — рост межрегиональной дифференциации и территориальную несбалансированность экономического развития. Это актуализирует проблему управления агломерационными процессами, решение которой требует наличия теоретической базы, необходимой для разработки методик и мер региональной политики.

В статье излагаются теоретические основы формирования и развития городских агломераций, уточняется определение категории «городская агломерация» и устанавливаются ее существенные признаки. Раскрыта периодизация процесса формирования и развития городских агломераций, дана характеристика пяти его основным этапам. Установлены и классифицированы эффекты, возникающие в процессе городского агломерирования, обуславливающие его влияние на экономическое и социальное развитие вовлеченных в данный процесс территорий. Это позволяет разработать методическую базу оценки влияния городского агломерирования на социально-экономическое развитие регионов, а также сформулировать практические рекомендации, направленные на стимулирование центрами роста социально-экономического развития прилегающих к ним территорий.

В работе применялись методы контент-анализа, группировки, сравнительного анализа, а также монографический, исторический и метод научной абстракции. Результаты исследования могут быть использованы для научных исследований и при разработке методической базы процесса управления агломерациями, нормативных правовых актов, концепций, стратегий, программ и проектов регионального развития.

Ключевые слова: агломерация, урбанизация, агломерационные связи, формирование агломераций, дезурбанизация, город-спутник, границы агломерации, региональная политика, социально-экономическое развитие, город-ядро.

DOI: 10.31857/S020736760021499-7

Одной из современных тенденций социально-экономического развития регионов является рост городских систем, основанный на территориальной

Исследование выполнено при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № Г21-023 «Формирование городских агломераций как драйверов регионального развития Республики Беларусь».

концентрации производства и населения, и образование агломерационных связей. Городские агломерации являются особым продуктом современной урбанизации, представляющим собой систему компактно расположенных и экономически взаимосвязанных территорий, объединенных устойчивыми трудовыми, культурно-бытовыми и производственными связями, общей социальной и технической инфраструктурой, совместно используемыми земельными ресурсами¹.

Для урбанизационных процессов в Республике Беларусь характерна высокая концентрация населения в столице и областных центрах, что привело к возникновению многочисленных проблем, прежде всего, к росту дифференциации территорий страны, несбалансированности социально-экономического развития городов и прилегающих к ним территорий. Ответом на эти проблемы в Беларуси стала концепция формирования городских агломераций и развития городов-спутников², что, во-первых, даст возможность ограничить рост населения центров регионов; во-вторых, может стать одним из факторов экономического развития областей и Республики Беларусь в целом. В то же время развитие городских агломераций в Беларуси затруднено ограничениями как юридического (отсутствие в законодательстве понятия «городская агломерация»), так и экономического характера (отсутствие необходимой законодательной базы относительно вопросов налогообложения, документально утвержденной взаимоувязки темпов жилищного строительства с развитием социальной инфраструктуры и транспортного сообщения и т.д.). В этой связи актуальной проблемой является установление точных границ городских агломераций, определение модели развития вокруг крупных городов агломерационных процессов, создающих условия для экономического развития территорий, входящих в агломерацию, на основе использования их потенциала. Эти обстоятельства обуславливают актуальность настоящего исследования, его научную и практическую значимость.

Теоретическая база исследования. Существующие исследования агломераций посвящены вопросам определения их понятия, основных признаков и характеристик; периодизации процесса развития и содержания его отдельных этапов; влияния агломераций на экономическое развитие территорий; разработки методической базы оценки уровня развития городских агломераций и определения их границ, организации управления городскими агломерациями. Следует особо выделить исследования, посвященные городским агломерациям в Республике Беларусь, и прежде всего, формирующейся Минской агломерации.

Нами установлено, что содержащиеся в литературе трактовки понятия «агломерация» можно разделить на четыре основные группы:

---

¹ Марголин А. Развитие городских агломераций как фактор повышения глобальной конкурентоспособности государств // Государственная служба. 2015. № 6(98). URL: https://journal.igsu.ru/articles/r102/3590/#_ftnref1 (дата обращения: 08.11.2021).

² О развитии городов-спутников. Указ Президента Республики Беларусь от 07.05.2014 № 214 (ред. от 15.07.2019) // Президент Республики Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/events/aleksandr-lukashenko-7-maja-podpisal-ukaz-214-o-razviti-i-gorodov-sputnikov-8716> (дата обращения 11.11.2021).

– трактовки первой группы вслед за А. Вебером (1921) рассматривают агломерацию как «агломерацию производств, форму размещения производительных сил», что связано с преобладанием в середине XX века промышленных городских агломераций, а также административной и производственной функций городов [1];

– трактовки второй группы рассматривают агломерацию как «агломерацию поселений». Этот подход в литературе является наиболее распространенным. Так, Д. Богорад (1964), В. Давидович (1964), Н. Петров (1988) и Г. Лаппо (2007), О. Рой (2008), Н. Мусинова (2020) и другие определяют агломерации как «компактные скопления территориально сосредоточенных городов и других населенных мест, которые в процессе своего роста сближаются и между которыми усиливаются многообразные хозяйственные, трудовые и культурно-бытовые взаимосвязи» [2–7]. Согласно А. Колодину (2009) городская агломерация является преемником города в его компактной, автономной форме, особым продуктом современной урбанизации, результатом эволюции расселения, постгородской стадией его развития [8]. По мнению Е. Кормаковой (2011) в ходе развития агломераций решаются такие важные проблемы, как: обеспечение роста конкурентоспособности экономики и генерирование устойчивого притока ресурсов развития; регулирование внутренней миграции из малых и средних городов в региональные столицы и города-ядра агломераций; стабильное развитие города-ядра, устранение перенасыщенности и избыточного давления на его инфраструктуру; формирование на базе крупных динамично развивающихся агломераций важнейших узлов в системе товарных, финансовых, технологических, геоэкологических и культурных обменов [9]. В рамках новой экономической географии предметом исследования является взаимодействие центробежных и центростремительных сил в агломерационных процессах, что качественно изменяет экономическую динамику. Особое внимание уделяется таким вопросам, как торговая политика, специализация и концентрация производства, налогообложение и перераспределение экономической активности в регионе [10].

В рамках рассматриваемой группы выделяются подходы Ле Корбюзье (начало 1940-х), П. Поляна (1988), Г. Лаппо, П. Поляна, Т. Селиванова (2007) и других, фокусирующиеся на социальных аспектах городского агломерирования [11–13]. Так, согласно Т. Заславской, к агломерации целесообразно подходить как к элементу социально-территориальной структуры, делая акцент на учете происходящих в ней социальных процессов, а также на соизмерении позитивных и негативных социальных последствий [14];

– третья группа трактовок понятия «агломерация» – например, подходы В. Лексина (2011), Н. Ижгузиной (2014) – рассматривает его с точки зрения *управленческого подхода*. По мнению В. Лексина, «естественный и самоорганизующийся характер городских агломераций очевиден, но для проявления такого характера необходима долгая и целенаправленная деятельность властей и бизнеса

по созданию коммуникационно-инфраструктурной сети»³. Н. Ижгузина рассматривает агломерацию как структуру управления, сформированную на основе добровольного решения соседних муниципальных образований с целью эффективного управления совместным развитием, реализации межмуниципальных проектов [15];

– четвертая группа объединяет интегральные трактовки понятия «агломерация», например, констатируя, что «городские агломерации имеют двойственный характер: это и система расселения, и форма организации региональной экономики» [16].

В качестве основных признаков городских агломераций, подлежащих изменению, в литературе выделяют: наличие или выявление города-ядра при моноцентрической агломерации и городов-ядер при полицентрической агломерации; численность и плотность населения городской агломерации; маятниковую миграцию; уровень развитости; социально-экономические связи города-ядра с внешним окружением; транспортную инфраструктуру; совместно используемые инфраструктурные объекты (техническую инфраструктуру); культурно-бытовые, рекреационные связи.

В литературе широко исследуются процессы развития агломераций и его отдельные этапы. Периодизация процесса развития городских агломераций, как правило, устанавливается авторами на основе динамики развития городских поселений и пространственного изменения структуры экономики.

Так, Дж. Джиббс (1963) предложил схематично рассматривать эволюционное развитие урбанизации региона как последовательное прохождение пяти конкретных стадий развития [17]. Представители теории дифференциальной урбанизации (Richardson, 1980; Fielding, 1989; Geyer and Kontuly, 1993) выделяют шесть стадий ее развития в регионах: крупногородская урбанизация (U-I), зрелая крупногородская урбанизация (U-II), начало разворота, реверсия (PR-III), реверсия (PR-IV), рост малых поселений (CU-V), большой цикл (CU-VI) [18]. Л. Клаассен и Г. Шимеми (L. Klaasen, G. Schimemi, 1981), а вслед за ними и В.Я. Любовный и О.С. Пчелинцев (2001) выделяют четыре этапа формирования агломераций: урбанизация, субурбанизация, дезурбанизация и реурбанизация [19].

Согласно А. Нещадину (2010), в своем развитии агломерации, как правило, проходят четыре этапа: первый этап – агломерация как конгломерат урбанизированных территорий, которые располагаются близко и объединены производственными связями; второй этап – усиление маятниковых миграций в сторону центра агломерации, появление единого рынка труда; третий этап – этап развитой

---

³ Лексин В.Н. Городские агломерации и система расселения: надежды и опасения // Сборник материалов по проблемам развития городских агломерации в странах СНГ к научно-практической конференции «Научные и практические аспекты формирования городских агломераций» (Москва, 18 ноября 2011 года). URL: <http://libed.ru/konferencii-stroitelstvo/547178-1-sbornik-materialov-problemam-razvitiya-gorodskih-aglomeracij-stranah-sng-nauchno-prakticheskoy-konferencii-nauchni.php> (дата обращения 11.11.2021).

агломерации, на котором появляется функционально связанное пространство, образуется единый рынок земли, недвижимости, товаров и услуг, ряд функций ядра (производство, потребление, развлечения) перемещается на периферию, в города-спутники; четвертый этап – этап постиндустриальной агломерации, отличающийся встраиванием агломерации в глобальные экономические процессы, развитием интеллектуальной городской инфраструктуры [20]. В. Ушаков выделяет четыре основных этапа развития современной городской агломерации: индустриальная агломерация, трансформирующаяся агломерация, функциональная агломерация и постиндустриальная агломерация [21].

В рамках исследований влияния на экономическое развитие территорий агломерации, как правило, рассматриваются как «зоны опережающего развития». Так, в работах E.S. Mills (1984), P. Krugman (1993), J.M. Quigle (1998) и D. Shefer (1973) показано, что размещение компаний поблизости друг от друга в рамках крупных агломераций повышает их производительность и темпы роста благодаря эффектам, связанным с масштабами рынка производственных факторов и спроса, экономией транзакционных издержек, совместным более производительным использованием некоторых факторов производства [22–25]. Особую роль эти эффекты приобрели с развитием экономики знаний. О'Салливан (2002) выделяет четыре таких эффекта: эффект масштаба на транспорте как экономия транспортных затрат при значительной концентрации торговых фирм; эффект масштаба производства, вызываемый специализацией факторов производства вследствие высокой концентрации населения; эффект концентрации, выражаемый через действие двух взаимосвязанных эффектов – эффекта агломерации и эффекта локализации. Локализационный эффект связывается со снижением себестоимости производства на предприятиях конкретной отрасли по мере увеличения совокупного объема производства предприятий данной отрасли [26].

В результате эконометрической оценки эффектов агломерации в России К. Гончар (2009) установил, что размещение предприятий в непосредственной близости друг от друга, от потребителей и поставщиков в рамках городских агломераций значимо и положительно влияет на конкурентоспособность экономических агентов⁴.

Примечательно, что в экономической политике китайского правительства приоритет отдан развитию городских агломераций и транспортной системы внутри и между ведущими агломерациями страны. Это явление в Китае получило название «кластерного экономического развития», когда основным источником экономической активности являются городские кластеры – агломерации, состоящие из одного или нескольких крупных городов, выступающих в качестве ядра, а также нескольких малых городов; они обладают высокой

⁴ Гончар К.Р. Агломерационные эффекты и конкурентоспособность промышленности. URL: <https://publications.hse.ru/chapters/91494905> (дата обращения 09.11.2021).

степенью транспортной и экономической интеграции⁵. В 2020 году 19 городских кластеров концентрировали девять десятых всей экономической активности КНР⁶.

В то же время ряд исследователей, например, К. Джонсон (1999), О. Рой (2008), И. Волчкова (2009), Н. Ижгузина (2014) и другие, выделяют и проблемы развития городских агломераций: неэффективное использование пространства, экологические проблемы, повышенные временные затраты жителей на маятниковую миграцию, обострение транспортных проблем, удорожание инженерного оборудования коммунальной сферы, деградация городских центров и старых пригородов, стагнация периферии, сложность организации системы муниципального управления [27–28].

Вопросы управления городскими агломерациями затрагиваются в работах многих исследователей. Например, А. Лола (1997) весь мировой опыт организации управления городскими агломерациями сводит к трем моделям: ассоциативной (координационной), промежуточной, модели единства органов распорядительной власти и органов управления агломерацией [29]. Н. Миронов (2009) с использованием зарубежного опыта приводит результаты детального анализа моделей управления городскими агломерациями, иллюстрируя его примерами [30]. А. Колодин (2012) сформулировал основные направления регулирования развития городских агломераций второго порядка [31]. Н. Рыжова (2008) на примере зарубежных стран исследует проблемы создания и управления кросс-границных городских агломераций [32].

В Республике Беларусь научные исследования проблем формирования городских агломераций достаточно интенсивно развивались, прежде всего, в контексте изучения влияния г. Минска на окружающую территорию. Изучение Минского промышленного узла еще в советское время проводила Л. Павлович (1970) [33]. И. Запрудский, А. Флерьянович занимались исследованиями Минской промышленной агломерации, установлением ее границ, географическим анализом существующих кооперационных связей между предприятиями и уточнением роли Минской промышленной агломерации в территориальной структуре экономики Республики Беларусь⁷. Исследование В. Валетки с соавторами (2009) показало наличие зоны «близких сателлитов» – городов, сгруппированных вокруг Минска и отличающихся определенным набором значений ряда статистических показателей от остальной совокупности городов Беларуси.

⁵ City Clusters by 2020. URL: <https://frontierview.com/insights/trace-lights-iichinas-19-city-clusters-2020/> (дата обращения 09.11.2021).

⁶ The 13th Five-Year Plan for Economic and Social Development of the People's Republic of China (2016–2020) // Compilation and Translation Bureau, Central Committee of the Communist Party of China. Beijing, 2016. 219 p. URL: https://en.ndrc.gov.cn/policies/202105/P0_20210527785800103339.pdf (дата обращения 15.11.2021).

⁷ Запрудский И.И., Флерьянович А.В. Роль Минской промышленной агломерации в территориальной структуре хозяйства Беларуси. URL: <http://docplayer.ru/56821124-Rol-minskoy-promyshlennoy-aglomeracii-v-territorialnoy-strukture-hozyaystva-belarusi.html> (дата обращения 12.11.2021).

В данную группу вошли Фаниполь, Дзержинск, Заславль, Логойск и Смолевичи. Их отличительной особенностью, по сравнению с более отдаленными от Минска городами, было наличие относительно позитивных демографических тенденций. В работе Д. Бабицкого и соавторов с помощью эконометрических методов сделана попытка выявить, на какое расстояние простирается сила экономической гравитации столицы, как она изменяется во времени, какие регионы получают выгоды от соседства с Минском, а какие, наоборот, страдают от этого⁸. Вопросы разработки концептуальной модели формирования Минской агломерации и совершенствования управления ею поднимались в работах таких исследователей, как Т. Вертинская, А. Кельник, А. Богданович (2013), (2014) [34–35].

Таким образом, несмотря на значительное количество проведенных исследований и значимость полученных в их рамках результатов, целый ряд проблем определения сущности и развития городских агломераций остаются нерешенными. К ним, в частности, относятся уточнение понятия «городская агломерация» и определение ее существенных признаков как механизма экономического развития территорий; периодизация процесса развития агломерации с точки зрения возможности определения его текущего этапа на основе количественной оценки; установление механизмов влияния агломераций на развитие территорий и другие.

Категория «городская агломерация» и ее существенные признаки. Городскую агломерацию следует рассматривать одновременно как форму расселения (агломерация поселений), размещения производительных сил (агломерация производств), организации местного управления и самоуправления (агломерация как структура управления).

В этой связи категорию «городская агломерация» следует трактовать как форму естественно складывающейся и самоорганизующейся пространственной концентрации и локализации населения, экономических ресурсов и деятельности, представляющую собой компактную зону значительной урбанизации, являющуюся группировкой населенных пунктов и возникшую на основе одного или нескольких крупных городов-ядер, как место жительства и одновременно приложения труда ее населения в рамках недельного жизненного цикла, результат наличие на территории производственных и транспортных узлов, узлов расселения, объединенных устойчивыми и интенсивными транспортными, производственными, административными, рекреационными и др. связями и совместно используемыми ресурсами, прежде всего – трудовыми и инфраструктурными.

Существенными признаками городской агломерации являются:

– компактность – наличие границы между агломерацией и окружающим ее

---

⁸ Бабицкий Д., Валетко В., Радына А., Трубович Е. Аналитический отчет по исследовательскому проекту «Пояс бедности в Беларуси: диагноз, перспективы и рекомендации для политики». URL: http://case-belarus.eu/wp-content/uploads/2015/04/Analitik-otchet_interactiv.pdf (дата обращения 11.11.2021).

пространством, которая определяется различием в интенсивности и устойчивости связей узлов агломерации между собой и внешней средой;

– сложность состава (в агломерацию входит множество разнородных узлов и связей между ними), иерархичность (наличие центра агломерации) и выраженное зонально-поясное развитие;

– системность и целостность – наличие развитых каналов коммуникации и потоков ресурсов между узлами агломерации, а также наличие определенной планировочной организации и территориальной структуры;

– концентрация совместно используемых ресурсов (для получения внешнего эффекта масштаба) и межселенных территорий как следствие компактности;

– наличие маятниковой миграции населения в рамках недельного жизненного цикла между узлами расселения, рекреации (частично) и экономической деятельности;

– относительно устойчивое распределение функций между взаимосвязанными населенными пунктами (городом(и)–ядром(и) и поселениями-спутниками);

– условный характер идентификации границ – установление границ городской агломерации определяется применяемым методическим инструментарием, а также существованием циклической и долгосрочной нестабильности названных границ.

Периодизация процесса формирования и развития городских агломераций. Исследования показывают, что следует выделять пять основных этапов названного процесса – преагломерация, формирующаяся агломерация, сформированная агломерация, развитая агломерация, мегаполис (табл. 1).

Отличие предлагаемого нами подхода к периодизации процесса формирования и развития городских агломераций от существующих в настоящее время, в том числе в рамках теории дифференциальной урбанизации, заключается в:

– рассмотрении в качестве движущей силы процесса развития агломерации не только разноскоростной динамики демографического развития узлов расселения (крупных, средних и малых населенных пунктов), но и, прежде всего, эволюции точек роста (ведущих на разных этапах видов экономической деятельности – традиционных промышленных, реиндустриализированных промышленных, сектора потребительских и деловых услуг и других) экономики урбанизированных территорий и связанного с ней изменения во времени роли центров экономического развития (города(ов)-ядра агломерации, поселений-спутников, интегрированных урбанистических регионов);

– установлении взаимосвязи этапов формирования и развития городских агломераций, стадий урбанизации (точечной, субурбанизации, дезурбанизации, реурбанизации) и развития расселения в ареале городских агломераций (урбанистическая центровая концентрация, городское агломерирование, урбанистическая регионализация, мегаполизация);

– определении факторов перехода агломерации (индустриальное развитие экономики, условия жизни в городе-ядре, транспортная доступность

Таблица 1

Характеристика этапов формирования и развития городских агломераций		Наименование этапа развития городских агломераций			
		Формирующаяся агломерация как совокупность локализованных узлов компактно локализованных узлов экономической деятельности и узлов расселения	Сформированная агломерация как совокупность компактно локализованных узлов экономической деятельности и узлов расселения	Развитая агломерация как урбанистический регион	Металлополис как совокупность взаимосвязанных урбанистических регионов
Характеристика этапа	Предлагломерация как совокупность компактно локализованных узлов экономической деятельности	3	4	5	6
Стадия урбанизации.	2 Точечная урбанизация (процесс развития городов).	3 Субурбанизация (процесс развития пригородов).	4 Дезурбанизация (рурбанизация).	5 Резурбанизация.	6
Стадия развития расселения в ареале городских агломерации.	Урбанистическая центровая (точечная) концентрация.	Городское агломерирование.		Урбанистическая регионализация.	Металлополиция.
Факторы перехода на стадию урбанизации.	Индустриальное развитие экономики.	Условия жизни в городе-ядре: — высокая стоимость недвижимости; — перенаселенность и моральный износ жилья; — высокие местные налоги; — обострение социальных и экологических проблем	Субурбанизация экономической активности – отток производства и сферы услуг из города-ядра в пригородные зоны, перенос туда ряда функций города-ядра вследствие: — дороговизны земли в городе-ядре и ее низкой стоимости в пригородах; — несоответствия производств ужесточившимся экологическим требованиям; — переориентации логистики на автомобильный транспорт вместо железнодорожного и внутреннего водного;	Постиндустриальное развитие экономики. Встраивание агломерации в международное разделение труда. Рост вклада внутренних факторов развития.	Продолжающийся рост территорий урбанистических регионов.
Тип взаимосвязей элементов	Производственные (производственная	Производственные, маятниковая миграция.	Производственные, маятниковая миграция, инфраструктурные (общая	Производственные, инфраструктурные,	Производственные, инфраструктурные,

агломерации.	кооперация).		производственная и социальная инфраструктура), ресурсные функции), передача административные.	культурные, рекреационные, ресурсные административные.	культурные, рекреационные, ресурсные многосторонние.
Динамика численности населения и развития узлов расселения.	Высокий темп роста населения города-ядра, миграционный отток населения из малых, средних городов и сельской местности.	Темп роста населения пригородной зоны опережает темп роста населения города-ядра. Развитие поселений в сферах влияния крупных городов. Развитие окраин. Возрастающая плотность населения в пригородах. Отток состоятельных граждан в пригороды. Город-ядро.	Миграция населения в поселения-спутники. Появляются поселения, способные конкурировать с ядром агломерации. Распространение жизненных стандартов в сельские населенные пункты.	стабилизация численности населения крупных городов, их перестройка и обновление, в том числе градостроительной реконструкцией. Население концентрируется в крупнейших и крупнейших агломерациях. Формирование спутника, происходит рост через ряд промежуточных агломераций. Возникновение полицентрических агломераций, границы между узлами расселения стираются. Город-ядро, поселения-спутники.	Интеграция регионов расселения с наложением влияния соседних агломераций. Формирование агломераций. Формирование агломераций. Возникновение полицентрических агломераций, границы между агломерациями стираются. Город-ядро, поселения-спутники.
Центры экономического развития.	Город-ядро.	Город-ядро.	Поселения-спутники.	Город-ядро, поселения-спутники.	Интегрированные урбанистические регионы.
Точки роста.	Промышленные ВЭД с крупносерийным и массовым производством.	Сектор услуг, ориентированный на потребительский спрос.	Рейндустриализованные промышленные ВЭД. Сектор потребительских и деловых услуг.	Наукоемкие ВЭД. Рейндустриализованные промышленные ВЭД. Сектор наукоемких услуг.	Наукоемкие ВЭД. Рейндустриализованные промышленные ВЭД. Сектор наукоемких услуг.
Общие рынки.	—	Труда.	Труда, недвижимости, земли, услуг.	Единый рынок в рамках урбанистического региона.	Единый рынок в рамках урбанистических регионов.

пригородов, субурбанизация экономической активности и другие) на следующую стадию развития; общих рынков (труда, недвижимости, земли, услуг и других) и типов взаимосвязей (производственная кооперация, маятниковая миграция, инфраструктурная, административная и другие) узлов агломерации на каждой из стадий ее развития.

Влияние городского агломерирования на социально-экономическое развитие вовлеченных в этот процесс территорий. Нами определено, что влияние городского агломерирования на социально-экономическое развитие вовлеченных в этот процесс территорий реализуется на основе ряда возникающих при этом эффектов (табл. 2)⁹.

Новизна предлагаемого нами подхода заключается в:

– классификации названных эффектов в зависимости от объекта воздействия на две группы – эффекты, влияющие на экономическое и на социальное развитие территорий;

– идентификации условий (концентрация населения и экономической деятельности, пространственная близость ресурсов, «сервисизация» экономики и др.), создаваемых процессом городского агломерирования, которые обуславливают возникновение того или иного эффекта влияния названного процесса на развитие территорий;

– выделении и характеристике 15-ти основных эффектов влияния агломерирования на развитие территорий (некоторые эффекты определены впервые, – например, эффекты функциональной адаптации территорий агломерации, кластеризации экономического развития, возникновения замещающей занятости, отделения мест приложения труда и жительства от мест рекреации и сезонной субурбанизации прилегающих территорий);

– установлении инструментов практического использования эффектов городского агломерирования, которые позволяют управлять названным процессом с целью достижения целей и задач регионального развития.

* * *

Таким образом, в результате проведенного исследования:

– уточнено определение категории «городская агломерация» и установлены ее существенные признаки. Это позволяет разработать методическую базу определения границ городских агломераций, устанавливать механизмы и этапы их развития, разрабатывать на этой основе мероприятия по повышению эффективности процессов формирования городских агломераций в контексте повышения их роли как узлов расселения, размещения производительных сил и инструмента экономического развития;

---

⁹ Под эффектом в данном контексте понимается действие, производимое городским агломерированием на социально-экономическое развитие вовлекаемых в названный процесс территорий.

Таблица 2

Эффекты влияния городского агломерирования на экономическое и социальное развитие территорий

Условия, создаваемые процессом агломерирования	Эффект	Характеристика эффекта	Инструменты использования эффекта
1	2	3	4
<p>— возникают в результате укрупнения городских поселений;</p> <p>— создают положительную обратную связь в части роста концентрации населения и экономической деятельности;</p> <p>— воздействуют на экономическое развитие территорий путем снижения издержек хозяйственной деятельности (производственных, бытовых, транзакционных).</p> <p>1. Концентрация экономической деятельности.</p> <p>2. Концентрация экономической деятельности.</p>	<p>1.1. Эффект распределения выгод из совместного использования неделимых благ.</p> <p>1.1.1. Эффект координации спроса и предложения труда.</p> <p>1.1.2. Эффект увеличения емкости пространственно-доступного рынка сбыта.</p> <p>1.1.3. Эффект увеличения емкости пространственно-доступного рынка сбыта.</p>	<p>1. Влияние на экономическое развитие территорий</p> <p>1.1. Эффекты экономики от масштаба</p> <p>Снижение удельных издержек при совместном использовании в агломерации дорогих объектов инфраструктуры, в том числе социально-культурного назначения.</p> <p>«Широкий» (смуклий и разнообразный) общий для агломерации рынок труда увеличивает вероятность совпадения квалификации соискателей и требуемых работодателю навыков и снижает рыночную власть как со стороны спроса, так и предложения труда, что повышает эффективность аллокации трудовых ресурсов.</p> <p>Концентрация потребительского и делового спроса способствует развитию видов деятельности, для которых важное значение имеет расстояние до потребителей.</p>	<p>1. Развитие кластерных структур.</p> <p>2. Концентрация экономической деятельности.</p> <p>3. Концентрация населения.</p> <p>1. Концентрация трудовых ресурсов.</p> <p>2. Концентрация экономической деятельности.</p> <p>Развитие сферы услуг.</p>
<p>— возникают в результате роста разнообразия используемых ресурсов и квалификаций;</p> <p>— воздействуют на экономическое развитие территории агломерации путем роста производительности на основе увеличения разделения труда и возникновения синергетических эффектов взаимодействия видов экономической деятельности;</p> <p>— способствуют встраиванию экономики агломерации в региональное, национальное и международное разделение труда.</p> <p>1. Концентрация трудовых ресурсов.</p> <p>2. Концентрация экономической деятельности.</p>	<p>1.2. Эффекты экономики от специализации</p> <p>1.2.1. Эффект роста специализации при увеличении концентрации ресурсов и экономической активности.</p> <p>1.2.2. Эффект снижения логистических издержек у специализированных производств.</p>	<p>Концентрация ресурсов и производств позволяет преодолеть нижнюю границу минимально необходимого масштаба ряда видов экономической деятельности, что способствует росту ее разнообразия, и как следствие, разнообразия используемых ресурсов и квалификаций.</p> <p>Концентрация производств сходной специализации способствует росту физической доступности специфичных для них ресурсов и сокращению затрат на их привлечение. Аналогичная ситуация имеет место с реализацией продукции, работ, услуг.</p>	<p>Дифференциация и диверсификация производств.</p> <p>Увеличение производственной специализации и развитие производственной кооперации.</p>

Исчерпание резервов развития ряда видов экономической деятельности в рамках элемента агломерации определенного уровня.	1.2.3. Эффект функциональной адаптации территорий агломерации на основе «каскадной» передачи функций и производств от города-ядра к узлам второго и последующих порядков.	Рост стоимости и ограниченности земельных ресурсов, аренда производственных (торговых, офисных) площадей, стоимости рабочей силы вызывает передачу функций (торгово-розничательных, транспортно-логистических и др.) и вывод ряда видов экономической деятельности (например, массовое производство продукции, заготовительные стадии производства и т.д.) в поселения-спутники, которые, в свою очередь, передают ряд своих функций и производств сельской местности.	1. Вынос производств за пределы города-ядра агломерации. 2. Создание функционально специализированных городов-спутников.
1.3. Эффекты экономики от локализации			
— возникают в результате пространственной близости экономических агентов;			
— связаны с получением выгод от внешнего эффекта масштаба;			
— воздействуют на экономическое развитие территории агломерации посредством активизации процессов диффузии инноваций и кластеризации.			
1. Концентрация трудовых ресурсов.	1.3.1. Эффект диффузии инноваций на основе интенсификации обучения.	Локализация концентрированных и разнообразных рынков труда и продукции (работ, услуг) в рамках небольшого пространства снижает барьеры для передачи опыта и знаний путем непосредственного взаимодействия экономических субъектов и роста доверия между ними.	1. Развитие инновационных видов экономической деятельности. 2. Развитие сфер науки и образования.
3. Локализация (пространственная близость) ресурсов и экономической деятельности в рамках небольшого пространства.	1.3.2. Эффект кластеризации экономического развития.	Концентрация ресурсов, экономической деятельности в рамках небольшого пространства, его инфраструктурная связность позволяет решать проблемы развития города-ядра путем развития поселений-спутников, формирования кластеров экономических центров.	1. Развитие городов-спутников. 2. Разработка и реализация единой стратегии развития агломерации.
4. Инфраструктурная связность территории.			
2. Влияние на социальное развитие территорий			
2.1. Эффекты структуры населения			
— создают положительную обратную связь в части роста концентрации населения молодого возраста и трудовых характеристик населения;			
— воздействуют на социальное развитие территорий посредством увеличения количественных и качественных характеристик населения.			
1. Концентрация более молодого населения.	2.1.1. Эффект опережающего естественного прироста населения.	Складывающаяся в агломерации за счет миграционных процессов структура населения и условия его жизни способствуют опережающему приращению территории естественному приросту численности населения.	Развитие трудовых видов экономической деятельности.
2. Высокий уровень развития инфраструктуры здравоохранения.	2.1.2. Эффект опережающего роста человеческого капитала.	«Широкий» рынок труда и структура экономики агломерации привлекает квалифицированную рабочую силу, а диффузия инноваций способствует росту ее компетенций.	1. Развитие инновационных и наукоемких производств. 2. Развитие сектора рыночных и нерыночных интеллектуальных услуг.
3. «Сервисизация» структуры экономики.			
1. Концентрация трудовых ресурсов.			
2. Концентрация экономической деятельности.			
— обуславливают возникновение маятниковой миграции и формирование общего рынка труда;			

<p>– способствуют процессам агломерирования территорий.</p> <p>Различная пространственная локализация мест приложения труда и жительства.</p>		<p>2.2.1. Эффект инициирования маятниковой миграции.</p> <p>2.2.2. Эффект возникновения замещающей занятости.</p>	<p>Различная пространственная локализация мест приложения труда и жительства способствует интенсификации маятниковой миграции населения агломерации.</p> <p>Вакантные рабочие места в городе-ядре занимают жители городов-спутников, а их рабочие места – жители прилегающей к городам-спутникам сельской местности.</p>	<p>1. Развитие трудоёмких видов экономической деятельности.</p> <p>2. Развитие транспортной связности пространства агломерации.</p>
<p>2.3. Эффекты качества жизни населения</p>				
<p>– обуславливают миграцию населения в центры экономического развития;</p> <p>– стимулируют процессы освоения пригородов и урбанизации территории агломерации.</p>				
<p>1. Высокий уровень развития инфраструктуры.</p> <p>2. Концентрация трудовых ресурсов.</p>	<p>2.3.1. Эффект увеличения воздействия центростремительных сил на миграционные потоки.</p>	<p>Высокое качество жизни повышает привлекательность агломерации как места жительства, вызывая положительный миграционный прирост населения.</p>	<p>1. Развитие инновационных и наукоёмких производств.</p> <p>2. Развитие сектора рыночных и нерыночных интеллектуальных услуг.</p>	<p>1. Интеграция зелёных зон на территорию агломерации. Создание особо охраняемых природных территорий в границах агломерации.</p> <p>2. Полифункциональное зонирование территории.</p> <p>3. Развитие полупешеходного транспорта.</p> <p>4. Уменьшение санитарно-защитных зон за счет повышения экологичности производства.</p> <p>5. Стимулирование процессов дезурбанизации, развитие инфраструктуры территорий субурбанизации.</p>
<p>Урбанизация территории.</p>	<p>2.3.2. Эффект отделения мест приложения труда и жительства от мест рекреации и сезонной субурбанизации прилегающих территорий.</p>	<p>Активное строительство в пределах агломерации, развитие транспортной инфраструктуры вызывает разрушение естественного природного ландшафта, сокращение площади зелёных насаждений, удаление населения от мест рекреации. В результате на прилегающих к городам территориях возникают дачные, коттеджные поселки, городские жители приобретают жилье в сельских населенных пунктах (дезурбанизация).</p>	<p>1. Интеграция зелёных зон на территорию агломерации. Создание особо охраняемых природных территорий в границах агломерации.</p> <p>2. Полифункциональное зонирование территории.</p> <p>3. Развитие полупешеходного транспорта.</p> <p>4. Уменьшение санитарно-защитных зон за счет повышения экологичности производства.</p> <p>5. Стимулирование процессов дезурбанизации, развитие инфраструктуры территорий субурбанизации.</p>	<p>1. Развитие инновационных и наукоёмких производств.</p> <p>2. Развитие сектора рыночных и нерыночных интеллектуальных услуг.</p> <p>3. Развитие полупешеходного транспорта.</p> <p>4. Уменьшение санитарно-защитных зон за счет повышения экологичности производства.</p> <p>5. Стимулирование процессов дезурбанизации, развитие инфраструктуры территорий субурбанизации.</p>
<p>1. Изменение структуры экономики города-центра агломерации.</p> <p>2. Развитие полицентричности города-центра агломерации.</p> <p>3. Развитие городов-спутников.</p>	<p>2.3.3. Эффект деградации старого городского центра.</p>	<p>Тенденции развития города-ядра и прилегающих территорий смешают экономическую активность из центра города на его периферию, в поселения-спутники, узлы транспортных коммуникаций и т.д., что вызывает деградацию старого городского центра.</p>	<p>Развитие старых городских центров на основе использования благоприятного местоположения, недвижимости, трудовых ресурсов.</p>	<p>Развитие старых городских центров на основе использования благоприятного местоположения, недвижимости, трудовых ресурсов.</p>

– раскрыта периодизация процесса формирования и развития городских агломераций, что дает возможность разработать методическую базу определения этапов эволюции городских агломераций, а также практические рекомендации, направленные на создание дополнительных возможностей для ускорения их развития, комплексное функционирование входящих в них территорий и поселений, рациональное использование ресурсов, улучшение среды жизнедеятельности населения в границах агломераций;

– установлено и раскрыто содержание эффектов, на основе которых реализуется влияние городского агломерирования на развитие вовлеченных в данный процесс территорий. Это позволяет разработать методическую базу оценки влияния городского агломерирования на социально-экономическое развитие территорий, а также сформулировать практические рекомендации, направленные на стимулирование центрами роста социально-экономического развития прилегающих к ним территорий.

Литература

1. *Ушаков В.А.* Проблемы формирования и приоритеты развития городских промышленных агломераций // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2009. Т. 5. № 19(52). С. 70–79.
2. *Богорад Д.И.* Районная планировка. Вопросы планировки промышленных районов // М.: Госстройиздат, 1960. 243 с.
3. *Давидович В.Г., Гутман Г.В., Лаппо Г.М.* Вопросы развития городских агломераций в СССР // Современные проблемы географии. М., 1964. 135 с.
4. *Петров Н.В.* Городские агломерации: состав, подходы к делимитации // Проблемы территориальной организации пространства и расселения в урбанизированных районах. Свердловск, 1988. 262 с.
5. *Лаппо Г.М., Полян П.М., Селиванова Т.И.* Агломерации России в XXI веке // Вестник Фонда регионального развития Иркутской области. 2007. № 1. С. 45–52.
6. *Рой О.М., Филиппенко В.А.* Диагностика социально-экономического развития северных городских агломераций // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2008. № 1. С. 4–8.
7. *Мушинова Н.Н., Новикова В.С., Холодиков Д.С.* Городское агломерирование и подходы к оценке уровня развития городских агломераций // Муниципальная академия. 2020. № 1. С. 167–171.
8. *Колодин А.В.* Формирование городских агломераций как фактор экономического развития региона // Terra Economicus. 2009. Т. 7. № 3-3. С. 262–264.
9. *Кормакова Е.С., Мокичев С.В.* Агломерации – стратегическая составляющая устойчивого развития региональной экономической системы // Экономика и управление. 2011. № 81. С. 99–103.
10. *Растворцева С.Н.* Управление развитием процессов концентрации экономической активности в регионе: подходы новой экономической географии: монография // М.: Эконинформ, 2013. 131 с.
11. *Власова Н.Ю., Антипин И.А.* Городские агломерации: история, современность, стратегические ориентиры // Известия Уральского государственного экономического университета. 2010. № 3(29). С. 106–112.
12. *Полян П.М., Заславский И.Н., Наймарк Н.И.* Проблемы делимитации городских агломераций: сравнение и синтез ведущих методик // Проблемы территориальной организации пространства и расселения в урбанизированных районах. Свердловск, 1988. 84 с.

13. Лаппо Г.М., Полян П.М., Селиванова Т.И. Агломерации России в XXI веке // Вестник Фонда регионального развития Иркутской области. 2007. № 1. С. 45–52.
14. Горяченко Е.Е., Мосиенко Н.Л. Городская агломерация как элемент социально-территориальной структуры общества // ЭКО, 2014. № 5(479). С. 56–68.
15. Ижгузина Н.Р. Теоретические и методологические принципы управления городскими агломерациями (на примере Екатеринбургской городской агломерации) // Современные технологии управления: сб. материалов междунар. науч. конф. – Киров: МЦНИП, 2014. С. 612–623.
16. Яроцкая Е.В. К вопросу о критериях идентификации городской агломерации в условиях инновационного развития регионов // Вестник науки Сибири. 2012. № 5(6). С. 185–190.
17. Gibbs J. The evolution of population concentration // Economic Geography. 1963. № 2. P. 119–129.
18. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Теория «дифференциальной урбанизации» и иерархия городов в России на рубеже XXI века // Проблемы урбанизации на рубеже веков. Смоленск, 2002. С. 71–86.
19. Klaassen L., Scimemi G. Theoretical issues in urban dynamics // Dynamics of Urban Development. N.Y.: St Martin's Pres., 1981. P. 8–28.
20. Нецадин А.А. Городские агломерации как инструмент динамичного социально-экономического развития регионов России // Общество и экономика. 2010. № 12. С. 23–27.
21. Ушаков В.А. Проблемы формирования и приоритеты развития городских промышленных агломераций // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2009. Т. 5. № 19(52). С. 70–79.
22. Mills E. S., Bruce W. H. Urban Economics. – Glenview; IL: Scott, Foresman, and Co., 1984. – 420 p.
23. Krugman P. First Nature, Second Nature, and Metropolitan Location // Journal of Regional Science. 1993. Vol. 33:2. P. 129–44.
24. Quigle J.M. Urban Diversity and Economic Growth // Journal of Economic Perspectives. 1998. Vol. 12(2). P. 127–138.
25. Shefer D. Localization Economies in SMSAs: A Production Function Analysis // Journal of Regional Science. 1973. Vol. 13. P. 55–64.
26. О'Салливан А. Экономика города. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 706 с.
27. Джонсон К. Меняющиеся городские агломерации: от территориального «расползания» к формированию устойчивых городских сообществ // Эра городов. 1999. С. 22–23.
28. Волчкова И.В. Актуальные социально-экономические проблемы формирования городских агломераций в Сибирском федеральном округе // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 12. С. 16–21.
29. Лола А. Принципы управления крупнейшим городом // Проблемы теории и практики управления. 1997. № 2. С. 73–80.
30. Миронов Н.М. Городские агломерации: зарубежный опыт // Местное право. 2009. № 5–6. С. 53–80.
31. Колодин А.В. Городские агломерации второго порядка как фактор экономического развития региона // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. Т. 8. № 31(172). С. 28–37.
32. Рыжова Н.П. Кросс-границные городские агломерации как экономический стимул развития региона // Российский экономический интернет-журнал. 2008. № 2. С. 59–73.
33. Павлович Л.А. Минский промышленный узел и перспективы его развития: дис. канд. геогр. наук [специальность 11.691 Экономическая география СССР]. – Минск: Белорусский государственный университет им. В.И. Ленина, 1970. – 221 л.
34. Концептуальная модель управления городами-спутниками Минска / Т.С. Вертинская, А.В. Кельник, А.В. Богданович и др. // Минск: Белорусская наука, 2013. 196 с.

35. *Богданович А.В.* Совершенствование управления формирования Минской агломерации // Экономический бюллетень НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь. 2014. № 11. С. 12–22.

Mikalai Drahun (e-mail: dragunnp@gmail.com)

Ph.D. in Economics, Associate Professor,

Head of the Center for Investment and Innovation Policy,

Research economic institute of the Ministry of Economy of the Republic of Belarus (Minsk, Republic of Belarus)

Iryna Ivanouskaya (e-mail: ivanovskayaiv@gmail.com)

Ph.D. in Economics, Associate Professor

Head of the Department of Economics and Management,

Belarusian-Russian University (BRU) (Mogilev, Republic of Belarus)

THE URBAN AGGLOMERATION: THE CONCEPT, THE DEVELOPMENT STAGES AND MECHANISMS

The urbanization processes in many countries of the world are characterized by a high concentration of the population in the capitals and centers of the regions, which causes numerous problems, primarily the growth of interregional differentiation and the territorial imbalance of economic development. This actualizes the problem of managing agglomeration processes, the solution of which requires the presence of the theoretical base necessary for the development of methods and measures of regional policy.

The article develops the theoretical foundations for the formation and development of urban agglomerations, including the clarification of the notion, and describes their essential features. The periodization of the agglomeration growth is given, and the characteristics of its five main stages are revealed. The effects that arise in the process of urban agglomeration, which determine its impact on the economic and social development of the territories involved in the process, are shown and classified.

The author uses the methods of content analysis, grouping, comparative analysis, as well as the monographic, historical and scientific abstraction. The results of the study can be used by scientists and for the development of a methodological framework for agglomeration management, strategies, concepts, programs and projects of regional development.

Keywords: agglomeration, urbanization, agglomeration links, formation of agglomerations, deurbanization, satellite town, agglomeration boundaries, regional policy, socio-economic development, core-city.

DOI: 10.31857/S020736760021499-7

The article has been prepared with the support of the Belarusian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project No. G21-023 «Formation of urban agglomerations as drivers of regional development of the Republic of Belarus».

© 2022

Мария Арзумян

научный сотрудник Центра экономической теории социального сектора
Института экономики Российской академии наук (г. Москва, Россия)
(e-mail: arz.marie@mail.ru)

СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ МОДЕЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА (НА ПРИМЕРЕ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН)

В статье рассматриваются особенности скандинавской социально-ориентированной модели государства и экономики. Анализируются факторы, определяющие достижение высоких показателей эффективности развития сферы образования, в частности, обеспечения доступности и качества образования. Также исследуются механизмы финансирования и особенности институциональной структуры сферы образования в скандинавских странах. Обосновывается вывод о том, что страны Северной Европы являются одним из успешных примеров реализации социальной политики и развития социокультурной среды, направленных на развитие человеческого потенциала. В этих странах не только разрабатываются инструменты по расширению возможностей поддержки граждан, но и сами граждане проявляют большую социальную активность. Утверждается, что опыт скандинавских стран может быть использован для совершенствования социально-экономической политики в сфере образования России.

Ключевые слова: образование, государство, человеческий потенциал, социальная политика, социально-ориентированная модель образования, скандинавская экономическая модель, скандинавская модель образования.

DOI: 10.31857/S020736760021500-9

Вопросы модернизации условий жизни граждан поднимаются в течение всей мировой истории, являясь актуальными на любой период времени. К одним из главенствующих факторов поддержания позитивной стабильности жизнеобеспечения общества относится грамотно выстроенная система образования, представляющая собой единство воспитания, обучения и просвещения, нацеленная на обеспечение развития человеческого потенциала.

Анализируя мировые тенденции в образовании, стоит выделить зависимость между реализацией государством своих функций в этой области, курсом его политики в экономике и качественным уровнем общества, в первую очередь – его человеческим потенциалом. На протяжении многих десятилетий перед учеными стоят задачи, направленные на оценку качества данных связей, выбора наиболее подходящей модели реализации функций государства в сфере образования и возможности применения принципов анализируемого опыта в своих странах. Так, в экономической литературе рассматривается теория эндогенного роста, подчеркивающая прямую корреляцию между высоким уровнем образования и экономическим ростом государства, на основании которой разрабатываются в дальнейшем образовательные реформы [18].

Тем не менее в современном капиталистическом мире сложно отрицать крупные масштабы разрыва возможностей между разными группами лиц и стран по уровню благополучия во всем мире, что негативно сказывается на воспроизводстве человеческого потенциала во многих странах мира. Капитализм укрепляет и расширяет неравенство, ограничивая доступ малоимущих социальных групп к общественным благам и технологическому прогрессу, оказывая разрушительное влияние на уровни продолжительности жизни, образования, криминогенности и, как следствие, – на качество человеческого потенциала в целом.

Анализируя данную корреляцию, можно обратиться к исследованию НИУ Высшей школы экономики (ВШЭ), актуализирующему влияние инвестиций в сферу образования в зависимости от уровня экономического развития страны и доходов. В результате исследования было подтверждено, что в условиях «богатых» государств инвестиции во все ступени образования имеют положительную отдачу в форме прироста ВВП, в отличие от бедных, в которых ситуация может быть противоположна в части среднего и профессионального образования. В качестве возможных причин подобного разрыва исследователи приводят факторы недостаточной востребованности образования высокого уровня в странах со слабо развитыми технологиями, рынками труда и производительностью [11].

Страны ядра капиталистической системы во много раз превосходят по своему развитию другие, образуя из первых «социальную элиту», отчужденную от полупериферии и периферии. В то же время внутри самих государств также присутствует неравенство, раскалывающее общество и определяющееся разницей качества жизни между мегаполисами и отдельными регионами.

В качестве примера можно привести Российскую Федерацию: в 2020 г. на долю 10% наиболее обеспеченных россиян пришлось 29,9% совокупных денежных доходов населения. На долю 10% наименее обеспеченных россиян пришлось 2,1% общих денежных доходов населения страны. По данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат) за 2020 год месячный доход более половины россиян составил менее 27 тыс. руб., у 5,9% – менее 10 тыс. руб., 3,9% – менее 7 тыс. руб. Доход каждого россиянина в 2020 году в среднем составил не более 14 тыс. руб.¹

Неравенство усиливается под воздействием последних глобальных событий: по оценкам Международного валютного фонда, эффект COVID-19 окажет существенное влияние в том числе на будущее неравенство между странами: согласно заявлению президента Всемирного банка Дэвида Малпасса, доходы 40% самых богатых людей восстановились быстрее, при этом у 40% беднейших восстановление доходов еще не началось².

¹ Доходы, расходы и сбережения населения. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 01.05.2022).

² Всемирный банк заявил о росте глобальной бедности из-за коронавируса. URL: https://1prime.ru/state_regulation/20211011/834940173.html (дата обращения: 10.05.2022).

Исучая влияние последствий принятых экстренных мер, ряд исследователей подчеркивает усиление уже имеющихся проблем, вызванных неравенством в обладании необходимыми ресурсами между отдельными гражданами или целыми семьями для обеспечения непрерывного дистанционного образовательного процесса. Как отмечается профессором-исследователем HSBC Северо-Западного университета Маттиасом Допке, беднейшей трети населения онлайн-образование не помогает, оно создает еще больше неравенства³. Проведенное исследование ВШЭ на основании данных опроса 11,5 тысяч очных и очно-заочных учащихся вузов, оценивающее взаимосвязь между характером трудностей, возникающих у студентов в условиях дистанционного обучения и их социально-экономическим статусом, продемонстрировало, что 12% малообеспеченных студентов не имели никакой техники для дистанционной учебы, кроме мобильного телефона, который не всегда подходит для существующих учебных программ. Без каких-либо технических сложностей учились почти 80% обеспеченных респондентов и только 63% студентов с низким социально-экономическим статусом⁴. С теми же и иными проблемами сталкивались семьи в процессе перехода на дистанционное обучение в школах, что демонстрируют результаты проводимого опроса центра EdCrunch University: большинство родителей – 72% опрошенных – считают, что дистанционное обучение приводит к расстройству учеников, что особенно заметно в условиях, когда некоторые классы остаются на очном образовании, а часть переходит на удаленный формат⁵.

В настоящее время сформировано две наиболее явные модели развития сферы образования: рыночно-ориентированная и социально-ориентированная. В своих исследовательских трудах Н. Яковлева иллюстрирует проблемы влияния рыночных реформ на сферу образования в РФ, подчеркивая фундаментальные отличия ключевых характеристик каждой из вышеупомянутых моделей [18, 19, 20].

Укрепление позиций рыночно-ориентированной модели образования находится в противоречии с развитием образования как сферы формирования и развития креативных качеств большинства членов общества и, таким образом, оказывает негативное влияние на качество человеческого потенциала. Примером реализации рыночно-ориентированной модели образования являются США, Великобритания, Япония. Социально-ориентированная модель характерна для скандинавских стран. К более подробному анализу последней мы перейдем ниже, определив следующий вектор исследовательских вопросов:

---

³ «Онлайн-образование только усиливает социальное неравенство». Профессор Маттиас Допке – О том, как экономика влияет на воспитание детей. URL: <https://takiedela.ru/news/2021/07/30/usilivaet-neravenstvo/> (дата обращения: 09.09.2021).

⁴ Дистант выставляет проблемы студентов напоказ. URL: <https://ioe.hse.ru/news/454253836.html> (дата обращения: 04.10.2021).

⁵ Потеря знаний и здоровья: школы вновь уходят в онлайн. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2020/09/26/13268935.shtml> (дата обращения: 18.11.2021).

1. Каким образом в странах Северной Европы удалось достичь высоких показателей качества систем образования? 2. Как выбор социально-ориентированной политики государства влияет на благосостояние общества в современных реалиях? 3. Насколько применим опыт исследуемых стран для других, менее развитых в анализируемой сфере.

Таблица 1

**Ключевые характеристики рыночно-ориентированной
и социально-ориентированной моделей**

Рыночно-ориентированная модель	Социально-ориентированная модель
Воспитание рыночной парадигмы мышления и подчинение образовательного процесса системе отношений товарного обмена.	Ориентация на развитие личностных качеств и социально-ответственного образования, основанного на единстве процессов обучения, воспитания и просвещения.
Снижение бюджетного финансирования.	Бюджетное финансирование не менее показателя 6–8% от ВВП.
Коммерциализация всех уровней образования.	Возрастает роль демократичной модели образования, базирующейся на принципах самоуправления образовательных коллективов и их объединений, открытости и гласности образовательной политики при активном участии гражданского общества.
Формирование элитарной модели образования (неравный доступ к образованию с экономической, социальной, пространственной и культуры точек зрения).	Формирование эгалитарной модели образования (бесплатное школьное и большая часть высшего образования).

Источник: составлено автором по работам Н. Яковлевой⁶.

Социально-ориентированная модель развития государства и экономики (на примере скандинавской модели). Как уже было отмечено ранее, к наиболее успешным социально-ориентированным моделям сферы образования можно отнести скандинавскую модель, охватывающую страны Северной Европы: Исландию, Норвегию, Швецию, Финляндию и Данию. Данные государства являются локомотивами в создании «общества всеобщего благосостояния» [8]. Для понимания диалога между представителями государства и обществом в формировании социально-ориентированного пути развития сферы образования перечисленных стран необходимо выделить основные принципы, присущие «скандинавской модели» экономики, отражающие жизнь общества.

⁶ Яковлева Н.Г. Противоречия трансформации образования в современной экономике (политико-экономический подход): диссертация ... доктора экономических наук: 08.00.01. Москва, 2021; Яковлева Н.Г. Технологические и социально-экономические трансформации начала XXI века: роль и место образования // Экономическое возрождение России 2020. №2(64). С. 133–141.

В первую очередь важно подчеркнуть, что скандинавская модель нацелена на создание общественной системы нового типа, где материальные блага производятся частными хозяйствами, но в то же время государство через специальные программы перераспределяет их для большей социальной справедливости. «Дом для народа» сочетает в себе как капиталистические, так и социалистические черты [8]. Структура экономики «скандинавской модели» смешанная: скандинавские страны придерживаются свободного рыночного капитализма, существующего в сочетании с крупным государством всеобщего благосостояния:

– правительства стараются не вмешиваться в рыночные отношения и не бояться свободного рынка: созданы благоприятные условия для ведения частного бизнеса (защита прав собственности, низкие барьеры для торговой деятельности, поддержание конкуренции и др.). В странах Северной Европы были созданы известные мировые компании *IKEA, H&M, Volvo, Skype, Nokia*;

– в то же время государства активно участвуют в разрешении вопросов и соблюдении интересов как предпринимателей, так и профсоюзов, обеспечивая социальный диалог между работниками и работодателями. Особенно важна роль профсоюзов в случае, если работник теряет работу: они помогают найти новую работу или переквалифицироваться. Граждане доверяют профсоюзам, в этой связи в них состоят более 70% работников (в России на 2016 год показатель составлял около 30%)⁷.

Исторически древнескандинавское общество отличалось самоорганизацией: значимые вопросы общественной жизни (текущие, законодательные, о выборе королей и др.) обсуждались народным собранием под открытым небом – тингом. Регулирование власти характеризовалось децентрализацией и системой договоренности между регионами: региональные законы предшествовали королевским. Данное обстоятельство является ключом к пониманию «скандинавской модели»: в историческом разрезе каждый гражданин, в том числе крестьянин, мог участвовать в обсуждении вопросов различной значимости и вносить свои поправки, что естественным образом положительно сказывалось на росте уважения к закону, друг к другу и доверия к правителю [3].

Сложно не заметить положительные результаты проводимой политики реализации «скандинавской модели» на формирование человеческого потенциала:

– согласно докладу 2019 года ООН, государства Северной Европы входят в число ведущих стран по очень высокому Индексу человеческого развития (ИЧР, *Human Development Index, HDI*): Исландия (6-е место), Норвегия (1-е место), Швеция (8-е место), Финляндия (12-е место) и Дания (11-е место)⁸. Стоит

---

⁷ Профсоюзы и социальные гарантии на современном этапе интеграции в ЕС: опыт скандинавских стран. URL: http://www.baltic-course.com/rus/kruglij_stol/?doc=7335 (дата обращения: 01.04.2022).

⁸ Доклад о человеческом развитии 2019. За рамками уровня доходов и средних показателей сегодняшнего дня: неравенство в человеческом развитии в XXI веке. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr_2019_overview_-_russian.pdf (дата обращения: 12.02.2022).

отметить, что индекс человеческого развития учитывает три показателя: уровень грамотности; уровень жизни, оцениваемый через ВНД (*валовой национальный доход*) по ППС (*паритет покупательской способности*); ожидаемая продолжительность жизни – то есть он напрямую зависит от выбранной социальной политики, проводимой тем или иным государством;

– благодаря транспарентности политической системы, уровень коррупции в рассматриваемых странах низок. В соответствии с Индексом восприятия коррупции (*ИБК, Corruption Perceptions Index – CPI*)⁹ за 2020 год (рассчитывается для 180 стран, показатели варьируются от 0 до 100 баллов, где 100 – абсолютное отсутствие коррупционной деятельности, а 0 представляет противоположную ситуацию), Дания занимает лидирующие позиции, разделяя первое место с Новой Зеландией (оценивается в 88 единиц), Финляндия – 3 место (85), Швеция – 4 место (85 ед.), Норвегия – 7 место (84 ед.), Исландия – 17 место (75 ед.). Для сравнения: Россия занимает 129 место (30 ед.).

В среде социально-политических экспертов присутствует широко распространенное негативное представление о пределах развития «скандинавской модели». Так, например, критикуется высокая налоговая нагрузка – во всех странах Северной Европы прогрессивная налоговая ставка, что приводит к переносу бизнеса в страны с более низкими ставками. Однако скандинавское общество отличается высоким уровнем социальных гарантий своих прав и нужд, обеспеченных уплачиваемыми налогами. Низкий уровень расслоения общества между богатыми и бедными (индекс Джини не превышает 29%) в странах Северной Европы приводит к тому, что все население имеет равный доступ к услугам одинакового качества. Данный фактор напрямую влияет на избегание такого социального явления, как уклонение от налогов, так как каждый гражданин может оценить эффективность своего вложения в общую систему предоставления таких общественных благ, как здравоохранение или образование [8].

Так, Северная Европа идет по пути сохранения социального равенства в главенствующих сферах общества. Поставив здесь многоточие, мы можем перейти к рассмотрению опыта реализации социально-ориентированной модели развития образования, в частности, в рамках капиталистической системы на примере скандинавских стран.

Социально-ориентированная модель развития образования (на примере скандинавских стран). Важнейшим компонентом «скандинавской модели» образования является системное, целостное продвижение государственной поддержки по всем направлениям развития сферы образования. Например, в современной Финляндии широко реализуема концепция «обучающегося общества», разработку которой шведский профессор Торстен Хюсен датирует последним десятилетием XX в. В дальнейшем она была значительно переосмыслена финскими учеными и вышла

⁹ Corruption Perceptions Index. URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2020/index/nzl> (accessed 19.05.2022).

за границы педагогической проблематики, затрагивая характеристики всего общества в целом. Незыблемым фундаментом развития «скандинавской модели» является то, что образование рассматривается в широком социально-экономическом контексте, включающем в себя как профессиональные интересы населения, так и качество всей его жизни [10].

Данный аспект может быть проиллюстрирован наглядно следующими статистическими показателями: в обществах с наиболее развитыми системами образования наименьшее число как заключенных, так и полицейских на душу населения (см. табл. 2 и табл. 3).

Таблица 2

Рейтинг стран по качеству образования по данным исследования PISA (2018 г.)

Позиция в рейтинге	Страна	Средний балл
10	Финляндия	516.3
14	Великобритания	503.7
17	Швеция	502.3
25	США	495.0

Источник: составлено по научным материалам Н. Яковлевой¹⁰ и OECD. PISA 2018¹¹.

Таблица 3

**Количество полицейских и заключенных
на 100 000 чел. населения (2018 г.)**

Страна	Количество полицейских	Количество заключенных
Финляндия	139.3	53
Швеция	196.9	68
США	238 ¹²	639
Великобритания (Англия и Уэльс)	211 ¹³	132

Источник: составлено по научным материалам Н.Г. Яковлевой¹⁴ и World Prison Brief¹⁵, PORDATA¹⁶.

¹⁰ см. [6].

¹¹ OECD. PISA 2018 Results (Volume III): What School Life Means for Students' Lives. – OECD, 2019.

¹² 2018 Crime in the United States // FBI: URL: <https://ucr.fbi.gov/crime-in-the-u.s/2018/crime-in-the-u.s.-2018/tables/table-74> (accessed: 28.12.2021).

¹³ Home Office. (2020). Police Workforce, England and Wales, 30 September 2019. Dandy Booksellers limited. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/861800/police-workforce-sep19-hosb0220.pdf (accessed: 28.12.2021).

¹⁴ см. [6].

¹⁵ Highest to Lowest – Prison Population Rate // World Prison Brief. URL: https://www.prisonstudies.org/highest-to-lowest/prison_population_rate?field_region_taxonomy_tid=14 (accessed: 27.05.2022).

¹⁶ Police officers per 100 thousand inhabitants // Base de Dados Sobre Portugal Contemporâneo. URL: <https://www.pordata.pt/en/Europe/Police+officers+per+100+thousand+inhabitants-3356> (accessed: 28.05.2022).

Отдельно важно отметить высокий уровень государственных расходов для развития образовательной среды и НИОКР в соотношении с ВВП (табл. 4).

Таблица 4

**Динамика расходов на образование в скандинавских странах
в 1995–2018 гг. (в % к ВВП)**

Страна	Год								
	1995	2000	2006	2010	2011	2012	2013	2016	2018
Дания	7,4	8,1	7,7	8,6	8,6	7,3	8,6	7,6	7,8
Финляндия	6,8	5,7	5,9	6,5	6,5	7,2	7,2	7,2	6,3
Исландия	4,7	6,5	7,3	7,2	7	7,9	7,8	7,4	7,6
Норвегия	7,7	6,5	6,4	6,8	6,5	7,4	7,4	7,7	7,6
Швеция	6,2	6,8	6,4	6,6	6,5	7,7	7,7	7,7	7,6

Источник: The World Bank Data¹⁷.

Таблица 5

**Динамика расходов на НИОКР в скандинавских странах
в 1996–2018 гг. (в % к ВВП)**

Страна	Год								
	1997	2000	2006	2010	2011	2012	2013	2016	2018
Дания	1,98	2,13	2,40	2,92	2,94	2,98	2,97	3,09	3,03
Финляндия	2,62	3,24	3,33	3,71	3,62	3,40	3,27	2,72	2,76
Исландия	1,07	2,58	2,89	2,60	2,41	2,41	1,70	2,13	2,04
Норвегия	1,59	1,61	1,46	1,65	1,63	1,62	1,65	2,04	2,07
Швеция	3,27	3,38	3,48	3,17	3,19	3,23	3,26	3,25	3,31

Источник: The World Bank Data¹⁸.

Подобные экономические отношения влияют на развитие соответствующей эгалитарной системы образования, нацеленной на равномерное распределение благ. Рассмотрим основные черты «скандинавской модели» в сфере образования:

– в Финляндии обеспечена стопроцентная грамотность населения; 13% финнов имеет базовое образование (9 классов), 45% полное среднее образование (колледж или лицей), а 42% – высшее [9];

¹⁷ Government expenditure on education, total (% of GDP) / World bank. URL: https://data.worldbank.org/indicator/SE.XPD.TOTL.GD.ZS?end=2020&most_recent_value_desc=true&start=1970 (accessed 19.05.2022).

¹⁸ Research and development expenditure, total (% of GDP) / World bank. URL: https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS?end=2019&most_recent_year_desc=true&start=1996&view=chart (accessed 19.05.2022).

– равный доступ к получению образования вне зависимости от социального положения и национальной принадлежности (в настоящее время в Финляндии школьное образование общедоступно, бесплатно и сконцентрировано в государственных средних образовательных организациях): сбалансированность школьного образования – разница в преподавании между учебными заведениями минимальна, что позволяет выбрать школу по территориальному признаку;

– транспортная доступность школ: каждому учащемуся предоставляется возможность обучаться рядом со своим домом, а в случае, если это невозможно (например, в сельской местности) – обеспечивается бесплатный транспорт¹⁹;

– широко известно, что большая часть учебных заведений в скандинавских странах – государственные, однако и частные школы, и вузы также получают государственные субсидии;

– высшее образование в Финляндии также является на 80% бесплатным и, более того, дополняется рядом стипендий и иных средств поддержки студентов. Основные университеты страны являются государственными. Эти общественные институты образования позволяют маленькой и не имеющей значимых сырьевых ресурсов Финляндии занимать высокие места в рейтингах, характеризующих развитие высшего образования (7 место в рейтинге образования PISA 2018²⁰, 5-е в PISA 2015²¹);

– автономность и независимость высших учебных заведений стран Северной Европы – гарант их гибкости и адаптации к изменениям современного мира, достижениям науки, требованиям общества и др. [21];

– Финляндия, вместе с Данией, Норвегией и Швецией, признаются самыми успешными странами по созданию, удержанию и привлечению талантов. «Рейтинг мирового таланта IMD», включающий 63 страны, ставит Финляндию на одно из первых мест (Испанию – на 31е место, Россию – на 46-е). Данный факт эксперты объясняют тем, что «образовательные системы этих стран умеют формировать те таланты, которые востребованы экономикой» – Артуро Брис, директор программы «Рейтинг мирового таланта»^{22,23};

– контроль за развитием человека с рождения. Например, в Финляндии после рождения каждой семье высылается подарочная коробка со всем необходимым – одежда, обувь, книги, игрушки и т.д. Помимо этого, родители получают

---

¹⁹ Ari Antikainen, The Scandinavian model of education. URL: https://www.researchgate.net/publication/291817539_The_Scandinavian_model_of_education (accessed 13.05.2022).

²⁰ OECD (2019), PISA 2018 Results (Volume I): What Students Know and Can Do, PISA, OECD Publishing, Paris. URL: <https://doi.org/10.1787/5f07c754-en> (accessed: 03.04.2022).

²¹ OECD (2016), PISA 2015 Results (Volume I): Excellence and Equity in Education, PISA, OECD Publishing, Paris. URL: <https://doi.org/10.1787/9789264266490-en/> (accessed: 03.04.2022).

²² MD World Talent Ranking, 2018. URL: <https://www.imd.org/wcc/world-competitiveness-center-rankings/talent-rankings-2018/> (accessed: 09.04.2022).

²³ Bloomberg, These Countries Are the Best in the World at Attracting Talent, 2018. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-11-19/switzer-land-is-world-s-best-in-attracting-talent-for-fifth-year> (accessed: 03.04.2022).

пособие на ребенка – минимум 95 евро в месяц²⁴. Размер пособия на ребенка увеличивается в зависимости от количества детей²⁵;

– поддержание престижности профессий социальной сферы: с каждым годом желающих учить детей становится больше, начиная с 2010 года наблюдается тенденция, при которой желающих обучать в десять раз больше [22], чем доступных рабочих мест, а конкурс на педагогический факультет в Хельсинкском университете уже давно вышел на уровень 20 человек на место²⁶. Подобный спрос на профессию может демонстрировать удовлетворение статусом своей работы в обществе и высокой оценкой преподавательской деятельности. Правительство Финляндии улучшило востребованность профессии, повысив входные требования и наделив учителей высоким уровнем полномочий, включая возможность находить и предлагать эффективные стратегические решения по реформированию системы образования. Тем самым доверие к учителям в обществе возрастает, им доверяют, так как за ними полноценно закреплена функция внимательного выстраивания стратегии обучения в соответствии не только с гуманистическими целями, но и согласно миссии экономического процветания всей страны [7]. Финансовое обеспечение учителя также является достаточно высоким. Учитель обладает свободой выбора учебных пособий, правом на доработку учебного курса, его адаптацию «под конкретных учеников» или в соответствии с собственными интересами [6];

– в странах Северной Европы профсоюзное движение является неотъемлемой частью жизни образовательного сообщества и вносит весомый вклад в политику сферы образования, участвуя в рабочих группах, лоббируя и защищая условия труда учителей. Так, например, в Финляндии функционирует Профсоюз работников образования (*OAJ – Opetusalan Ammattijärjestö*), членами которого являются более 95% финских учителей и директоров школ²⁷;

– в Финляндии присутствуют ассоциации родителей и комитеты (например, *Suomen Vanhempainliitto ry*), которые могут сотрудничать с представителями образования, способствуя обучению и благополучию детей и молодежи, занимаясь в том числе и волонтерской деятельностью. Таким способом родители, с одной стороны, выражают интерес к процессу образования своих детей и их повседневной жизни. С другой стороны – участвуя в различных мероприятиях, родительский комитет поддерживает персонал образовательных учреждений,

---

²⁴ Finland's 'Baby Box': Gift from Santa Claus or Socialist Hell? URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2011/04/finlands-baby-box-gift-from-santa-claus-or-socialist-hell/237240/> (accessed: 09.05.2022).

²⁵ Lapsilisän määrä ja maksaminen. URL: <https://www.kela.fi/lapsilisa-maara-ja-maksaminen> (accessed: 06.03.2022).

²⁶ From Finland, an Intriguing School-Reform Model, The New York Times. URL: https://www.nytimes.com/2011/12/13/education/from-finland-an-intriguing-school-reform-model.html?_r=0 (accessed: 16.03.2022).

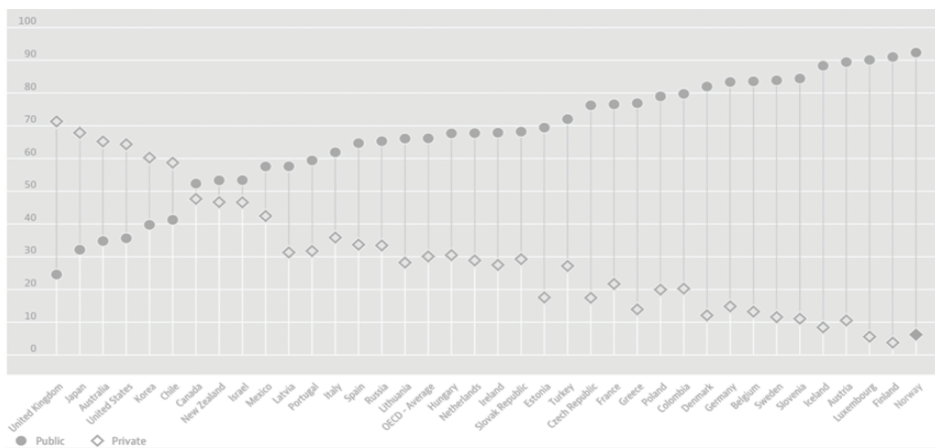
²⁷ Opetusalan Ammattijärjestö. URL: <https://www.oaj.fi/en/> (accessed: 18.03.2022).

влияет на создание позитивной среды и выстраивание доверительных отношений между всеми участниками образовательного процесса²⁸;

– по данным PISA-2018 в Финляндии разрыв в успеваемости, связанный с социально-экономическим статусом учащихся (79 баллов), меньше, чем средняя разница между учащимися из обеспеченных и неблагополучных семей (89 баллов) в странах ОЭСР. Финляндия – одна из немногих стран, где высокий уровень успеваемости сочетается с удовлетворенностью социально-экономическими аспектами жизни²⁹;

– на уровне докторантуры скандинавские системы поддерживаются высоким притоком иностранных студентов: от 30% до 40% студентов набираются из стран за пределами региона, что свидетельствует о важности Скандинавии для международной мобильности молодых исследователей³⁰.

Однако, стоит отметить и обратную сторону образования, финансируемого в большей степени государством (Рис. 1). Так, например, при бесплатном образовании, в том числе для студентов, приезжающих в Северную Европу из других стран, вырос риск дефицита необходимого бюджетного финансирования для обеспечения образовательного процесса.

Рис. 1. Государственные и частные расходы на высшее образование в странах Северной Европы на мировой арене³¹

Источник: OECD. Data Spending on tertiary education. 2018.

²⁸ Suomen Vanhempainliitto ry. URL: <https://vanhempainliitto.fi/liiton-toiminta/welcome-to-parental-activity/> (accessed: 18.03.2022).

²⁹ OECD, 2019. Finland – Country Note – PISA 2018 Results. URL: https://www.oecd.org/pisa/publications/PISA2018_CN_FIN.pdf (accessed: 18.03.2022).

³⁰ Will Nordic model of higher education survive reforms? URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20180406162120139> (accessed: 18.03.2022).

³¹ OECD. Data. Spending on tertiary education. URL: <https://data.oecd.org/eduresource/spending-on-tertiary-education.htm> (accessed: 18.03.2022).

Государственные расходы рассматривались в качестве эффективной долгосрочной социальной инвестиции. Одним из приоритетов правительства являлось то, чтобы иностранные студенты интегрировались в локальную среду и становились высококвалифицированными специалистами в разных отраслях, оставаясь работать после окончания учебы.

Решением проблемы нехватки финансовых ресурсов стало введение платы за обучение для студентов из стран, не входящих в ЕС: в Дании в 2006 году, а в 2011 году Швеция последовала этому примеру, в дальнейшем данные меры были приняты и Финляндией. Но в то же время были введены стипендиальные программы, согласно которым при условии хорошей учебы студент может получить стипендию в размере 20–100% от стоимости обучения в высшем учебном заведении. Описываемый пример подчеркивает ценности государства, развивающегося в парадигме социально-ориентированной модели: несмотря на внедрение и использование рыночного механизма (введение платы для иностранных студентов не из ЕС), лейтмотив социальной ориентации стран Северной Европы не искажился (параллельно эти же студенты были обеспечены социальной гарантией – стипендией за проявление успехов в обучении).

Вместе с тем проблема недостаточного финансирования сохраняется до сих пор: представители социального обеспечения Финляндии отмечают высокие расходы на жилье для студентов, особенно в густонаселенных городах. Согласно данным *Helsinki Times*, каждый четвертый студент сталкивается с финансовыми трудностями из-за задолженностей, в том числе по кредитам на образование, к которым был вынужден прибегнуть в связи с изменившимися условиями предоставления материальной поддержки в 2017 году: была введена реформа, включающая такие изменения, как снижение платы за обучение студентов университетов примерно до 250 евро, как и у учащихся средних школ, и сокращение периода времени, в течение которого студенты имеют право на получение финансовой помощи³².

Отдельно стоит рассмотреть бюрократические проблемы и их решение в сфере образования в странах Северной Европы. В качестве примера можно привести опыт Финляндии: к началу 1980-х годов централизованное управление системой образования оценивалось негативно, считаясь чрезмерно бюрократическим и ограничительным. Муниципалитеты и учителя пытались усилить свое влияние на внесение изменений в систему и предоставления больших прав и полномочий (например, на подготовку учебной программы). В 1984 году правительством был создан комитет, к целям которого относились децентрализация управления и реформа аппарата государственного управления таким образом, чтобы повысить эффективность сферы образования. С точки зрения «скандинавской модели», сложная бюрократия отвлекает ценные ресурсы

---

³² Student loan debt on the rise in Finland, *Helsinki Times*. URL: <https://www.helsinkitimes.fi/finland/news-in-brief/18870-student-loan-debt-on-the-rise-in-finland.html> (accessed: 18.03.2022).

от содержания образования. В этой связи во всех странах Северной Европы стараются упростить бюрократические препятствия, например, в процессе координации агентств при поступлении в вузы иностранных граждан или привлечении исследователей.

* * *

На наш взгляд, страны, функционирующие в границах капиталистических систем, переориентирующие свои политические стратегии на поддержание социальных сфер, смогут достичь большего, ведь основа любого государства – это общество, а забота о благополучии каждого гражданина – его главная функция.

Результат проводимой политики всеобщего благосостояния стран Северной Европы находит свое отражение в развитии человеческого потенциала:

– в международном Индексе социального прогресса (*The Social Progress Index*), где страны Северной Европы занимают лидирующие позиции, обладая высокими показателями удовлетворения человеческих потребностей, в которые входят: питание, медицинское обслуживание и легкость доступа к основным видам коммуникаций и знаниям³³;

– в низком уровне социального неравенства в скандинавских странах. Децильный коэффициент фондов (показывает отношение доли дохода, принадлежащей 10% наиболее обеспеченной части населения, к 10% наименее обеспеченного населения) в 2017 году в Дании и Норвегии составил 6,4 раза, а в Швеции сократился до 7,6 раза³⁴;

– в поддержании и развитии инструментов финансовой и социальной помощи населения: проведение эксперимента с минимальным базовым доходом в Финляндии с января 2017 по декабрь 2018 г.; формирование в конце 20-века Глобального государственного пенсионного фонда (*The Government Pension Fund Global, Нефтяной фонд*) для будущих поколений в Норвегии, построенного на избыточных нефтяных доходах и успешно функционирующего по сей день, инвестируя в компании в 74 странах мира: стоимость его активов составляет более 1,3 трлн долл., что приблизительно равно 1,5% от мирового фондового рынка, что делает его крупнейшим в мире (на каждого гражданина Норвегии на ноябрь 2020 г. приходится 237 255 долл.).

Положительный прогрессивный опыт реализации «скандинавской модели» в рамках образования лежит в культуре взаимодействия, а именно в доверии между всеми представителями системы образования и государственной власти, ввиду того, что каждый из участников ощущает свою сопричастность к изменениям, участвуя в обсуждении разработок и стандартов.

Переходя на современную российскую действительность, хотелось бы сказать, что сфера образования в РФ в большей степени подчинена тенденциям

³³ The Social Progress Index. URL: <https://www.socialprogress.org> (accessed: 12.04.2022).

³⁴Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. Динамика доходов населения. Февраль 2018 г. URL: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/16270.pdf> (дата обращения: 05.03.2022).

развития рыночно-ориентированной модели, в частности высшее образование. Усиление роли рынка переориентирует ценности и цели образовательных организаций на экономическую эффективность и получение коммерческого результата [19].

Однако, исследуя риторику руководства нашей страны относительно социально-ориентированной государственной политики, стоит отметить неоднократное упоминание со стороны Президента РФ В. Путина о возможностях реализации такой политики в России. Президент отмечает необходимость высоких стандартов ее исполнения на всех уровнях административно-территориальных единиц и высоко оценивает роль социальной политики в поддержке семейных ценностей, осуществлении программ защиты разных групп населения и для обеспечения всеобщего доступа к образованию и здравоохранению³⁵.

Литература

1. *Бекова С.К., Терентьев Е.А., Малошонов Н.Г.* Образовательное неравенство в условиях пандемии COVID-19: связь социально-экономического положения семьи и опыта дистанционного обучения студентов // Вопросы образования. 2021. № 1. С. 74–92.
2. *Бузгалин А.В.* Десять принципов социально-ориентированного развития: новый проект? // Философия хозяйства. 2010. № 5(71). С. 85–99.
3. *Гусельцева М.С.* Скандинавская модель. Успешная модернизация на примере Норвегии // Образовательная политика. 2020. №2(82). С. 30–41.
4. Двенадцать решений для нового образования. Доклад центра стратегических разработок и Высшей школы экономики // М.: НИУ ВШЭ, 2018. 106 с.
5. Динамика доходов населения. Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. 2018. № 34. 18 с.
6. *Дубаков А.В., Оларь Ю.В., Кузьменкина Е.В.* Образование в Финляндии: феномен успеха // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. № 2. 10 с.
7. Как сделать профессию учителя – профессией будущего! Уроки со всего мира / Аналитический доклад международного саммита, посвященного профессии учителя // СПб.: НИУ ВШЭ, 2011. 144 с.
8. *Дубровин И.А.* Теоретические основы скандинавской экономической модели: стокгольмская экономическая школа и социализация капиталистической системы // Вопросы политической экономики. 2021. № 2(26). С. 117–131.
9. *Козлова М.А.* Система образования и рынок труда в Финляндии // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2019. № 2. С. 95–102.
10. *Козлова М.А.* Социально-философский анализ молодежной безработицы (в странах с различными экономическими моделями) // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2017. №2. С. 11–18.
11. *Колосницына М.Г., Ермолина Ю.Е.* Государственные расходы на образование и экономический рост: межстрановой анализ // Вопросы статистики. 2021. Т. 28. № 3. С. 70–85.
12. *Кузьминов Я.И. и др.* Как сделать образование двигателем социально-экономического развития? // М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2019.
13. *Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М.* Университеты в России: как это работает // М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 616 с.

³⁵ Встреча с руководителями фракций Государственной Думы, 6 марта 2020 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62949> (дата обращения: 13.11.2021).

14. *Молчанов И.Н.* Трансформация механизмов государственного регулирования сферы высшего образования // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2021. № 1(53). С. 91–103.
15. *Осинов А.М.* Рыночные механизмы – социальный тупик российского образования // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 5. С. 63–72.
16. *Пономарева Е.А.* Факторы экономического роста: научно-технический прогресс // М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012. 186 с.
17. *Сорокин Д.Е.* Главная задача государства – обеспечение приоритетного развития технологий и социальной справедливости // Вопросы политической экономии. 2020. № (21). С. 120–129.
18. *Яковлева Н.Г.* Социальные последствия финансиализации образования // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 104–114.
19. *Яковлева Н.Г.* Противоречия трансформации образования в современной экономике (политико-экономический подход): диссертация ... доктора экономических наук: 08.00.01. Москва, 2021.
20. *Яковлева Н.Г.* Технологические и социально-экономические трансформации начала XXI века: роль и место образования // Экономическое возрождение России. 2020. № 2(64). С. 133–141.
21. *Юлиусдоттир С., Петерссон Я.* Общие стандарты по образованию в области социальной работы в странах Северной Европы: к постановке проблемы // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2. № 3. С. 399–420.
22. *Halme K., Lindy I., Piirainen K.A., Salminen V., White J.* (2014) Eds. 2014. Finland as a Knowledge Economy 2.0: Lessons on Policies and Governance. Directions in Development. Washington.
23. *Le Grand C., Szulkin R., Tählin M.* (2005), “Education and Inequality in Sweden: A Literature Review” in R. Asplund, E. Barth, Education and Wage Inequality in Europe, ETLA/EDWIN, Helsinki, pp. 321–360.
24. NAE (2009), What influences Educational Achievement in Swedish Schools? A Systematic Review and Summary Analysis, NAE, Stockholm.
25. OECD, 2019. Finland – Country Note – PISA 2018 Results. URL: https://www.oecd.org/pisa/publications/PISA2018_CN_FIN.pdf (accessed: 18.03.2022).
26. OECD. Improving Schools in Sweden: An OECD Perspective. URL: <https://www.oecd.org/education/school/Improving-Schools-in-Sweden.pdf>
27. *Waslander S., Pater C., van der Weide M.* (2010). “Markets in Education: An Analytical Review of Empirical Research on Market Mechanisms in Education”, OECD Education Working Papers, №. 52, OECD Publishing.
28. OECD. Education at a Glance 2021: OECD Indicators. – Paris: OECD Publishing, 2021.
29. OECD. PISA 2018 Results (Volume III): What School Life Means for Students' Lives. – OECD, 2019.
30. OECD. Resourcing Higher Education: Challenges, Choices and Consequences, Higher Education. – Paris: OECD Publishing, 2020.

Maria Arzumanyan (e-mail: arz.marie@mail.ru)

Research Fellow, Center for Economic Theory of the Social Sector,
Institute of Economics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

A SOCIALLY ORIENTED MODEL OF EDUCATION AS A HUMAN POTENTIAL DEVELOPMENT FACTOR (WITH REFERENCE TO SCANDINAVIAN COUNTRIES)

The article discusses the features of the Nordic socially oriented model of the state and economy. The factors determining the indicators of high effectiveness of the education system are analyzed, with particular attention paid to the accessibility and quality of education. Financing mechanisms and features of the institutional structure of Nordic education model are also investigated. The conclusion is drawn that Scandinavian countries are a good example of the implementation of social welfare policy and the formation of the socio-cultural environment aimed at the development of human potential. It is shown that the Nordic model provides for the tools to expand the opportunities for supporting citizens; on the other hand, become more socially active. It is argued that the experience of the Nordic countries can be used to improve socio-economic policies in the field of education in Russia.

Keywords: education, government, human potential, the Nordic model, education, the Nordic education model, social democratic model.

DOI: 10.31857/S020736760021500-9

Требования к рукописям, представляемым для публикации в журнале «Общество и экономика»

Содержание статьи должно соответствовать тематическим направлениям журнала, обладать научной новизной и представлять интерес для специалистов по соответствующей проблематике.

Объем рукописи не должен превышать 1,5 авторского листа (60 тыс. знаков).

Текст статьи представляется в формате Microsoft Word в соответствии со следующими параметрами: шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5. Иллюстративный материал должен быть представлен в форматах **tiff, eps**. Отсканированные изображения должны быть с разрешением не менее 300 dpi для тоновых изображений и не менее 600 dpi для штриховых изображений (графики, таблицы, детали, выполненные чертежными инструментами).

Список литературы приводится в конце статьи в соответствии с принятыми стандартами библиографического описания.

Статью должны сопровождать аннотация (5–10 строк) и ключевые слова на русском и английском языках.

К статье должны прилагаться **сведения об авторе** (авторах) с указанием Ф.И.О. (полностью), ученой степени, ученого звания, места работы, должности, сл. и дом. телефонов, электронного адреса.

Рукописи подлежат рецензированию.

Плата за публикацию с аспирантов не взимается.

Рукописи следует присылать по адресу: socpol@mail.ru

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);
2) в меню «**Мои публикации**» станет активна кнопка «**Добавление Публикации**», нажав на которую, Вы автоматически попадете на страницу, где будет предложено внести необходимую информацию о статье;

3) можно оставить краткий комментарий в поле «**Комментарии для редактора**». Статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «**Сохранить и отправить**».

Подробная инструкция размещена по ссылке: <https://ras.jes.su/submit-paper.ru.html>

Оформить подписку на журнал «Общество и экономика» можно следующими способами:

1. на печатную версию журнала можно подписаться на сайте ГАУГН-Пресс во вкладке Журналы РАН <https://press.gaugn.ru/journals-ras/oie/>;
2. на электронную pdf-версию журнала оформить подписку можно на сайте журнала <https://oie.jes.su/> или на редакционно-издательском портале Журналы РАН <https://ras.jes.su/oie/>;
3. через подписной каталог Почты России.

Подписано к печати 18.08.2022 г.

Тираж 150 экз. Зак. 12/8а. Цена свободная

70*100¹/₁₆. Уч.-изд. л. 17.5

Учредители: Российская академия наук,
Международная ассоциация академий наук
Адрес редакции: 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32, офис 1027.
Тел. (499)-128-79-16
E-mail: socpol@mail.ru

Издатель: Российская академия наук
20 экз. распространяется бесплатно
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-134-21
ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314
Отпечатано в ООО «Институт Информационных технологий»